

ISSN 2619-0656

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**РУСИСТИКА
И
КОМПАРАТИВИСТИКА**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск XVIII

Москва, 2024

УДК 80
ББК 80
Р 88

Сайт сборника
<https://rik.mgpu.ru/>

Издается с 2006 года

Учредитель
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(129226 Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4)

Р 88

Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова.
Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. 194 с. (Научное издание.)

«Русистика и компаративистика» – сериальный ежегодный сборник научных статей, посвященный вопросам русской и мировой культуры в аспектах языка, литературы и фольклора, в том числе в ракурсе сравнительно-сопоставительного анализа исследуемых феноменов.

Для специалистов-филологов, преподавателей, студентов, аспирантов, учителей.

© Коллектив авторов, 2024
© МГПУ, 2024
© ИКД «Зерцало-М», 2024

ISBN 978-5-94373-581-3

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Геворкян Елена Николаевна (Москва)	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Кириллов Виктор Васильевич (Москва)	директор института гуманитарных наук ГАОУ ВО МГПУ, кандидат исторических наук, профессор
Автухович Татьяна Евгеньевна (Беларусь, Гродно)	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лоскутникова Мария Борисовна (Москва)	кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента филологии института гуманитарных наук МГПУ
Главный редактор Геймбух Елена Юрьевна (Москва)	доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии института гуманитарных наук МГПУ
Заместитель главного редактора Алексеев Александр Валерьевич (Москва)	доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего языкознания имени И.Г. Добродомова института филологии МПГУ
Бубнова Ирина Александровна (Москва)	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ»
Водяницкая Альбина Александровна (Москва)	доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и переводоведения института иностранных языков МГПУ
Гродецкая Анна Глебовна (Санкт-Петербург)	доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой русской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом)
Громова Алла Витальевна (Москва)	доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии института гуманитарных наук МГПУ
Казаченко Оксана Васильевна (Москва)	доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии института гуманитарных наук МГПУ

Клинг Олег Алексеевич (Москва)	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы МГУ имени М.В. Ломоносова
Ларионова Марина Ченгаровна (Ростов-на-Дону)	доктор филологических наук, доцент, заведующая отделом гуманитарных исследований, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН
Пятаева Наталья Вячеславовна (Беларусь, Минск)	доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и лингводидактики филологического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка
Райкова Ирина Николаевна (Москва)	кандидат филологических наук, доцент, профессор департамента филологии института гуманитарных наук, заместитель директора института гуманитарных наук по научной работе МГПУ
Сабзиева Макбуле (Турция, Эскишехир)	профессор, заведующая отделением русского языка и литературы Гуманитарного факультета Анатолийского университета
Сироткина Татьяна Александровна (Сургут)	доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета
Смирнова Альфия Исламовна (Москва)	доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии института гуманитарных наук МГПУ
Сурьянараян Нилакши (Индия, Дели)	доктор филологии, профессор Делийского университета
Харченко Елена Владимировна (Челябинск)	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Русский язык как иностранный» Института лингвистики и международных коммуникаций, директор центра — ЦДО «Подготовительное отделение для иностранных граждан» Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета)
Цзян Хун (Китай, Фудань)	доктор филологических наук, профессор, профессор факультета русского языка и литературы Института иностранных языков и литературы Фуданьского университета
Якушевич Ирина Викторовна (Москва)	доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии института гуманитарных наук МГПУ

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	9
Языковые картины мира в сопоставительном аспекте	
<i>Ян Цзинь, Харченко Е.В.</i>	
Семный анализ понятия <i>герой</i> в языковом сознании носителей русской и китайской лингвокультур	10
<i>Пятаева Н.В.</i>	
Тематические группы имён существительных в «Словаре русских говоров Башкирии»	20
<i>Бекоева И.Д.</i>	
Лингвокультурный аспект переводческой деятельности: взаимодействие передающей и принимающей культур	38
Лингвостилистический анализ художественного текста	
<i>Девятова Н.М.</i>	
Вводные слова в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и проблема точки зрения	54
<i>Казмирчук О.Ю.</i>	
«Развлеченье любимой» как повод для преображения мира (стихотворения Н.С. Гумилева «Жираф» и Б.Л. Пастернака «Без названия»).....	65
Русская литература XIX века: аксиологические аспекты компаративного анализа	
<i>Гребенищikov Ю.Ю.</i>	
Знаки родительского благословения в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» и в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова	78
<i>Лоскутникова М.Б.</i>	
Принцип сравнительно-сопоставительного изображения в характерологии романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история»	101
<i>Полтавец Е.Ю.</i>	
Принцип уробороса и «завершающий детский образ» в творчестве Л.Н. Толстого	118

Русская литература XX века: магистральные и латеральные грани развития

Гиниятуллин А.М.

«Плетение словес» в стихотворениях в прозе В. Хлебникова:
традиции поэтики 132

Хлебцова А.В.

Трилогия К.М. Симонова «Живые и мертвые»
и ее осмысление в литературно-общественном процессе 142

Русская и зарубежная литературы: семантика творческих влияний

Иванова Е.Р.

Тема двойничества в повести Ф.М. Достоевского «Двойник»
и в романе О. Памука «Белая крепость»..... 157

Междисциплинарное изучение русской литературной классики

Карпачева Т.С.

Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»:
отражает ли образ Макара Долгорукого
принадлежность персонажа к секте бегунов? 170

CONTENTS

From the Editor	9
 Language Pictures of the World in a Comparative Aspect	
<i>Yang Jin, Elena V. Kharchenko</i>	
Semantic Analysis of the Concept of <i>Hero</i> in the Linguistic Consciousness of Native Speakers of Russian and Chinese Linguo-cultures.....	10
 <i>Natalia V. Pyataeva</i>	
Thematic Groups of Nouns in the “Dictionary of Russian Dials of Bashkiria” ...	20
 <i>Irina D. Bekoeva</i>	
Linguo-cultural Aspect of Translation Activities: Interaction of Transmitting and Receiving Cultures.....	38
 Linguo-stylistic Analysis of a Literary Text	
<i>Nadezhda M. Devyatova</i>	
Introductory Words in M. Yu. Lermontov’s Novel “A Hero of Our Time” and the Problem of Point of View.....	54
 <i>Olga Yu. Kazmirchuk</i>	
“Entertainment of the Beloved” as a Reason for the Transformation of the World (Poems by N.S. Gumilyov “Giraffe” and B.L. Pasternak “Untitled”).....	65
 Russian Literature of the XIX-th Century: Axiological Aspects of Comparative Analysis	
<i>Yuriy Yu. Grebenshchikov</i>	
Signs of Parental Blessing in I.S. Turgenev’s Novel “The Noble Nest” and in S.T. Aksakov’s “The Family Chronicle”.....	78
 <i>Maria B. Loskutnikova</i>	
The Principle of Comparative-contrastive Image in the Characterology of I.A. Goncharov’s Novel “An Ordinary Story”	101
 <i>Elena Yu. Poltavets</i>	
Ouroboros Principle and “the Final Image of a Child” in the Works of L.N. Tolstoy.....	118

Russian Literature of the XX-th Century: Main and Lateral Facets of Development

Artyom M. Giniyatullin

“Weaving of Words” in the Prose Poems of V. Khlebnikov:
Traditions of the Poetics 132

Anastasiia V. Khlebtsova

K.M. Simonov’s Trilogy “The Living and the Dead”
and Its Comprehension in the Literary and Social Process..... 142

Russian and Foreign Literature: Semantics of Creative Influences

Elena R. Ivanova

The Theme of Duality in F.M. Dostoevsky’s Novella “The Doppelganger”
and O. Pamuk’s Novel “The White Fortress” 157

Interdisciplinary Study of Russian Literary Classics

Tatiana S. Karpacheva

F.M. Dostoevsky’s Novel “The Adolescent”:
does the Image of Makar Dolgoruky Reflect the Character’s Belonging
to the Sect of Runners? 170

ОТ РЕДАКТОРА

В очередной выпуск сборника научных статей «Русистика и компаративистика» вошли статьи ученых и исследователей из России (Москва, Челябинск), а также Беларуси, Китая, Южной Осетии.

Многоплановость лингвистической тематики сосредоточена в ракурсах языковых картин мира, взятых в сопоставительном аспекте, а также лингвостилистического анализа художественного текста, в т. ч. в сравнительно-сопоставительном аспекте. В первом из этих разделов представлены результаты семного изучения понятия «герой» в языковом сознании носителей русской и китайской лингвокультур, систематика тематических групп имён существительных в «Словаре русских говоров Башкирии», опыт переводческой работы при изучении взаимодействия «передающей и принимающей» сторон в осетинской и русской культурах. Во втором разделе показано, как в ходе лингвистического анализа художественного текста могут быть рассмотрены такие вопросы, как проблема точки зрения, исследуемая сквозь призму вводных слов в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», а также телеологически-тематическая близость, обнаруживаемая в стихотворениях Н.С. Гумилева «Жираф» и Б.Л. Пастернака «Без названия».

Проблемный спектр работ в области литературоведения охватывает исторические просторы XIX – начала XXI веков. Исследователи обратились к аксиологии словесного творчества, выявляемой в процессах компаративного анализа, магистральным и латеральным путям развития русской литературы, семантике идейно-творческой переклички русской и зарубежной литератур, а также к вопросам междисциплинарного изучения русской литературной классики. В центре внимания исследователей произведения С.Т. Аксакова, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, К.М. Симонова, а также одного из основоположников русского футуризма Велимира Хлебникова. Среди центров внимания – творчество Ф.М. Достоевского, анализ которого осуществляется авторами статей как в русле компаративного изучения исследуемого материала (в частности, в сопоставлении повести «Двойник» с романом турецкого писателя О. Памука «Белая крепость»), так и в русле междисциплинарного (с позиций филологии, религиоведения и юриспруденции) изучения романа «Подросток».

Каждая статья, размещенная в сборнике, прошла двойное «слепое» рецензирование. Благодарим всех рецензентов за труд!

ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Научная статья

УДК [811.161.1+811.581]*37

DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-10-19

СЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ *ГЕРОЙ* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Ян Цзинь¹, Харченко Елена Владимировна²

^{1,2}Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

¹ 1114348807@qq.com, <https://orcid.org/0009-0005-3221-2934>

² ev-kharchenko@yandex.ru, AuthorID: 118841, <https://orcid.org/0000-0002-0071-595x>

Аннотация. На основе данных, полученных в результате исследований с помощью анкетирования и метода свободных дефиниций, выявлены различия героических образов в языковом сознании молодых китайцев и русских. Результаты показывают, что понятие «герой» в языковом сознании молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет имеет универсальные и уникальные значения. Молодые респонденты из обеих стран уделяют большое внимание тому, что делают герои, а также их характеристикам. Храбрость и самоотверженность важны как в китайской, так и в русской культуре. Для китайских респондентов значимо защищать интересы Родины и народа. Для русских респондентов важно спасать других и помогать им.

Ключевые слова: семный анализ, лингвокультура, языковое сознание, образ героя, Россия, Китай, культура.

Для цитирования: Ян Цзинь, Харченко Е.В. Семный анализ понятия *герой* в языковом сознании носителей русской и китайской лингвокультур // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 10–19. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-10-19.

Original article

SEMANTIC ANALYSIS OF THE CONCEPT OF *HERO* IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN AND CHINESE LINGUO-CULTURES

Yang Jin¹, Elena V. Kharchenko²

^{1,2} South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

¹ 1114348807@qq.com, <https://orcid.org/0009-0005-3221-2934>

² ev-kharchenko@yandex.ru, AuthorID: 118841, <https://orcid.org/0000-0002-0071-595x>

Abstract. Based on the data obtained as a result of research using questionnaires and the method of free definitions, differences in heroic images in the linguistic consciousness of young Chinese and Russians were revealed. The results show that the concept of “hero” in the linguistic consciousness of young people aged 18 to 30 has universal and unique meanings. Young respondents from both countries place great emphasis on the actions of heroes and their characteristics. Bravery and selflessness are important in both Chinese and Russian culture. For Chinese respondents, it is very important to protect the interests of the motherland and the people. For Russian respondents, it is important to rescue and help others.

Keywords: semantic analysis, linguo-culture, linguistic consciousness, hero image, Russia, China, culture.

For citation: Yang Jin, Kharchenko Elena V. Semantic Analysis of the Concept of *Hero* in the Linguistic Consciousness of Native Speakers of Russian and Chinese Linguo-cultures // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2024. Pp. 10–19. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-10-19.

© Yang Jin, Харченко Е.В., 2024

Введение

Образ *героя* занимает особое место в социуме, поскольку, с одной стороны, он является концентратом реальных и вымышленных историй о подвигах, с другой – представляет собой идеал, образец для подражания, которые транслируются на всех членов общества, особенно на подрастающее поколение. Этот образ также важен для общества, поскольку содержит ярко выраженную аксиологическую составляющую. Перефразируя известную русскую пословицу, можно сказать: «Скажи мне, кто твой герой, и я скажу, кто ты».

Проблемы методологии исследования. В данной работе с помощью семного анализа будут проанализированы определения, полученные в результате опросов носителей русской и китайской лингвокультур разных возрастов. При опросе использовался метод свободных дефиниций, в соответствии с которым испытуемым предлагалось написать свое определение героя («Герой – это...»).

Затем данные обобщались на основе выделения общих сем и сопоставлялись.

Метод свободных дефиниций часто используется для выявления актуального для современных носителей лингвокультуры основного значения и дополнительных смыслов, закрепленных в языковом сознании представителей того или иного сообщества. Языковое сознание понимается нами как «совокупность перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира, опосредованный языком образ мира той или иной культуры»; «функционирование языкового сознания связано с механизмами порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психическими механизмами, обеспечивающими процесс речевой деятельности человека» [Тарасов, 2000, с. 3].

В качестве респондентов выступили носители русской и китайской лингвокультур в возрасте 18–30 лет (студенты Южно-Уральского государственного университета). Количество респондентов как представителей китайской культур, так и представителей русской / российской культуры – по 30 человек.

На первом этапе проходил опрос, результаты которого анализировались с помощью методики семного анализа. Это было сделано для выделения оснований, которые поддаются сопоставлению.

Метод семного анализа – это метод исследования языковых единиц, при котором целое значение раскладывается на минимальные элементы. Для обозначения данных элементов используются различные термины: оттенок значения, дифференциальный признак значения, семантический множитель, сема, семема, семантический маркер, атом смысла – наносмысл. В нашей работе мы будем использовать термин «сема». Целью метода компонентного анализа является разложение компонентов на составляющие – семы. Семы – это микроэлементы значения. В.Г. Гак выделяет три типа сем: 1) архисемы, или общие семы родового значения; 2) дифференциальные семы видового значения; 3) потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого объекта [Гак, 2010, с. 327]. Семный анализ может проводиться на основе анализа словарных дефиниций: семы можно «извлечь» из них путем логического анализа, а также путем вычленения образующих значение признаков на базе собственного опыта исследователя (например, у елки ветки вниз – «направленность ветвей вниз»). Семный анализ может также проводиться на основе выделения сем из употреблений слова в текстах; семы могут быть также выделены экспериментально [Левицкий, Стернин, 1989, с. 193].

В силу сказанного при анализе результатов, полученных в ходе опросов, мы выделили общие семы. Например: что герой сделал для кого-то или чего-то, какими качествами он обладает и др.

Основная часть

При выделении основных сем, осуществленном на материале опросов китайских респондентов в возрасте 18–30 лет, мы получили следующие группы.

1. Сема «личное имя или личные <имена>, местоимение» (всего 1 ответ): 共产主义革命先驱 (*пионер коммунистической революции*).

2. Сема «человек, который служит другим» (всего 6 ответов): 舍己为人 (*пожертвовать собой для других*) – 3; 带给人们希望的人 (*тот, кто дает людям надежду*); 牺牲自我·成就他人 (*пожертвовать собой ради других*); 奉献自我·舍己为人 (*пожертвовать собой для других*).

3. Сема «человек, который служит родине и народу» (всего 15 ответов): 为人民无私奉献的人 (*человек, который самоотверженно служит народу*) – 2; 为祖国·为人民服务的人 (*тот, кто служит родине и народу*); 为祖国贡献 (человек, человек внес свой вклад на благо родины); 英雄热爱和平·心中牵挂着自己的祖国和人民 (*герой любит мир и в сердце беспокоится о своей стране и народе*); 为人民利益英勇斗争 (*отважно сражается за интересы народа*); 为民族做出卓越的贡献 (*внес выдающийся вклад на благо народа*); 爱国 (*любит родину*); 精忠报国·为祖国无私奉献 (*должен делать всё возможное и идти на любые жертвы ради своей страны, самоотверженно служить родине*); 英雄是为祖国和人民做出突出贡献的人 (*человек, внесший выдающийся вклад во благо Родины и народа*); 英雄是为祖国为人民冲锋陷阵的人·是平凡中的不平凡 (*герой – необыкновенный человек среди простых людей, идет в атаку за Родину и народ*); 无私地服务自己的祖国和人民 (*самоотверженно служит своей стране и народу*); 在国家和人民有需要时奋不顾身站出来的人 (*человек, человек бесстрашно выступает вперед, когда страна и ее народ в этом нуждаются*); 为祖国和人民服务的人 (*человек, который служит родине и народу*); 为社会做出贡献的人 (*человек, который приносит пользу обществу*).

4. Сема «человек, который совершает смелые поступки» (всего 13 ответов): 不怕困难 (*не боится трудностей*) – 5; 英雄敢为人先 (*герой осмеливается быть первым*); 不顾自己 (*не обращает внимания на собственную безопасность*); 不退缩 (*не отступает*); 在危难时刻挺身而出的人 (*человек, который бесстрашно выступает вперед в кризисную минуту*); 能够在危险的时候挺身而出的普通人 (*обычный человек, который может бесстрашно выступить вперед в кризисную минуту*); 能够在需要的时候挺身而出 (*при необходимости бесстрашно выступит вперед*); 见义勇为 (*смело борется за справедливое дело*); 为了维护正义勇于反抗 (*имеет мужество сопротивляться, чтобы защитить справедливость*).

5. Сема «человек с прекрасными качествами» (всего 9 ответов): 有英雄品质 (*имеет героические качества*); 为人正直 (*прямой человек*); 勇敢的人 (*смелый человек*); 心存正义的人 (*человек справедливый*); 有道德的人 (*человек с высокими моральными качествами*); 有原则的人 (*принципиальный человек*); 具有奉献精神 (*имеет дух самоотверженности*); 正义的人 (*праведный человек*); 心中有大爱 (*в сердце большая любовь – добрый*).

6. Сема «профессия героя» (всего 1 ответ): 缉毒警察 (*полиция по борьбе с наркотиками*).

7. Сема «человек с особыми способностями» (всего 2 ответа): 才能勇武过人

(способны быть храбрыми и превосходят других); 黑白分明 (имеет способность различать добро и зло).

8. Сема «герои – это образцы для подражания» (всего 4 ответа): 被后世称颂的人就是英雄 (те, кого восхваляют будущие поколения, – герои); 有榜样作用的人 (является примером для подражания); 令人敬佩 (вызывает восхищение); 某一方面被人们所认可 (добивается признания людей в каком-либо аспекте).

Итак, в ответах китайских респондентов в возрасте 18–31 года обнаружено 8 сем, которые представлены в 51 ответе.

При анализе приведенных сем мы заметили, что наиболее важной семьей для китайских респондентов в возрасте 18–30 лет является сема «человек, который служит родине и народу» (всего 15 ответов, что составляет 29,41%). Это показывает, что в языковом сознании китайских респондентов образ героя тесно связан со страной и народом и в процессе служения родине и народу для героев важны интересы родины и народа, а не личные приобретения и потери. Например, 为人民利益英勇斗争 (отважно сражается за интересы народа), 无私地服务自己的祖国和人民 (самоотверженно служит своей стране и народу).

Второе место занимает сема «человек, который совершает смелые поступки» (всего 13 ответов, что составляет 25,49%). Подчеркнем, что в этой семе наиболее частотным ответом является «不怕困难 (не боится трудностей)»: эта сема, по-видимому, стала символом героя в китайской культуре. Во-первых, отметим, что эту сему можно найти во всех китайско-китайских словарях при поиске слова «герой». Например: «新华词典» [Китайский словарь Синьхуа], «新现代汉语词典» [Новый современный китайский словарь], «现代汉语词典» [Современный китайский словарь] и др. Во-вторых, в период Яньань Мао Цзэдун (毛泽东) специально для Ло Чэндэ (罗成德) подписал грамоту «Не боится трудностей», чтобы похвалить его за трудовую деятельность.

Дальше идут следующие семы: сема «человек с прекрасными качествами» (всего 9 ответов, т. е. 17,65%), сема «человек, который служит другим» (всего 6 ответов, т. е. 11,76%), сема «герои – это образцы для подражания» (всего 4 ответа, т. е. 7,84%), сема «человек с особыми способностями» (всего 2 ответа, т. е. 3,92%). Также встретились две семы, которые упомянуты только один раз: сема «профессия героя» (всего 1 ответ, т. е. 1,96%) и сема «личное имя или личные <имена>, местоимение» (всего 1 ответ, т. е. 1,96%).

Стоит отметить, что только у одного китайского респондента был ответ, что герой – это человек, служащий в «полиции по борьбе с наркотиками» (сема «профессия героя»). В Китае существует отдельное подразделение полиции, в чьи обязанности входит борьба с преступниками, занимающимися хранением, распространением и употреблением наркотиков. Все знают, что наркотики очень вредны для общества, а Китай является одной из стран, в которых контроль над распространением наркотиков самый строгий в мире. Согласно политике КПК в отношении наркотиков, в полиции организовано

профильное подразделение по борьбе с ними. Служба в таком подразделении предполагает серьезный риск в работе, поэтому в нем работают очень уважаемые в стране люди: их также считают героями.

Обратимся к рисунку 1, в котором на основе ответов китайских респондентов в возрасте 18–30 лет указаны значимые в китайской культуре семьи.

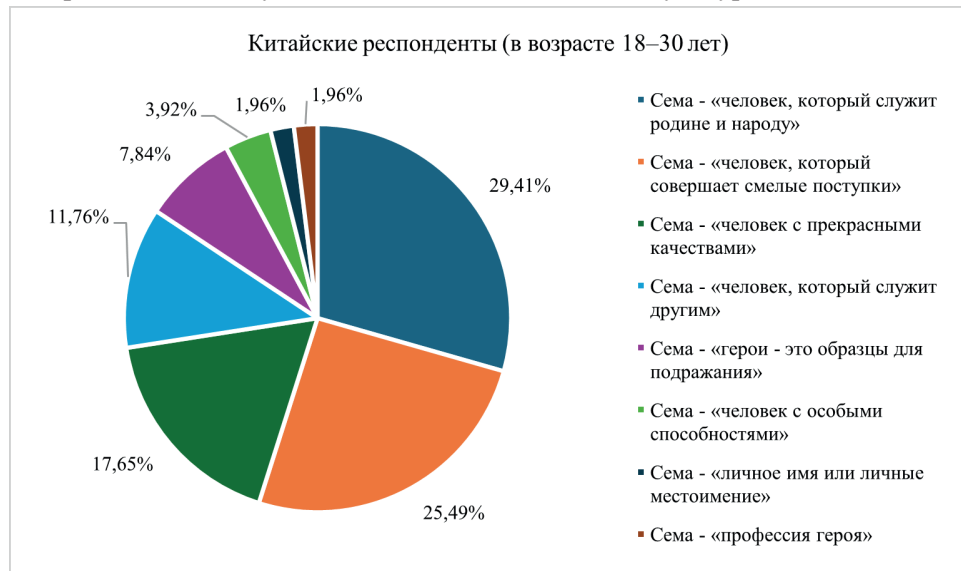

Рисунок 1. Значимые семьи в китайской культуре
(по ответам китайских респондентов в возрасте 18–30 лет)

При выделении основных сем, осуществленном на материале опросов русских респондентов в возрасте 18–30 лет, мы получили следующее.

Сема «личное имя или личные <имена>, местоимение» (всего 3 ответа): *мама (1); Путин Владимир Владимирович (2).*

Сема «действующее лицо в каком-либо произведении» (всего 2 ответа): *это персонаж (существующий или вымышленный); это действующее лицо в каком-либо произведении.*

Сема «человек, который служит другим» (всего 16 ответов): *человек, готовый пожертвовать, поступиться своими интересами ради других; готов пожертвовать собой ради других; человек, который спас кого-нибудь от беды; кто-то, готовый помочь другим людям; помогает другим людям, иногда рискует своей жизнью; человек, который готов пожертвовать собой ради спасения других или просто <ради> оказания помощи; с готовностью помогать другим людям; готовый помочь другим людям; человек, который способен спасти людей; человек, который спасает жизнь человеку; человек, который способен спасти жизни людей; готовый помочь другим людям; это человек, который спас хотя бы одну жизнь / судьбу, но при этом не бахвалился*

об этом на каждом шагу; готовый пойти на собственные жертвы ради других людей; это человек, который готов пожертвовать собой ради другого человека; не боится пострадать ради кого-то, особенно ради близких людей.

Сема «человек, который делает добрые дела» (всего 2 ответа): *это человек, который делает благие дела, но делает это просто потому, что в данной ситуации он не может поступить иначе и не кричит о своих подвигах, у него большое и доброе сердце, которое помогает ему поступать именно так; человек, который делает добрые дела.*

Сема «человек, который совершает подвиги» (всего 2 ответа): *человек, который совершает подвиги (2).*

Сема «человек, который совершает смелые поступки» (всего 7 ответов): *человек, который иногда совершает смелые поступки в жизни; рискуя своей жизнью, совершает смелые, необычные по своей храбрости поступки; смело взять на себя ответственность за происходящее; человек, который преодолевает свой страх; человек, который преодолевает трудности, несмотря на страх, боль; преодолевает трудности; человек, который делает смелые поступки в любой чрезвычайной ситуации.*

Сема «человек с прекрасными качествами» (всего 9 ответов): *необычный человек, отличающийся смелостью, храбростью, мужеством; человек, который обладает высокими моральными качествами, силой души; человек, который обладает мужеством; человек добрый; отважный человек; благородный и отважный человек; мужественный, бесстрашный человек; это человек, который обладает моральной силой; это смелый человек.*

Таким образом, в ходе опроса российских респондентов в возрасте 18–30 лет мы получили 41 ответ. В результате анализа выяснилось, что самое главное для российских респондентов этой возрастной группы – это служение другим: сема «человек, который служит другим» занимает самый большой сегмент (всего 16 ответов, т. е. 39,02%). Обнаружено, что служение другим в основном включает в себя три направления: «помогать другим» (всего 6 ответов), «спасти жизни других людей» (всего 4 ответа) и «готовый пожертвовать собой ради других» (всего 6 ответов).

Сема «человек с прекрасными качествами» (всего 9 ответов, т. е. 21,95%) занимает второе место. Далее идут сема «человек, который совершает смелые поступки» (всего 7 ответов, т. е. 17,07%), сема «личное имя или личные<имена>, местоимение» (всего 3 ответа, т. е. 7,32%). Есть еще семы, которые появляются только дважды (всего по 2 ответа, т. е. 4,88%): сема «человек, который совершает подвиги», сема «человек, который делает добрые дела».

Следует отметить, что сема «действующее лицо в каком-либо произведении» встречается дважды (2,88%): «персонаж (существующий или вымышленный)» и «это действующее лицо в каком-либо произведении». Такое значение можно найти и во многих русских словарях. Например, в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой представлено следующее толкование: это

«главное действующее лицо литературного произведения» [Ожегов и др., 1992, с. 113]. Таким образом, мы можем говорить о том, что в языковом сознании подавляющего большинства российских респондентов (в возрасте 18–30 лет) *герой* – это реальный человек, а не персонаж литературного произведения.

Обратимся к рисунку 2.

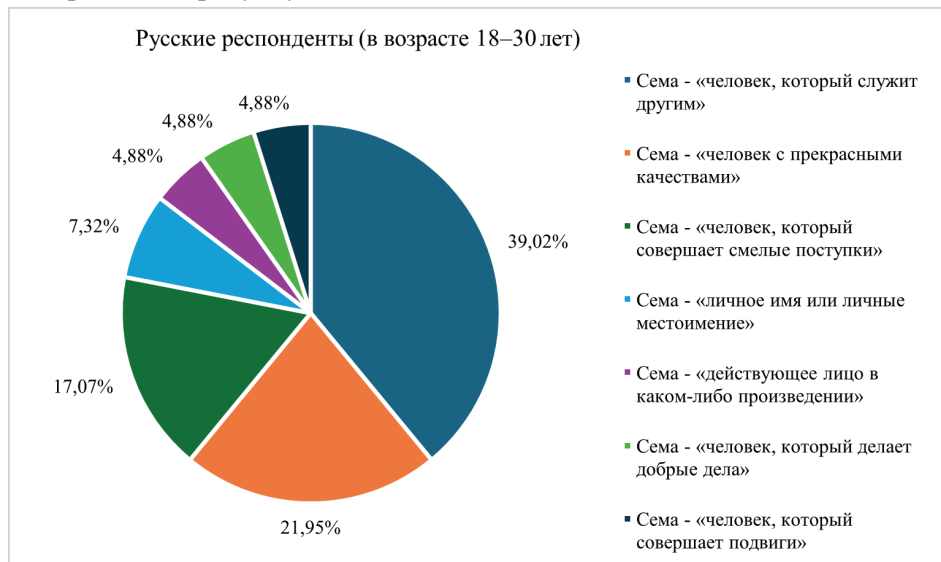

Рисунок 2. Значимые семы в русской культуре
(по ответам российских респондентов в возрасте 18–30 лет)

В дальнейшей работе по рассмотрению понятия *герой* в языковом сознании представителей русской и китайской лингвокультур можно оформить сравнительно-сопоставительную картину результатов проведенных опросов. Однако такая картина по разделению категориально выделенных сем, установленная нами в процессе анализа и отраженная на рисунках 1 и 2, уже безусловно ясна в позициях как сходства суждений и мнений у представителей разных культур, так и их различия.

Результаты

Таким образом, мы установили, что в языковом сознании китайских и русских респондентов в возрасте 18–30 лет образ героя – реальный человек. Для представителей обеих лингвокультур важно то, что «делает герой», его поступки и поведение. Для китайских респондентов важно служение родине и народу, а для русских респондентов важна помощь людям и возможность спасать людей. Кроме того, в слове «герой» молодые респонденты из обеих стран серьезное внимание уделяют качествам человека, в частности – его смелости. Все респонденты отмечали в представлениях о *герое* его самоотверженность.

Если говорить о различии в образе мышления, то необходимо подчеркнуть, что среди ответов русских респондентов не обнаружены семы «обладающий способностями», «является образцом для подражания». Среди ответов китайских респондентов не обнаружены семы «делает добрые дела», «совершает подвиги», а также «действующее лицо в каком-либо произведении».

Понятие «профессия героя» существует как в китайской, так и в русской культурах. Это важно, когда речь идет не только о полицейских, но и о врачах. Так, во время эпидемии COVID-19 на китайских и российских новостных сайтах можно было найти сведения о том, что врачи являются героями: они рискуют своей жизнью, чтобы спасти жизнь других людей. Однако в ответах китайских и русских респондентов указания на врачей не было, а слово «полиция» фигурировало лишь один раз в ответе китайского респондента. Отсюда следует, что в языковом сознании молодых китайских и русских респондентов профессия не важна: представления о *героях* тесно связаны прежде всего с нравственными характеристиками людей, а также с эпохами и историческими событиями.

Источники

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 960 с.
新华汉语词典 / 《汪磊主编. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2013. 1169 p. (Китайский словарь Синьхуа / Гл. ред. Ван Лэй. Пекин: Коммерческое полиграфическое агентство ООО).

新现代汉语词典 / 于根元. 武汉: 崇文书局, 2008. 859 p. (Новый современный китайский словарь. Ухань: Книжный магазин).

现代汉语词典 (第5版) / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京: 商务印书馆, 2005. 1632 p. (Современный китайский словарь / Сост. редакцией словаря Института лингвистики Китайской академии общественных наук. 5-е изд. Пекин: Коммерческое полиграфическое агентство).

Литература

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Либроком, 2010. 327 с.

Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж: ВГУ, 1989. 193 с.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: сб. науч. ст. М.: ИЯ РАН, 2000. 320 с. URL: https://ilingran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/-html_204/1-3.html

References

Sources

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. M.: Az Press, 1992. 960 p.

Xinhua Chinese Dictionary / ed. Wang Lei. Beijing: Commercial Press International Ltd., 2013. 1169 p.

New Modern Chinese Dictionary. Wuhan: Chongwen Bookstore, 2008. 859 p.

Modern Chinese Dictionary / Dictionary Editing Office, Institute of Linguistics, Chinese Academy of Social Sciences. 5th edition. Beijing: Commercial Press, 2005. 1632 p.

Literature

Gak V.G. *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative Lexicology]. M.: *Librokom* Press, 2010. 327 p.

Levitsky V.V., Sternin I.A. *Eksperimental'nye metody v semasiologii* [Experimental Methods in Semasiology]. Voronezh: Voronezh State University Press, 1989. 193 p.

Tarasov E.F. *Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya* [Actual Problems of Analysis of Linguistic Consciousness] // *Yazykovoe soznanie i obraz mira: sb. nauc. st.* [Linguistic Consciousness and the Image of the World: Collection of Scientific Articles]. M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Press, 2000. 320 p. URL: https://ilingran.ru/library/psylingva/sborniki/-Book2000/html_204/1-3.html

Сведения об авторах

Ян Цзинь – аспирант, преподаватель кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение»; Южно-Уральский государственный университет. Научные интересы: компаративистика.

Харченко Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор; заведующая кафедрой «Русский язык как иностранный» Института лингвистики и международных коммуникаций, директор ЦДО «Подготовительное отделение для иностранных граждан»; Южно-Уральский государственный университет. Научные интересы: компаративистика.

Information about the Authors

Yang Jin – Postgraduate Student, Lecturer of the “International Relations, Political Science and Regional Studies” Department; South Ural State University. Research interests: comparative studies.

Elena V. Kharchenko – Dr. Sc. (Philology), Professor; Head of the “Russian as a Foreign Language” Department of the Institute of Linguistics and International Communications, Director of the Center for Distance Learning “Preparatory Department for Foreign Citizens”; South Ural State University. Research interests: comparative studies.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научно-исследовательская статья
УДК 811.161.1
DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-20-37

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В «СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ БАШКИРИИ»

Пятаева Наталия Вячеславовна

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Минск, Беларусь;

pjataeva@yandex.ru, AuthorID: 518447, <https://orcid.org/0000-0001-7027-3045>

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию системы тематических групп имён существительных, представленных в «Словаре русских говоров Башкирии», созданном на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета под руководством доктора филологических наук профессора Зои Петровны Здобновой. Словарь отражает уникальное явление сосуществования и взаимопроникновения русской и башкирской национальных культур. С момента выхода из печати первого тома словаря в 1997 году прошло 27 лет, убедительно доказавших значение словаря в становлении русской диалектологии в Башкортостане и сохранении русской национальной культуры, отразившейся в самобытном слове. Проведённое на данный момент обследование материалов словаря в диапазоне «А – Б» позволило выявить 13 тематических групп, содержащих лексические и семантические диалектизмы: абстрактные наименования действий, эмоций, состояний человека и природы; наименования человека по отличительным признакам – национальности, возрасту, роду деятельности, характеру, нравственным качествам, внешности; анатомические термины; продукты питания; орудия труда, технические и бытовые приспособления; предметы быта; устройство усадьбы и постройки; одежда, обувь и украшения; наименования окрестностей; растения; животные, рыба и насекомые; праздники, обычаи, обряды; мифологические и сказочные персонажи. Самыми наполняемыми явились группы наименований человека (84 единицы), орудий труда (44), предметов быта (31), растений (21) и предметов одежды (20). Корпус существительных в указанном диапазоне составил 265 слов, 200 из которых – местные диалектизмы, 64 – освоенные заимствования из башкирского и татарского языков, 28 из них употребляются в речи носителей диалектов с переосмысленными значениями, что является ярким свидетельством давнего сосуществования национальных культур русского и башкирского народов во всех сферах материальной и духовной жизни человека.

Ключевые слова: словарь русских говоров Башкирии, тематические группы имён существительных, лексические и семантические диалектизмы, лексические заимствования-тюркизмы.

Для цитирования: Пятаева Н.В. Тематические группы имён существительных в «Словаре русских говоров Башкирии» // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 20–37. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-20-37.

Original research article

THEMATIC GROUPS OF NOUNS IN THE “DICTIONARY OF RUSSIAN DIALS OF BASHKIRIA”

Natalia V. Pyataeva

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus;
Pjataeva@yandex.ru, AuthorID: 518447, <https://orcid.org/0000-0001-7027-3045>

Abstract. The article is devoted to identifying and describing the system of thematic groups of nouns presented in the “Dictionary of Russian dialects of Bashkiria”, created at the Department of General and Comparative Historical Linguistics of the Bashkir State University under the leadership of Professor Zoya Petrovna Zdobnova. The dictionary reflects the unique phenomenon of coexistence and interpenetration of Russian and Bashkir national cultures. Since publication of the first volume of dictionary in 1997, 27 years have passed, which convincingly proved the importance of dictionary in the development of Russian dialectology in Bashkortostan and the preservation of Russian national culture, reflected in original word. The current examination of dictionary materials in the range “A–B” made it possible to identify 13 thematic groups containing lexical and semantic dialectisms: abstract names of emotions, human states and nature; names of a person based on distinctive features; anatomical terms; food; tools, technical and household appliances; household items; arrangement of the estate and buildings; clothing, shoes and jewelry; names of neighborhoods; plants; animals, fish and insects; holidays, customs, rituals; mythological and fairy-tale characters. The most populated groups were the names of people (84 units), tools (44), household items (31), plants (21) and items of clothing (20). The corpus of nouns in the indicated range amounted to 265 words, 200 of which are local dialectisms, 64 are mastered borrowings from the Bashkir and Tatar languages, 28 are used in the speech of dialect speakers with redefined meanings, which is clear evidence of the long-standing coexistence of the national cultures of the Russian and Bashkir peoples in all spheres of human material and spiritual life.

Keywords: dictionary of Russian dialects of Bashkiria, thematic groups of nouns, lexical and semantic dialectisms, lexical borrowings-Turkisms.

For citation: Pyataeva Natalia V. Thematic Groups of Nouns in the “Dictionary of Russian Dials of Bashkiria” // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2024. Pp. 20–37. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-20-37.

© Пятаева Н.В., 2024

Введение

Актуальность статьи определяется её отношением к исследованиям в пределах системно-структурной парадигмы современной лингвистики, одним из значимых направлений которой является экстраполяция семантических принципов структурирования лексической системы литературного языка на структурирование лексической системы диалектов.

Цель: выявить и систематизировать тематические группы (далее – ТГ) имён существительных (лексических и семантических диалектизмов) русских говоров Башкирии, отражающих уникальное явление сосуществования и взаимопроникновения русской и башкирской (тюркской) национальных культур.

Методологическая база исследования:

– положения Московской семантической школы о согласованности грамматики и словаря, системном подходе к описанию лексико-семантического уровня языка и реконструкции национальной языковой картины мира, нашедшие отражение в классических работах [Шмелёв, 1973; Апресян, 1974 и 2009; Караулов, 1976; Виноградов, 1977; Новиков, 1982; Уфимцева, 2002; Падучева, 2004; Щур, 2007; Мельчук, Жолковский, 2016];

– основы и принципы русской диалектологии, лингвистической географии и диалектной лексикографии в описании отдельных говоров как целостных языковых систем, представленные в ряде работ [Аванесов, 1949; Эдельман, 1968; Горшкова, 1972; Сороколетов, Кузнецова, 1987; Зализняк, 1995 и др.].

Источник языкового материала: «Словарь русских говоров Башкирии» [Словарь русских...; далее – СРГБ], созданный в 1997–2005 годах на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета под руководством доктора филологических наук профессора Зои Петровны Здобновой, который, в соответствии с современными лексикографическими классификациями, можно определить как толково-переводной региональный словарь с элементами энциклопедизма. По охвату говоров СРГБ – сводный словарь разнородных говоров с преобладанием материалов окающих среднерусских говоров владимирско-поволжского типа, ср.: *бобышки, бодун, болтыхаться, водополье, возмогаться, волешиник, гобино, говорок, годовик, доёнка, дожидать*¹.

В Предисловии к словарю отмечается, что территория Башкирии (с 1990 года – Башкортостан) начала заселяться русскими переселенцами с 1861 года после отмены крепостного права, что обусловило пестроту состава населения: в северной части республики преобладают выходцы из Пермской и Вятской губерний (ныне Пермский край в составе Приволжского федерального округа и Кировская область), в центральной и южной – выходцы из южных губерний, в ряде сёл население смешанное – состоит из носителей северно-, южно- и среднерусских говоров. В некоторых селениях наряду с русскими живут представители других национальностей: украинцы, белорусы, мордва, татары, башкиры, чувашаи, марийцы и др., поэтому в словаре отражены сведения о реалиях не только русского быта [Словарь русских..., т. 1, с. 3–4].

Во всех 155 обследованных населённых пунктах записывалась диалектная русская речь, подробное освещение фонетико-морфологической структуры которой нашло свое место в «Атласе русских говоров Башкирии» [Здобнова,

¹ В лексических иллюстрациях из СРГБ ударные гласные выделены полужирным шрифтом.

2008] и трёх монографиях [Здобнова, 1977, 1981, 2001].

По составу словника СРГБ – дифференциальный словарь, который охватывает только ту лексику, которая отличает говоры от литературного языка, представленного в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» [Словарь современного...]. В СРГБ включена общеупотребительная лексика, в том числе: 1) терминология развитых на территории Башкирии промыслов и ремёсел (ткачества, охоты, огородничества, садоводства, рыболовства, скотоводства, бортничества, декоративно-прикладного искусства и др.); 2) слова, отмеченные в «Словаре современного русского литературного языка» как устаревшие, но не являющиеся таковыми в говорах; 3) лексика активная и пассивная, например, архаизмы из речи представителей старшего поколения.

Описание исследования

Проведённое на данный момент обследование материалов словаря в диапазоне «А–Б» позволило выявить 13 тематических групп существительных, содержащих 265 слов – лексических и семантических диалектизмов, помещённых ниже в порядке количественной наполняемости ТГ от наиболее многочисленной до содержащей наименьшее количество лексем.

1. Наименования человека по отличительным признакам

(84 слова – 32% от общего количества):

– по национальности:

ана // *анай* > *анайка* ‘женщина-башкирка или татарка’

ата // *атай* ‘отец’ при обращении к мужчине-татарину

басурмак // *басурман* ‘иной веры, башкир или татарин’

– по родству:

авава ‘свекровь’

агай ‘брат’

бабаня ‘прабабушка’

баба, *бабака*, *бабатка*, *бабашка*, *бабалька*, *бабока*, *бабочка* ‘бабушка’

батя > *батенька*, *батька*, *батюшка*, *батыя* и *тятя* > *тятяка* ‘отец, свёкор’
субстантив *ближний* ‘родственник, друг’

– по возрасту:

агай ‘старший по возрасту мужчина-башкир’

аксакал ‘пожилой, всеми уважаемый мужчина’

бабай ‘старик, дедушка по отношению к башкиру или татарину’

– по внешности:

абляска ‘плешивый’

бархотка ‘молодая красивая девушка’

барыня ‘городская девушка’

бирюк ‘толстый’

битюг ‘здоровый, крепкий’ (*Сват-то такой битюг был – хлобысь – и помер.*)

в переносном знач.:

бака ‘горбатый’ < *бака* ‘гриб-грутовик’

баржа, квашня ‘толстый, неповоротливый’

батман ‘неуклюжий, упитанный’ < *батман* ‘бочонок’

– по роду деятельности:

бабица, бабка, бабушка // *баушка* ‘повитуха’

барин ‘зажиточный’

устар. *под барином быть* ‘быть батраком, работать на барина’

барыга ‘спекулянт’

– по характеру, деловым и нравственным качествам:

с положительной коннотацией:

блюдиха ‘бережливая хозяйка’

батыр ‘храбрый, ловкий, смелый’ < *башк., тат. батыр* ‘герой, богатырь, силач’

с отрицательной коннотацией:

абыз ‘упрямый’

алама ‘нехороший человек’

архаровец ‘отчаянный подросток, сорвиголова’

атлёт ‘бойкий, шустрый’

байбак ‘одинокий мужчина; ленивый, нерасторопный’

баламут и *баламутка* < *баламутить* ‘беспокоить, надоедать, озорничать’

балахоня ‘в длинной, плохого кроя одежде’ < *балахон*

экспр. только ед. *балта* ‘о тупом или хитром, находчивом чел.’

ср.: *тупой, как балта* и *вострый, как балта*

общего р. *басарга* ‘несерьёзный, вертлявый’ и *басуля* ‘щёголь, щеголиха’

барма // *бармак* ‘быстро и неразборчиво говорящий; башкир или татарин’

барыня ‘незанятая делами женщина’

бранное *басурман* ‘враг, недоброжелатель’ > *басурманить* ‘безобразничать’

бесырь ‘нахальный, наглый’

батырь ‘буян’

бирюк ‘сердитый, нелюдимый’

бахарь ‘рассказчик, говорун’ > *бахарьница* // *бахерьница*

общего р. *бахолда* ‘озорник’ < *бахолить* ‘озорничать’

синонимические ряды:

неодобрит. о глупом, неловком, неуклюжем, неумелом, неопрятном человеке –

о женщине: *акуля* // *окуля* > *акулюшка, анчутка, апайка, армайка, беспилюха, раздобурда*

о мужчине: *алабай, аргамак, арестан, арясина* // *орясина*

хулиган:

арестан, армай, архаровец,

арбузник ‘разоритель огородов, крадущий арбузы’

и оппозиция устойчивых сочетаний:

арбуз покатить ‘отказать жениху в сватовстве’ –

арбуз потянуть ‘получить отказ в сватовстве’

болтун:

базарник < *базарить* ‘громко разговаривать’,

балабон // *балабол* > общего р. *балабонка*,

балякалка < *балякать* ‘беседовать’, *балясник* > *балясница, бахарь, барма*

хвастун:

бахарь, хвалёнушка, хлопуша

субстантивы:

блаженный, блажной и блажник ‘умственно неполноценный придурковатый, беспокойный, вспыльчивый, вздорный, крикливый, истеричный’ < *блажить* ‘дурить, безобразничать’

блудень (м. р.) и *блудня* (ж. р.) ‘бездельник’,

блудня (общего р.) ‘вороватый’

блудник ‘озорник, проказник’ > *блудница* ‘озорница; распутница’

в переносном знач.:

баклан ‘малоподвижный или больной’ < *баклан* ‘бревно’

необделанный баклан ‘ленивый, неповоротливый’

баклан сокоревый ‘большой глуповатый’ < *сокорь* // *осокорь* ‘чурбан из осокоря’

балык ‘хитрый, ловкий, увёртливый’ < *балык* ‘рыба’

барсук ‘злой, неразговорчивый’

богом убитая (в знач. сущ.) – о слабоумной, слабовольной, убогой женщине
о детях:

арап ‘грязный, чумазый’ (*И где только грязь найдёт, сроду как арап бегат!*)

арестан ‘озорник’

бабник ‘ребёнок, привязанный к своей бабушке’

армай > *армайка* ‘шалун, бойкий, своевольный, непослушный, драчун’

базлан // *базлун* ‘плакса, рёва’

баловня ‘избалованное дитя’

баранчук ‘подросток’ (*Куды твой баранчук-то упорол?*)

бастрыга ‘бойкий, шустрый’

бранное *бесяйла* ‘непоседливый ребёнок’

бладенец ‘младенец’

только мн. *близнечки* и *близняты* ‘близнецы’

2. Орудия труда, технические и бытовые приспособления (44 – 17%):

абрамка ‘железный лом’

аркалык, поперечник ‘чересседельник’

арба, рыдван, ридванка ‘четырёхколёсная удлинённая повозка с высокими бортами для перевозки сена, соломы, зерна в мешках’

аркан ‘толстая витая верёвка’ > *арканыть* ‘тащить, гнать силой’

аслыничик ‘маленькая скамейка’ < тат. *аслык* ‘подставка, подстилка’

ахан ‘рыболовная сеть с крупными ячейками’

только мн. *бабаики* // *бобыики* ‘поплавки на рыболовных сетях’

баган ‘копна сена со сквозным отверстием внизу для просушки’

багана, баганка, баганушка ‘врытый в землю у колодца столб с развилкой, на которой крепится журавец для поднятия воды; жердь для укрепления сена на стогу’

бадаг // *бадак* // *бадог* // *батог, бадик, бадажок* ‘палка, трость, посох; багор’

*баклан*¹ ‘сучковатая часть бревна, не поддающаяся расколке; чурбан, на котором колот дрова; двухметровое бревно; обрубок дерева, бревна, из которого долбят улей’

> собирает. *бакланы* ‘обструганные брёвна, идущие на тёс’

> *бакланка, баклаша, баклашек, баклашка* ‘небольшая часть бревна (до 40 см), которую раскалывают на дрова или (из хорошего дерева) обрабатывают для изготовления утвари; стульчик из цельного дерева // вырезанный из дерева кубик, подкладываемый под короткую ножку стола’

*баклан*² ‘чердак’, а также *горище, подоловка* // *подловка, пятры*

баксама ‘кошелёк’

балабончик ‘бубенчик на дуге в упряжи’ < *балабон* ‘болтун’

балакирь старое ‘глиняный горшок для молока и сметаны’

балдашка ‘деревянная чаша в виде большого стакана для кваса’

балка ‘бревно, обработанное для строительства’

*банка*¹ ‘глиняный горшок для молока’ и *банка*² ‘скамейка’

банник ‘банный веник’

барок ‘железное долото для рубки железа’

баска ‘красивая детская игрушка’

бастрок ‘мужской широкий кожаный пояс’

бастриг // *бастрик, баструган* ‘жердь для стягивания сена, соломы, снопов на возу; обрезок прута’

батан ‘ткацкий станок, на котором ткут скатерти шириной в один метр’

бати ‘кнут, батог’ и бич ‘цеп’

батман ‘деревянный сосуд конусообразной формы с отверстием объёмом 2–3 л. для доставки воды в поле’ < башк., тат. *батман* ‘высокая узкая кадка’ > *батмашек* ‘деревянная солонка’

батник // *батник* ‘маленькая лодка, выдолбленная из цельного куска дерева

- (долблѐнка), предназначенная для ловли рыбы одним человеком'
била // *билы* 'основа, на которой держатся створки ворот'
битая печь 'печь, сбитая из глины, с кирпичной трубой' в отличие от *складеной печи*, сложенной целиком из кирпича
только мн. *бозышки* 'рыболовное орудие – жердь с металлическим наконечником'
бойка 'мельница' и *бойня* 'глиняный сосуд с носиком для сбивания масла'
в переносном знач.:
- байка* 'колыбель, люлька' < *байка* 'колыбельная песня'
  - балалайка* 'предназначенная для растопки часть русской печи, сделанная из железа в форме балалайки'
  - балда* 'деревянная кувалда для вбивания клиньев в сучковатые поленья'
  - блясник* 'палисадник' < *блясник* 'болтун'
  - баран* 'деревянный (реже – железный) крюк (или кольцо) в задней части саней для затягивания поклажи на возу верёвкой и бастриком'
    - > *баранка* 'прицепка у вожжей'
    - > *барашек* 'шпилька в самопрялке'
  - блин* 'нижняя чугунная печная вьюшка, закрывающая отверстие в трубе'
словообразовательная парадигма от *баба* в переносном знач.:
  - баба* 'ось треножника'
  - > *бабик* 'ось тележного колеса'
  - > *бабка*¹ 'малая укладка снопов в поле для просушки' и *бабочка*¹
  - > *бабка*² 'суставная косточка животного для игры в бабки'
  - > *бабка*³ 'металлическая наковальня для отбивания косы', а также *бабочка* и *бабурка*
    - > *бабочка*² 'железная подставка для насадки косы на черенок'
    - > *бабка*⁴ 'зубной корень, оставшийся после разрушения зуба'
    - > *бабка*⁵ 'место на шесте русской печи влево от чела для сгребания жара',
а также *бабурка*, *загнета*
      - > *бабка*⁶ 'повитуха' (*бабица*)¹
      - > *бабка*⁷ 'растение сандал'
      - > *бабка*⁸ 'лепёшка из натёртого картофеля; повреждённая картофелина'
      - > *бабка*⁹ 'галстук в виде бабочки'

3. Предметы быта, утварь (31 – 12%):

- акса* // *акча* 'деньги' < башк. *акса*
бак 'деревянная шайка для бани или ёмкость для самогона'
бака 'сосуд для воды, бак'
баклага // *биклага* 'бочонок с отверстием для доставки в поле воды или кваса'

---

¹ Лексемы *бабка* с индексами 6–9 не относятся к данной ТГ, однако уместно поместить их все в составе словообразовательной парадигмы с вершиной *баба* для наглядного представления богатой системы переносных метафорических наименований в диалектной лексике.

*баклан*³ ‘сосуд для воды’

бадья ‘ведро, которым черпают воду из колодца; любое большое ведро; деревянное ведро с плотной крышкой для хранения мёда; посуда в виде лохани для пищевых отходов, которые предназначаются животным; большая чашка’

> *бадейка* ‘бадья; небольшое железное ведро конусообразной формы’

> *бадьяк* ‘деревянная чашка для пищи и питья’

бирка ‘метка на ушах животных (обычно в виде кольца)’

бирулька ‘дудочка’: *играть в бирульки*

блюдо ‘блюдец; глубокая тарелка из белой глины или плоская металлическая тарелка; таз’

> *блюдко* ‘блюдец’

> *блюдник* ‘чашка для черпания воды; деревянное блюдо с крышкой’

> перен. *блюдник* ‘полочка или шкафчик’

бодня ‘большой дощатый ящик с задвижной крышкой для засолки сала’

боклага ‘бочонок’

составные наименования:

куруный бог ‘камешек с отверстием естественного происхождения, проточенным водой, который служит оберегом от злых сил’

богова свеча ‘восковая церковная свеча’ и *богово масло* ‘масло для лампы’

4. Растения (21 – 8%):

абабок // *обабок* ‘съедобный гриб – опёнок, маслёнок’

азадки только мн. ‘отходы молотьбы и веяния зерновых, остатки зерна после посева, идущие на корм скоту’

арема // *орема* // *урема* только ед. ‘мелкий густой кустарник; густой дремучий лес’ < башк. *эрем* ‘попынь’, *эрэмлек* ‘заросли’, тат. *эрэмә* ‘густой лес’

базелька ‘душистая трава, базилик; душистый комнатный цветок’

*бака*¹ ‘растущий на стволах сухих деревьев гриб-трутовик, используемый для высекания огня и изготовления инструментов’

*бака*² ‘лесная трава, растущая при гниении леса’

бальзаминка ‘комнатное цветущее растение с приятным запахом, бальзамин’

бальки только мн. ‘ивовые ветви’

барлак ‘осока, идущая на корм лошадям’

бастыльник собирает. ‘сухая трава’

батожьё собирает. ‘щавель’

батун // *ботун* // *бут* // *бутун* ‘высеваемый осенью зимний многолетний лук, не образующий луковиц’, а также *зимник*

блоница // *болошница* ‘высокая трава с сиреневыми цветами, душица’ < *блеха* (использовали от блох), а также матрёшка, розовка // *уразовка*

бобылка ‘ветка сорной высокой травы’

в переносном знач.:

барашки ‘лечебная трава с жёлтыми цветами’

барыня ‘дикий кустарник с крупными ягодами, похожими на плоды чёрной рябины; боярышник’

бакча // *бакчи* // *бахча* и *бахчёвы огурцы* – скороспелые, мелкие, неприхотливые составные наименования:

анютин глазок, *анютины слёзки*, *Ванька мокрый*, *девичья краса*, *Иван-дурак* ‘комнатное растение с сочными мелкими листьями и множеством ало-розовых цветов’

бабы сплетни ‘комнатный цветок – вьюн’

богова борода // *бородка* ‘плоска несжатого хлеба’

богородская трава ‘трава, которой окуривают комнаты в доме покойного’

5. Предметы одежды и обуви, украшения (20 – 7,5%):

мужская одежда:

азям ‘широкое долгополое пальто из сукна’

балахон // *балахоня* // *балахонья* ‘род верхней крестьянской одежды типа пальто из домотканой материи со сборками у пояса; широкое длиннополое пальто не по росту плохого кроя’, а также *зипун*

перен. *баран* ‘шуба из овчины типа тулупа’

бешмень // *бешмет* ‘отрезной по талии ватный пиджак с тремя складками’ > ‘плохая поношенная одежда’ (*Какой-то бешмет татарский наденет и ходит, как дурак!*)

боба ‘верхняя шерстяная куртка на конопляной подкладке с подвязками’

женская одежда:

азиятка ‘юбка’ и *андрак* ‘расклешённая юбка’

апостольник ‘накидка’

байка ‘блузка из байки’

баска ‘деталь платья в виде широкого пояса на застёжке, без подклада и с закруглёнными краями’

обувь:

баретки > бареточки ‘мягкие тапочки’

бахелы только мн. ‘мужские ботинки на шнурках’

бахилы только мн. ‘сапоги; болотные сапоги; охотничьи сапоги; непромокаемые рыбацкие сапоги; кожаные сапоги; рабочая мужская обувь типа полусапог; обувь из просмоленной мешковины (обували с галошами, лаптями); обувь из брезента’ > о большой, не по размеру обуви > *бахилёнки* ‘детская самодельная обувь типа сапожек’

украшения:

барок // *барки* // *барки* > *барочек* // *барочки* ‘бусы, ожерелье’, а также *прониска*
бисер ‘бусы; жемчуг’

старое *блонда* ‘кружева’

6. Продукты питания, блюда повседневной и праздничной кухни

(18 – 7%):

бавурсак // *барсак* // *баурсак* только ед. ‘обжаренные в масле шарики из пресного теста, замешанного на яйцах, посыпанные сахаром или политые мёдом’ < башк. *баурсак*, тат. *бавырсак*, а также *маяшки*, чак-чак

бал ‘мёд; мёд диких пчёл, собираемый в естественных условиях в горной лесной части Башкирии (считается самым полезным, дорого ценится)’ < башк., тат. *бал* ‘мёд’

баланцы только мн. ‘хлеб, сдаваемый государству’, возможно, образовано от лит. баланс, балансовые весы

балиш ‘большой круглый пирог (возможно, из пресного теста) с начинкой из сырого мяса и сырого картофеля’ < башк., тат. *бәлиш*

балык ‘свежая рыба; вяленая рыба’ < башк., тат. *балык* ‘рыба’

бешбармак // *беишурмак* // *бишбармак* только ед. ‘блюдо из мелко нарезанного мяса и квадратной лапши, приправленное настоящим бульоном, луком и перцем’

блинцы только мн. ‘блины’

бобышка ‘булка’ > только мн. *бобышки* ‘лепёшки из кислого теста’

словообразовательное гнездо с вершиной *альябыш* // *альякиш*:

альябыш // *альякиш* ‘хлеб из неудавшегося теста; булочка из остатков теста’

< *альябишек* // *альябышек* ‘пресная лепёшка’, также *заскрёбыш*

< *альябишка* // *альябышка*

< *альябушка* (... *тесто останется, алябушку испекут – всех скустей получатца!*)

< *альябушечка* < *альякушка* // *альякушки* чаще во мн. ‘плохие, невкусные лепёшки, блины или хлеб’ (*Оне не умет стряпать, напечёт алякушков и ладно!*)

составные наименования:

базарный калач ‘украшенный хлеб (обычно выпекаемый к празднику); покупной хлеб из муки высшего сорта’

блинный день ‘праздник, обязательным атрибутом которого является выпечка блинов, напр.: *маслена неделя* (масленица), *родительская суббота* (поминки), *сабантуй* (праздник плуга)’

напитки:

абрат только ед. ‘пропущенное через сепаратор снятое молоко’

айран // *арян* только ед. ‘прохладительный напиток из катыка или кислого молока, разведённого водой; пахта, сыворотка, оставшаяся после сбивания масла’ < башк., тат. *айран* ‘сыворотка’

арака ‘водка; самогон, приготовленный татарами’

барда ‘пойло для скота из воды и ржаной муки; смесь воды с мукой для

приготовления самогона; корм для скота из отходов перегонки спирта; напиток плохого качества'

7. Абстрактные существительные (12 – 4,5%):

абдраган // *антраган, антраиш* 'страх, испуг, боязнь'

баловня 'баловство'

баловня 'праздное времяпрепровождение'

барaboишенье – действие по гл. *барaboишиться* // *барабаться* 'канителиться, медленно и долго возиться с чем-л., копошиться' (*По дому дела не видно – одно барaboишенье!*)

бардак 'беспорядок'

барыш 'удача, везение, счастливый случай'

баса 'красота'

бесчерединица и *беспорядица* 'беспорядок, хаос'

бешенец // *бешенец* 'сумасшествие'

благодар 'благодарность, выражение благодарности' (*Великий вам благодар, что зашли*)

блудня 'дурной поступок, нарушение порядка'

составное наименование: *божья благодать* 'хорошая летняя погода'

8. Фауна (11 – 4%):

местные наименования животных, рыб и насекомых:

аю // *аюн* неизм. 'медведь' < тат. *аю* 'медведь'

бабочки перен. 'небольшие гусиные перья'

бабошка 'кузнечик'

бабурка 'насекомое вообще; бабочка'

бакля // *бакля* 'мелкая рыба с серебристой чешуёй' < башк., тат. *бак* 'мелкий'

> *баклёшка* // *баклюшка* 'маленькая рыбка'

баранка 'ягнёнок'

бирюк 'волк'

богатка 'кошка с шерстью в три цвета'

характеристики животных по природным качествам и характерам:

блудник > *блудница, беглянка, неслушница, блудня* (общего р.) – о домашнем скоте: 'озорник, непослушный; самовольно уходит со двора и бродит по округе'

бодун 'бодливый бык' > *бодунья* 'бодливая (пырюгая) корова'

9. Терминология народных местных праздников, обычаев, обрядов

(10 – 2,9%):

бабье лето 'весеннее время, когда сажают огурцы'

базар перен. (< лит. базар) 'старушечьи посиделки' (*Старухи базар собирают: вяжут, которы прядут, разговаривают и песни поют*)

базарник 'место для встреч и увеселений' (*Кажна воскресенья собирались на базарник – сидят, поют, под гармошку танцуют*)

байка 'колыбельная песня'

баклашка // баклашѣк ‘твёрдый предмет округлой формы или камень’, который (в свадебном обряде) жених в шутку даёт невесте вместо мыла
балаган устроить – детские шумные игры, увеселения; беспорядок в комнате как следствие детских игр

банница – шествие девушек – близких подруг невесты (в свадебном обряде), которые помогали шить приданое и наряжали её к свадьбе

блинные дни – праздник, обязательным атрибутом которого является выпечка блинов, напр.: *маслена неделя* (масленица), *родительская суббота* (поминки), *сабантуй* (праздник плуга)’

богомольные дни – церковные праздники в дни некоторых святых

богородица – церковный праздник в день рождения Богородицы

божьё дело – богомолье

бойра – коллективный танец-хоровод: наряжают молоденькую берёзку, вокруг которой десять человек танцуют и поют

10. Наименования окрестностей (7 – 2,7%):

асель ‘место около усадьбы’ (ударение не обозначено)

асыл ‘яма, куда сбрасывают падший скот’

бачева ‘прибрежная полоса воды’

баз ‘место за деревней для выпаса скота’

бакча // бакша // бахча ‘приусадебный участок; огород’ < тат. *бахча* ‘сад, огород’

балка ‘долина; длинный овраг; лес, вклинивающийся в поле’

барлак ‘большие луга; земля под паром’

11. Устройство усадьбы и постройки (4 – 1%):

балаган > *балагашек* ‘временная постройка в лесу, в поле, в лугах из тонких жердей, веток, сена для укрытия от дождя во время работы (шалаш); навесная крыша над погребом; небольшой сарай для скота’

баня: *баня белая // баня по-белому* ‘баня с трубой для выхода дыма’, *баня чёрная // баня по-чёрному* ‘баня без трубы с отверстием в потолке или стене для выхода дыма’ (*Чёрну баню нажарганют, хоть на пол ложись!*)

> *банѣшка* ‘небольшая банька, чаще типа землянки’

> *банник // предбанник* ‘небольшие сени перед входом в баню’

12. Анатомические термины (2 – 0,7%):

перен. неодобрит. *ад* ‘рот, глотка, пасть’ (*Заткнёшь ле ад-то свой?!*)

бадалыжка ‘бедренная кость’

13. Мифологические и сказочные персонажи (2 – 0,7%):

агел ‘дьявол, чёрт’

перен. *бабай // бабайка* – фантастическое существо в образе старика-татарина или башкира, которым пугают непослушных детей < башк., тат.

бабай ‘старик, бабушка’.

Заключение

1. Корпус существительных словаря русских говоров Башкирии в диапазоне «А – Б» составил 265 слов, распределившихся на 13 тематических групп, представленных в статье в полном объёме в разделе «Описание исследования». Слова в составе тематических групп и подгрупп помещены в алфавитном порядке с указанием фонетических вариантов и описанием семантики, при необходимости сопровождаемым контекстными иллюстрациями и ссылками на значение тюркского оригинала (для заимствованных слов из башкирского и татарского языков). При наличии в особые подгруппы выделены семантические диалектизмы (метафорически переосмысленные слова литературного языка), синонимические ряды, словообразовательные парадигмы и гнёзда, составные наименования. Наполняемость ТГ и процентное отношение к общему количеству исследованной лексики отражены ниже в таблице 1.

	тематические группы	количественные и процентные показатели		диаграмма	
1	Наименования человека по отличительным признакам	84	32%	[Diagram: 32% of total]	
2	Орудия труда, технические и бытовые приспособления	44	17%		
3	Предметы быта и утварь	31	12%		
4	Растения	21	8%	[Diagram: 8% of total]	
5	Предметы одежды и обуви, украшения	20	7,5%		
6	Продукты питания, блюда повседневной и праздничной кухни	18	7%		
7	Абстрактные существительные	12	4,5%	[Diagram: 4.5% of total]	
8	Фауна	11	4%		
9	Терминология местных народных праздников, обычаев, обрядов	10	2,9%		
10	Наименования окрестностей	7	2,7%		
11	Устройство усадьбы и постройки	4	1%	[Diagram: 1% of total]	
12	Анатомические термины	2	0,7%		
13	Мифологические и сказочные персонажи	2	0,7%		

Таблица 1. Тематические группы диалектной лексики словаря русских говоров Башкирии в диапазоне «А – Б»

Перечисленные ТГ составляют *диалектную картину мира*, включающую три континуума:

– *природный* – познанный человеком окружающий мир (ТГ «Растения», «Фауна», «Наименования окрестностей»);

– *человеческий* – осознание себя частью природы (ТГ «Анатомические термины», «Наименования человека по отличительным признакам»);

– *культурный* – всё, созданное человеком: *материальный* (ТГ «Орудия труда, технические и бытовые приспособления», «Устройство усадьбы и чпостройки», «Предметы быта и утварь», «Предметы одежды и обуви, украшения», «Продукты питания, блюда повседневной и праздничной кухни») и *духовный мир* (ТГ «Абстрактные существительные», «Терминология местных народных праздников, обычаев, обрядов», «Мифологические и сказочные персонажи»).

В дальнейшем исследовании лексического корпуса словаря состав и наполнение ТГ изменится, однако приведённые в статье материалы достаточно доказательно свидетельствуют о том, что диалектная лексика – стройная разветвлённая система, организованная на тех же основаниях, что и лексико-семантический уровень литературного языка: структура лексического значения (одно- и многозначные слова, лексико-семантические варианты), семантические связи (синонимы, антонимы, лексико-семантические, лексико-грамматические и тематические группы, поля слов), оценочность и эмоционально-экспрессивная окрашенность, стилистические разновидности, происхождение, активный и пассивный фонд.

2. Особенностью лексического корпуса «Словаря русских говоров Башкирии» является довольно большой пласт освоенных заимствований из башкирского и татарского языков: из 265 слов указанного диапазона 64 заимствованных, составляющих 24% (почти одну четвёртую!) от общего количества, причём тюркизмы отмечены во всех ТГ, что является ярким свидетельством давнего сосуществования национальных культур русского и башкирского народов во всех сферах материальной и духовной жизни человека. Приведём примеры наиболее употребительных слов, которые используются в диалектной речи носителей русского языка не только в прямых значениях, но и в метафорически переосмысленных:

аксакал ‘старый мужчина-башкир’ – ‘пожилой, всеми уважаемый человек’,

ата ‘отец’ – ‘отец в обращении к любому пожилому мужчине’,

бабай ‘старик’ – ‘фантастическое существо в облике страшного старичка, которым пугают непослушных детей’,

базар ‘торговая площадь’ – ‘громкий разговор, сплетни; старушечьи посиделки’,

бал ‘мёд’ – ‘самый дорогой и полезный мёд диких пчёл, собираемый в горных лесах Башкирии в естественных условиях’,

балаган ‘шалаш в поле, в лесу, на берегу реки, сооружаемый во время работы’,

балык ‘рыба’ – ‘вяленая рыба’ – ‘хитрый, ловкий, увёртливый человек’,

барыш ‘деньги, прибыль’ – ‘удача, везение, счастливый случай’.

Источники

Словарь русских говоров Башкирии: в 4 тт. / Под ред. и науч. рук. З.П. Здобновой. Уфа: Гилем, 1997–2005.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1961.

Литература

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М.: Учпедгиз, 1949. 336 с.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 336 с.

Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии: в 2 тт. М.: Языки славянских культур, 2009.

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М.: Наука, 1977. 312 с.

Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. 159 с.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 720 с.

Здобнова З.П. Территориальное варьирование русского языка в Башкирии. Уфа: РИО БашГУ, 1977. 142 с.; 98 карт с комментариями.

Здобнова З.П. Типология русских говоров в Башкирии (атлас). Уфа: РИО БашГУ, 1981. 60 с.; 24 таблицы и 30 карт с комментариями.

Здобнова З.П. Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии. Уфа: Гилем, 2001. 155 с.

Здобнова З.П. Атлас русских говоров Башкирии: в 2 ч. 4-е изд. Уфа: Гилем, 2008.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 354 с.

Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры, 2016. 544 с.

Новиков Л.А. Семантика русского языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 607 с.

Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987. 231 с.

Уфимцева А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. 2-е изд., стереотип. М.: URSS, 2002. 239 с.

Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.

Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.

Эдельман Д.И. Основные вопросы лингвогеографии (на материале индоиранских языков). М.: Наука, 1968. 112 с.

References

Sources

Slovar' russkikh govorov Bashkirii: v 4 tt. [Dictionary of Russian Dialects of Bashkiria: in 4 vols]/ *Pod red. i nauch. ruk. Z.P. Zdobnovoj* [Edited and Supervised by Z.P. Zdobnova]. Ufa: *Gilem Press*, 1997–2005.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 tt. [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 vols.] M.; L.: USSR Academy of Sciences Press, 1948–1961.

Literature

Avanesov R.I. *Oчерки russkoj dialektologii* [Essays on Russian Dialectology]. M.: *Uchpedgiz Publishing House*, 1949. 336 p.

Apresyan Ju.D. *Leksicheskaja semantika. Sinonimicheskie sredstva jazyka* [Lexical Semantics: Synonymous Means of Language]. M.: *Nauka Publishing House*, 1974. 336 p.

Apresyan Ju.D. *Issledovanija po semantike i leksikografii*: v 2 tt. [Research on Semantics and Lexicography: in 2 vols.]. M.: *Languages of Slavic Cultures Press*, 2009.

Vinogradov V.V. *Leksikologija i leksikografija: Izbrannyje trudy* [Lexicology and Lexicography: Selected Works]. M.: *Nauka Publishing House*, 1977. 312 p.

Gorshkova K.V. *Istoricheskaja gialektologija russkogo jazyka* [Historical Dialectology of the Russian Language]. M.: *Prosveshchenie Publishing House*, 1972. 159 p.

Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskij dialect* [Old Novgorod Dialect]. M.: *School of Languages of Russian Culture Press*, 1995. 720 p.

Zdobnova Z.P. *Territorial'noje var'irovanije russkogo jazyka v Bashkirii* [Territorial Variation of the Russian Language in Bashkiria]. Ufa: Editorial and Publishing Department of the Bashkir State University, 1977. 142 p.; 98 maps with comments.

Zdobnova Z.P. *Tipologija russkikh govorov v Bashkirii (Atlas)* [Typology of Russian Dialects in Bashkiria (Atlas)]. Ufa: Editorial and Publishing Department of the Bashkir State University, 1981. 60 p.; 24 tables and 30 maps with comments.

Zdobnova Z.P. *Sud'ba russkikh pereselencheskich govorov v Bashkirii* [The Fate of Russian Settler Dialects in Bashkiria]. Ufa: *Gilem Press*, 2001. 155 p.

Zdobnova Z.P. *Atlas russkikh govorov v Bashkirii*: v 2 ch. [Atlas of Russian Dialects of Bashkiria: in 2 parts]. 4th ed., corrected. Ufa: *Gilem Press*, 2008.

Karaulov Ju.N. *Obshchaja i russkaja ideografija* [General and Russian Ideography]. M.: *Nauka Publishing House*, 1976. 354 p.

Melchuk I.A., Zholkovskij A.K. *Tolkovo-kombinatornyj slovar' russkogo jazyka: opyty semantiko-sintaksicheskogo opisanija russkoj leksiki* [Explanatory-combinatorial Dictionary of the Russian Language: Experiments in Semantic-syntactic Description of Russian Vocabulary]. 2nd ed., corrected. M.: *Languages of Russian Culture Press*, 2016. 544 p.

Novikov L.A. *Semantika russkogo jazyka: uchebnoje posobie* [Semantics of the Russian Language: Textbook]. M.: *Vyšshaja škola* Publishing House, 1982. 272 p.

Paduceva E.V. *Dinamičeskije modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in Vocabulary Semantics]. M.: Languages of Slavic Culture Press, 2004. 607 p.

Sorokoletov F.P., Kuznetsova O.D. *Očerki po ruskoj dialektnoj leksikografii* [Essays on Russian Dialect Lexicography]. L.: *Nauka* Publishing House, 1987. 231 p.

Ufimtseva A.A. *Leksicheskoje znachenije: princip semiologičeskogo opisanija leksiki* [Lexical Meaning: Principle of Semiological Description of Vocabulary]. 2nd ed., stereotip. M.: *URSS* Press, 2002. 239 p.

Shmelev D.N. *Problemy semantičeskogo analiza leksiki* [Problems of Semantic Analysis of Vocabulary]. M.: *Nauka* Publishing House, 1973. 280 p.

Shchur G.S. *Teorii pol'a v lingvistike* [Field Theories in Linguistics]. 2nd ed., corrected and suppl. M.: *LKI* Press, 2007. 264 p.

Edelman D.I. *Osnovnyje voprosy lingvogeografii (na materiale indoiranskih jazykov)* [Basic Issues of Linguistic Geography (Based on Indo-Iranian Languages)]. M.: *Nauka* Publishing House, 1968. 112 p.

Сведения об авторе

Пятаева Наталия Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры языкознания и лингводидактики; Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. Научные интересы: теория и история языкознания, историческая лексикология восточнославянских языков, лексикография, терминоведение и терминография.

Information about the Author

Natalia V. Pyataeva – Dr. Sc. (Philology), Associate Professor; Professor of the Department of Linguistics and Linguodidactics; Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank. Research interests: theory and history of linguistics, historical lexicology of East Slavic languages, lexicography, terminology and terminography.

Научно-практическая статья

УДК 811.221.18'246.2

DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-38-53

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕРЕДАЮЩЕЙ И ПРИНИМАЮЩЕЙ КУЛЬТУР

Бекоева Ирина Давидовна

Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова, Цхинвал,
Республика Южная Осетия;

irina.beckoeva@yandex.ru, AuthorID: 1062473, <https://orcid.org/0000-0003-4579-1590>

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие передающей и принимающей культур в процессе перевода транслингвальных медиатекстов. Активизация интернет-коммуникации вызывает необходимость применения эффективных способов сохранения культурного своеобразия исходного текста при передаче его средствами языка перевода. Рассмотрены особенности сохранения этноспецифики осетинских геортонимов и способы их перевода. Транслингвальный медиатекст и репрезентации этноспецифичных геортонимов, выявленные в анализируемых фрагментах, представляют собой сложный объект исследования, так как относятся к разным языковым системам, отражают разные языковые картины мира, народные традиции и верования. Анализ способов перевода на русский и английский языки геортонимов, объективируемых в транслингвальных текстах, отмеченных поликодовостью, свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к выбору способов перевода, чем и обусловлена актуальность исследования. Цель данного исследования – выявить способы передачи средствами русского и английского языков лингвокультурной специфики транслингвальных медиатекстов, содержащих этномаркированный геортоним **лауызгæнæн**.

С позиций современных требований к переводу в статье обосновывается значимость предпереводческой подготовки и формирования лингвокультурных компетенций переводчика, необходимость учета фактора культурных и языковых различий в процессе перевода. На примере поликодовых медиатекстов, извлеченных методом сплошной выборки из электронных средств массовой информации Южной Осетии, показана специфика югоосетинской транслингвальной коммуникации, характеризующейся регулярными переключениями с осетинского языка на русский, что создает потенциальные сложности при переводе, требуя от переводчика знания двух исходных языков и наличия фоновых знаний, способствующих адекватной передаче лингвокультурных особенностей текста оригинала.

Ключевые слова: транслингвальный медиатекст, медиакультурное пространство, лингвокультурная поликодовость, картина мира, этномаркированные геортонимы, способы перевода.

Для цитирования: Бекоева И.Д. Лингвокультурный аспект переводческой деятельности: взаимодействие передающей и принимающей культур // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 38–53. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-38-53.

Original scientific and practical article

LINGUO-CULTURAL ASPECT OF TRANSLATION ACTIVITIES: INTERACTION OF TRANSMITTING AND RECEIVING CULTURES

Irina D. Bekoeva

South Ossetia State University named after A.A. Tibilov, Tskhinval, Republic of South Ossetia;

irina.beckoeva@yandex.ru, AuthorID: 1062473, <https://orcid.org/0000-0003-4579-1590>

Abstract. The interaction of transmitting and receiving cultures in the process of translating translingual media texts are examined in the article. The intensification of Internet communication brings forward the need for the development of effective ways to preserve the cultural identity of the source text when translating it by means of the target language. Being an important part of the cultural heritage of different ethnic groups, ethnically marked sacral onyms are the most difficult object to translate. The peculiarities of preserving ethnical colouring of Ossetian georonyms and the methods of translating them by means of target languages are examined. Translingual media text and representations of ethnospecific georonyms, revealed in the fragments under analysis, present a complex object of research, since they belong to different language systems, reflect different linguistic pictures of the world, national traditions and beliefs. The analysis of the methods of translation of georonyms, objectified in translingual texts marked by polycode communication, indicates the absence of a unified approach to the choice of translation methods, which determines the relevance of the study. The purpose of the present research is to identify the methods of preserving the linguocultural specificity of the fragments of translingual media texts containing the ethnically marked georonym **lauyzzææn/ lawyzzææn**.

Modern requirements for translation determine the importance of pre-translation training and formation of a translator's linguocultural competencies, as well as the need to keep in mind the factors of cultural and linguistic differences in the translation process. The samples of polycode media texts extracted by the method of continuous sampling from the electronic mass media of South Ossetia show the specificity of South Ossetian translingual communication, characterized by regular code-switching from the Ossetian to the Russian language, which creates potential difficulties in translation, requiring proper knowledge of two source languages. Besides it is important for the translator to have background information which contributes to the preservation of the linguacultural features of the original text.

Keywords: translingual media text, media cultural space, linguo-cultural polycode, a picture of the world, ethnomarked georonyms, methods of translation.

For citation: Bekoeva Irina D. Linguo-cultural Aspect of Translation Activities: Interaction of Transmitting and Receiving Cultures // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2024. Pp. 38–53. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-38-53.

© Бекоева И.Д., 2024

Введение

Перевод – это не только процесс переноса языковых единиц с одного языка на другой, но и комплексная задача, связанная с передачей культурных значений и контекстов. При переводе учитываются особенности двух культур: передающей (оригинальный текст) и принимающей (текст перевода). Эти культуры могут существенно различаться, что приводит к необходимости адаптации текста перевода, требует от переводчика не только глубоких знаний исходного языка и языка перевода, но и понимания лингво- и социокультурных контекстов, в которых эти языки функционируют.

Транслингвальный подход в последнее время все чаще становится предметом обсуждений как отечественных, так и зарубежных ученых [Прошина, 2016, 2017; Canagarajah, 2002, 2013 и др.]. Транслингвальность сегодня является одной из популярнейших областей многоязычия и языковых контактов. Перешагнув границы педагогики, она может быть применима для характеристик би- и полилингвального дискурса [García, 2009]. Транслингвальность понимается как создание смешанного дискурса в результате перетекания одного языка в другой, плавного перехода от одной лингвокультуры к другой, предполагающей некое их слияние. Ассимиляции при этом нет, носители языков сохраняют свою языковую идентичность [Canagarajah, 2002, 2013; Pennycook, 2007; Lee, 2014]. Транслингвальность / транскультурность – это симбиоз, сочетание нескольких лингвокультур и языков в тексте, созданном билингом. В этом случае разрешение возникающих противоречий возможно либо через навязанное доминирование одного языка и его норм над другим языком, либо через поиск компромиссов. Одним из путей решения является транслингвизм [Прошина, 2016, 2017]. Транслингвизм, или транслингвальность, предполагает некое пограничное состояние, в котором может оказаться носитель двух или более языков в ситуации мультилингвизма. Транслингвальная деятельность имеет своим продуктом транслингвальный текст [Прошина, 2016, с. 11].

Коммуниканты-носители разных языков и культур прибегают в процессе общения к таким коммуникативным стратегиям, как смешение и переключение языковых кодов, заимствования, гибридизация языков, упрощения, использование интернациональных слов и т. д. [Прошина, 2016, с. 10]. Переключение кодов – это попеременное использование билингом единиц двух или более языковых систем, реализуемых в границах одного коммуникативного акта, что является характерным признаком транслингвального текста [Savic, 1996, с. 21; Проценко, 2004, с. 123; Багана, Блажевич, 2010; Li, 2018].

Методы. В транслингвальных текстах, выявленных в электронных средствах информации Южной Осетии, наблюдается уникальное явление мультикультурности и мультиязычности, благодаря чему особенно ярко проявляется специфика этнической ментальности, культуры и ритуальности югоосетинской общественной коммуникации. В ходе исследования применялись следующие **методы:** сплошной выборки, сравнительно-сопоставительного,

переводческого анализа текста, а также элементы лингвокультурного анализа.

Тексты, обладающие билингвальными характеристиками, в основном попадают в категорию текстов с наиболее высокой степенью непереводимости [Павлова, 2017, с. 21; Kellman, 2019]. Билингвальность, транслингвальность, поликодовость текста выступают в роли переводческой проблемы повышенной сложности, подчас не поддающейся решению. При переводе текстов, в которых объективированы онимные единицы (например, сакральные геортонимы, названия религиозных праздников и дат), задача переводчика усложняется необходимостью сохранить лексико-семантические особенности этих единиц, а также их культурные ассоциации. Транслингвальный текст как продукт лингвокультурной поликодовости отражает языковую картину мира. Языковая картина зафиксирована в языке и является специфической для данного языкового коллектива схемой восприятия и отражения действительности, это проекция действительности сквозь призму языка [Колшанский, 1990]. Лингвокультура – это поле, где язык, культура, картина мира спаяны воедино, образуя самостоятельную семиотическую систему, особенности которой переводчик должен отразить средствами переводящих языков [Красных, 2013].

Основная часть

Характерной особенностью транслингвальных текстов является регулярность переключения с одной языковой системы на другую. При переводе на третий язык, в данном случае английский, переводчик неизбежно столкнется с необходимостью понимания и адекватной переводческой интерпретации онимной лексики, объективируемой в транслингвальных текстах на двух исходных языках – осетинском и русском, которые мы условно обозначим как первый исходный язык (далее – ИЯ1) и второй исходный язык (далее – ИЯ2). Переводящий язык далее будет обозначен как ПЯ.

Взаимодействие между различными религиозными системами сродни взаимодействию между языковыми системами. Могут наблюдаться случаи заимствования. Если имеет место наложение одной системы на другую (в случае с религиями), то на какой-то период может возникнуть двоеверие, либо элементы одной системы могут прослеживаться, подобно языковому субстрату, и распознаваться как религиозный субстрат. У осетин сквозь оболочку христианства четко проступают черты, унаследованные из дохристианского прошлого [Абаев, 1990, с. 123]. Геортонимы, названия праздников и праздничных дат составляют достаточно большую группу онимной лексики, представленную подгруппами наименований светских, религиозных и традиционных праздников [Подольская, 1978, с. 162].

Объект исследования – этноспецифическая онимная лексика, отражающая своеобразие языковой, культурной и религиозной картины мира осетин.
Предмет исследования представлен вариативностью переводческих

соответствий, реализуемых в транслингвальных медиатекстах. В ходе проведения исследования анализировались геортонимы, извлеченные методом сплошной выборки из материалов, представленных на сайтах новостных агентств Южной Осетии (РЕС, Спутник), сайтов газет «Южная Осетия», «Республика». Выбор медиатекстов в качестве эмпирического материала обусловлен тем, что фокус общественно-политической активности сместился в сторону электронных средств массовой информации, наиболее очевидно фиксирующих би- и транслингвальные признаки югоосетинской общественно-политической коммуникации.

Материалом исследования послужили фрагменты медиатекстов, содержащих этномаркированный геортоним *лауызгæнæн*, общим объемом **40850 знаков (5698 слов)**. Всего выявлено **68** репрезентаций осетинского геортонима *лауызгæнæн* на осетинском языке. Общее количество переводческих соответствий геортонима *лауызгæнæн* на русском языке составляет **105** единиц; кулинарунима *лауыз* – **169** единиц.

Традиционные религиозные праздники имеют большую значимость для осетин, они отражают богатое культурное прошлое и отождествляются со скифо-сармато-аланским наследием. Рассмотрим несколько фрагментов медиатекстов, в которых этномаркированные геортонимы реализуются сразу на двух исходных языках (русском и осетинском), что создает потенциальную сложность для переводчика на английский язык.

В лингвокультурном сознании осетин народные верования, мифологизация действительности и принципы христианской веры настолько тесно переплетены, что подчас бывает весьма сложно их разграничить. Мифы во многом объясняли существующий социальный и космический порядок, исключая необъяснимые события, находя отражение в регулярно повторяющихся ритуалах, направленных на приспособление человека к социуму и природному окружению [Мелетинский, 2008, с. 11].

В религиозной и культурной картине мира южных осетин значимое место занимают дни поминовения, сопровождаемые ритуальными действиями. Погребальная и поминальная обрядность и сегодня представлена обширными поверьями осетинского народа, причем не только в сельской местности, но и в городе (многочисленные поминки, три субботы до сороковин, сороковины, годовщина, а также несколько промежуточных поминальных тризн, поминальные даты религиозного календаря).

Центральное место в ряду весенних календарных поминальных дат осетин занимает день «*Лауызгæнæн*» / *Лауызгæнæн* (*лауыз* ‘блин’+*гæнæн* ‘выпекание’ от *канын* ‘делать’, досл. ‘выпекание блинов’, ‘делать блины’) – один из обычаев похоронно-поминального цикла, ежегодные поминки; это праздник, посвященный умершим людям и отражающий культ загробного мира у осетин. *Лауызгæнæн* организовывали в дни Великого поста (вторая и третья пятницы цикла Великого поста) [Дзадзиев и др., 1994, с. 88].

«Ежегодно во второй половине марта осетины справляют поминальный день **Лауызганан**. Осетины верили, что в **поминальные дни** (вторая, третья и четвертая субботы Великого поста) души ушедших из жизни возвращаются, чтобы повидать своих родственников. В рамках этой старинной обрядности отмечаются два дня – в первый поминальный день **Лауызганан** почившие пребывают на земле, во второй – покидают мир живых» [Обряд из глубины веков: Лауызганан в жизни современных осетин]. «В названии поминального обряда указывается его содержание – **лауыз-ганан**, что по-осетински значит ‘испечение блинов’. Главным в перечне поминальных кушаний были “**лауызта**” – **блины, которые готовились из муки и воды, без соли**. Готовые **лепешки** обмакивали в **чесночный соус** (нурыдзахдон). В народе верили, что на том свете **лауызта** пользуются большим почетом, поэтому каждая семья готовилась особенно тщательно» [Норма бытия: как Аланский женский монастырь входит в Великий Пост].

По поверью, бытующему среди осетин, в пятницу «старые» покойники, то есть люди, давно умершие, обладают большей свободой и отправляются повидать своих близких, семью, чего нельзя сказать о недавно умерших, которые боятся, что их место могут занять, и поэтому никуда не ходят. К приходу «старого» покойника в его доме тщательно прибирают, готовят разнообразную снедь, среди которой почетное место занимают *лауызта* – разновидности оладьев или блинов. «Старым» покойникам противопоставляются «новые» (*ног маэрдта* ‘новые покойники’), по отношению к которым совершаются отдельные ритуалы в дни, когда выпекаются *лауызта* ‘постные блины’.

«На **лауызганантæ** обычно собираются члены семьи покойного, а на кладбище в этот день принято ходить только к покойникам, которым еще не справили годовщину со дня смерти (*ног маэрдта*)» [Поминальный день – лауызганан]. «**Лауызгананта** проводятся два раза: в субботу первой недели после **Масленицы** – первый **лауызганан** и в субботу второй недели после **Масленицы** – второй **лауызганан**, **заххассан** – день поминовения умерших, приуроченный к **Вербному воскресенью**» [Лауызгананта у осетин].

В анализируемом фрагменте текста параллельно реализуются элементы двух языков (осетинского и русского) и двух систем религиозных взглядов и верований – православной христианской и народно-традиционной – *Масленица*, *Вербное воскресенье*, *Комбаттан* ‘пост’, *Заххассан* ‘вербное воскресение’ (досл. *зав* ‘тис’+*хасссен* ‘принесение’; поскольку в Южной Осетии верба не растет, ее заменяют на веточки тиса или самшита).

«Ежегодно при приближении каких-либо религиозных праздников, <...> возникает вопрос о дате их проведения. Особенно это касается “**лауызганантæ**” – **блинных поминок**. <...> Одни говорят, что их нужно делать, считаясь с религиозным (христианским) календарём, <...> увязывая их с **Великим постом**. Другие настаивают на точном соблюдении даты по Лунному календарю, как и велось издревле. <...> изначально неправильно

увязывать древний осетинский **лауызгæнæн** с христианской религией» [Лауызгæнæн – блинные поминки у осетин]. С христианской точки зрения, «очевидно, что поминальный день **лауызгæнæнтæ** напрямую связан с **Великим постом**, так как приходится именно на это время» [Поминальный день — лауызгæнæн].

Поскольку *Лауызганан* отмечается в дни Великого поста, он неразрывно связан с геортонимом *Комбаттæн / Комахæн*: ‘пост’ от осет. *ком* ‘рот’ + *баттæн / ахæн* ‘завязывание’/ ‘закрытие’, иначе ‘заговение’. *Комбаттæн* антонимичен геортониму *Куадзæн* (‘пасха’, или ‘усупение’, этимологически восходит к *ком* ‘рот’ + *уадзæн* ‘отпускание’/ ‘развязывание’, иначе ‘разговение’) [Абаев, 1958, с. 604; Дзадзиев и др., 1994, с. 78–79].

«Поскольку **Лауызганан** приходится на **Комбаттан**, осетины, полагая, что покойники тоже постятся, накрывали им постный стол, на котором были блины, **цакуыта** жареные кукурузные зерна, **дзарна** вареная пшеница с фасолью, печеная и отварная картошка, **картофджынта** пироги с начинкой из картошки, **кадурджынта** пироги с начинкой из фасоли, <...> пироги с начинкой из сладкого солода, рыба, арака, пиво, квас» [Лауызгананта у осетин].

Часть фрагмента построена на переводческих дублетах кулинаронимов, наименований национальных блюд, кулинарных изделий, которые рассматриваются в лингвокультурном аспекте (единица на ИЯ или транслитерированный / транскрибированный перевод) + переводческое соответствие на ПЯ (лексический перевод или экспликация), например, **цакуытæ** (осет.) ‘цакуыта’ (транслитерация) – ‘жареные кукурузные зерна’ (экспликация), **дзарна** (осет.) ‘дзарна’ – ‘вареная пшеница с фасолью, печеная и отварная картошка. Термин «кулинароним» относительно новый, введен в научный обиход недавно и рассматривается как элемент, интегрированный в языковую систему, в культурную и языковую картину мира [Леонова, 2003, с. 3].

«**Лауызгæнæн** – один из обычаев похоронно-поминального цикла, обязательных поминок у осетин-христиан, **лауызгæнæнтæ** отмечают вечером с пятницы на субботу. <...> хозяева <...> накрывают стол, на котором почетное место занимают **лауызта** (тонкие лепешки, блины из жидкого теста). Также пекут пироги с постной начинкой: с фасолью (**хъадурджынтæ**), с капустой (**къабускаджынтæ**), с тыквой (**наджынтæ**)». «По поверью, в этот вечер покойный находится за столом с домочадцами, слушает их разговоры, а на рассвете возвращается в страну мертвых. Идти туда он будет семь дней, дорога будет долгой и трудной. Покойный должен получить **дзаджджын** (обильная еда), чтобы питаться ею весь следующий год. Поэтому в следующую пятницу вечером в честь покойных опять справляют **лауызгæнæнтæ**» [Поминальный день — лауызгæнæн].

В приведенных фрагментах используются переводческие дублеты (единица на ИЯ или транслитерированный/ транскрибированный перевод) + переводческое соответствие на ПЯ (лексический перевод или экспликация), например, ‘**лауызта**’

/ ‘блины’, **‘нартхор’**/ ‘кукурузные зёрна’, **‘лауызта’**/ ‘тонкие лепешки, блины из жидкого теста’, **хъæдурджынтæ** ‘пироги с фасолью’, **къабускаджынтæ** ‘пироги с капустой’, **насджынтæ** ‘пироги с тыквой’, **дзæджын** ‘обильная еда’. Суффикс **-джын** в осетинском языке указывает на содержание чего-то. В анализируемом фрагменте дается перечень кулинаронимов, обозначающих разновидности традиционных осетинских пирогов с разными начинками (**хъæдурджынтæ** – **хъæдур** ‘фасоль + **-джын** ‘с начинкой’ + суффикс **-тæ** показатель множественного числа, **къабускаджынтæ** – **къабуска** ‘капуста’ + **-джын** ‘с начинкой’ + суффикс **-тæ**) [Осетинско-русский..., 1970, с. 668].

Центральное положение «в ряду весенних календарных обрядов осетин занимал праздник “**Лауызгæнæн**” – своего рода **блинные поминки** у осетин (из тюркского Lawas “**круглый тонкий хлебец вроде блинов, лепёшка**”)». «Кроме блинов в эти поминальные дни, а это необходимая постная пища, к которой относятся **блины-лауызта** непосредственно, варили в первую субботу пшеничные зёрна “**мæнæу**”, а во вторую субботу к ним добавлялись ещё кукурузные зёрна “**нартхор**”. Объясняли это тем, что в загробном мире пока сеяли пшеницу, а потом кукурузу. Следовательно “**лауызгæнæн**” напрямую связан с аграрным культом» [Лауызгæнæн – блинные поминки у осетин].

В основу ритуальных дней положены традиционные религиозные убеждения осетин, согласно которым души умерших способны влиять на судьбы людей и даже могут посылать добрый урожай, поэтому на поминальный стол подают блюда с отварными зёрнами кукурузы, пшеницы, фасоли.

«**Лауызта** – ритуальные осетинские постные блины, которые обычно подают на поминальный стол в специальные **дни лауызганан** в марте. <...> Помимо собственно **постных блинов**, на стол в этот день ставят вареную кукурузу и сладкую пшеницу. <...> в ночь с пятницы на субботу у осетин принято печь постные **блины (лауызта)** из муки и воды, без соли. Это **постный хлеб** из легкого заквашенного теста, которое печется как **блины, и пропитывается чесночным или ореховым соусом**. Вечером в пятницу, то есть на утро субботы, пекут **постный хлеб (лауыз)**. <...> варят постные крупы фасоль, пшеницу (**дзарна**)» [Насколько правильно мы выбираем день празднования определенного осетинского дзуара]. Дзарна – каша из цельных зерен пшеницы или кукурузы [Абаев, 1958, с. 395].

«**Лауызгæнæн** у предков осетин существовал еще с древних времен и высчитывается по Лунному календарю. В текущем году фыццаг **Лауызгæнæн** приходится в ночь с 10 на 11 марта, дыккаг **Лауызгæнæн** – в ночь с 17 на 18 марта» [Лауызгæнæн – традиционные блинные поминки у осетин].

В приведенном фрагменте вторая пятница Великого поста определяется как **фыццаг** ‘первый’ **Лауызгæнæн** (первый день выпекания поминальных блинов), третья пятница Великого поста – **дыккаг** ‘второй’ **Лауызгæнæн** (второй день выпекания поминальных блинов). Репрезентации двух этих геортониомов не

сопровождаются переводческими соответствиями на русском языке, отражая ориентированность текста на целевую аудиторию, понимающую оба языка и владеющую знаниями о специфике традиционной религиозной обрядности. Переводческие соответствия на английском языке в анализируемых фрагментах текстов не выявлены. Тем не менее, можно предположить, что при потенциальной необходимости перевести данный геортоним средствами английского языка вариативность способов перевода (транскрипция, транслитерация, калькирование, пояснительный перевод, или экспликация) может включать целый ряд соответствий (Лауызганан; baking pancakes; making pancakes; pancake commemoration; memorial days; tradition of commemoration, which is celebrated in Ossetia to this day; one of the customs of the funeral and memorial rite; a holiday dedicated to people who died long ago; a holiday dedicated to deceased people; memorial rite; the rite of commemoration of the deceased, commemoration dates of obligatory character among Ossetian Christians).

В таблице 1 приведены выявленные в анализируемых фрагментах текстов переводческие соответствия и способы передачи геортонима *Лауызганан* средствами русского языка.

ИЯ1	ИЯ2/ПЯ	Кол-во	Способ перевода
Лауызганан	Лауызганан	33	Транслитерация / транскрипция
	Испечение блинов	2	Калька
	Печь блины	5	
	Делать блины	4	
	Выпекание блинов	1	
	Всего	12	
	Блинные поминки	6	Экспликация
	Поминальные дни	8	
	Традиция поминовения	2	
	Одна из традиций, которую в Осетии отмечают по настоящее время	1	
	Один из обычаев похоронно-поминального обряда	3	
	Праздник, посвященный давно умершим людям	1	
	Обряд	29	
	Поминальный обряд	4	
	Обряд из глубины веков	3	
	Обряд поминовения усопших	1	

	Обязательные поминки у осетин-христиан	1	
	из тюркского <i>Lawas</i> ‘круглый тонкий хлебец вроде блинов, лепёшка’	1	Этимологическая экспликация
	Всего	60	
	Всего	105	

Таблица 1. Способы перевода геортонима *Лауызгæнæн*

Таблица 2 содержит переводческие соответствия кулинаронима *лауыз*, являющегося ядерным элементом ономастического пространства геортонима *Лауызгæнæн*.

ИЯ1	ИЯ2/ПЯ	Кол-во	Способ перевода
Лауыз(тæ)	Лауыз	135	Транскрипция / транслитерация
	(Блин)	(56)	Лексический перевод
	Оладий/Оладьи	3	
	Хлеб	7	
	Хлебец	5	
	Всего	15	
	Постный блин	7	Экспликация
	Постный хлеб	3	
	Ритуальный хлеб	2	
	Круглый, тонкий хлебец вроде блинов, лепешка	2	
	Постный хлеб из легкого заквашенного теста, которое печется как блины и пропитывается чесночным или ореховым соусом	2	
	Блины, которые готовятся из муки и воды, без соли	1	
	Осетинские постные блины	2	
	Всего	19	
	Всего	225	

Таблица 2. Способы перевода ядерного кулинаронима *лауыз*

Дискуссионные вопросы

Этномаркированные онимы часто несут в себе уникальные культурные и исторические значения, и при их переводе требуется учитывать не только лексическую составляющую, но и культурные коннотации, которые могут варьироваться в процессе перевода средствами разных языков. Существует два базовых принципа перевода этноспецифической лексики, предполагающих ориентацию на передающую или принимающую культуру.

Ориентация на передающую культуру основана на сохранении:

- 1) языковых особенностей (разные языки могут иметь уникальные конструкции, фразы, устойчивые выражения);
- 2) культурного контекста (культурные отсылки, памятные даты, традиции и обычаи имеют значение при интерпретации источника и могут быть непонятны для аудитории с другим культурным опытом);
- 3) социальных норм и традиционных ценностей (моральные ценности могут отличаться от тех, которые приняты в принимающей культуре).

Ориентация на принимающую культуру основана на следовании принципам адаптации, среди которых наиболее важными являются:

- 1) лексический выбор (переводчик должен учитывать, какие слова и фразы наиболее приемлемы в целевой культуре);
- 2) адаптация культурных ссылок (иногда необходимо заменить культурные признаки текста на более узнаваемые для принимающей культуры (*лауызтæ* – блины, лепешки, хлебц);
- 3) стилистика и форма (переводчик должен уметь адаптировать текст, сохраняя его основное содержание и эмоциональную и этническую окрашенность).

Выводы

Транслингвальность характеризует тексты, созданные билингвами, и предполагает реализацию всего коммуникативного багажа носителя билингвизма.

Результатом транслингвальной коммуникации билингва является транслингвальный текст, в котором две языковые и культурные системы плавно перетекают друг в друга, транслингвальные медиатексты характеризуются регулярными переключениями языковых кодов авторами-носителями билингвизма, что создает дополнительную трудность при переводе на третий язык.

Культурная компетенция является необходимым условием предпереводческой подготовки. Переводчик должен иметь хорошее представление об обеих культурах, чтобы правильно интерпретировать и передать смысл транслингвального текста, содержащего онимную лексику. Некоторые онимы могут иметь особые значения в одной культуре и быть малозначительными в другой. Например, кулинароним *лауызтæ* имеет

целый ряд переводческих соответствий в русском языке (блин, оладьи, хлеб, хлебец, постный блин, постный хлеб, ритуальный хлеб и т. д.), однако ни одно из переводческих соответствий не передает в полной мере семантику и лингвокультурную специфику данного кулинаронима.

В анализируемых фрагментах текстов выявлено: 1) 59 репрезентаций кулинаронима *лауыз*; 2) 68 репрезентаций геортонима *лауызгæнæн/лауызгæнæнтæ*.

Переводческий анализ выявленных переводческих соответствий геортонима *Лауызгæнæн* показал, что при переводе транслингвального текста предпочтителен пояснительный перевод, а в некоторых случаях – смешанный, сочетающий транслитерацию, транскрипцию, калькирование и экспликацию. Всего выявлено 105 переводческих соответствий геортонима *Лауызгæнæн*: 1) транслитерация / транскрипция – 33 (31,4%); 2) калькированный перевод – 12 (11,4%); 3) экспликация – 59 (56,2%); 4) этимологическая экспликация – 1 (1%).

Кулинарониму *лауыз/тæ* найдено 169 соответствий. Выявлены следующие способы перевода: 1) транслитерация / транскрипция – 135 (79,9%); 2) лексический перевод 15 (8,9%); экспликация – 19 (11,2%).

Источники

Лауызгæнæн – блинные поминки у осетин. URL: <https://cominf.org/node/1166497373> (дата обращения: 29.09.2024)

Лауызгæнæн – традиционные блинные поминки у осетин. URL: <https://respublikarso.org/culture/4664-lauygz230n230n-tradicionnye-blinnye-po-minki-u-osetin.html> (дата обращения: 29.09.2024)

Лауызгананта у осетин. URL: <https://plovvrzn.ru/150524/novosti-lauyrgananta-u-osetin/> (дата обращения: 29.09.2024)

Насколько правильно мы выбираем день празднования определенного осетинского дзуара. URL: <https://cominf.org/node/1166520508> (дата обращения: 29.09.2024)

Норма бытия: как Аланский женский монастырь входит в Великий Пост. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20200302/Norma-bytiya-kak-Alanskiy-zhenskiy-monastyr-vkhodit-v-Velikiy-Post-101694> (дата обращения: 29.09.2024)

Обряд из глубины веков: Лауызганан в жизни современных осетин. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20200325/Obryad-iz-glubiny-vekov-pominalnyy-den-Lauyrganan-v-zhizni-sovremennykh-osetin-10298890.html> (дата обращения: 29.09.2024)

Поминальный день — лауызгæнæн. URL: <https://south-ossetia.info/pominalnyj-den-lauyzaenaent%D3%95-napryamuyu-svyazan-s-velikim-postom/> (дата обращения: 29.09.2024)

Словари

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 тт. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. А–К. 656 с.

Дзадзиев А.Б., Дзудцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин: Краткий словарь. Владикавказ: Терек, 1994. 284 с.

Осетинско-русский словарь / Сост. Б.Б. Бигулаев, К.Е. Гагкаев, Н.Х. Кулаев, О.Н. Туаева. 3-е изд., доп. Орджоникидзе: Ир, 1970. 720 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с.

Литература

Абаев В.И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990. 640 с.

Багана Ж., Блажевич Ю.С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 12 (83). С. 63–68.

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 103 с.

Красных В.В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 122–130.

Леонова А.И. Лингвокультурологическая специфика кулинаронимов: дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003. 214 с.

Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 2008. 570 с.

Павлова М.В. Художественный билингвизм и проблема непереводаемости (на примере романа Э. Берджеса «Заводной апельсин») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78). Ч. 1. С. 21–25.

Проценко Е.А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 123–127.

Прошина З.Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 10–13.

Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Полилингвильность и транскультурные практики. 2017. № 2 (50). С. 155–170.

Canagarajah S. Multilingual Writers and the Academic Community: towards a Critical Relationship // Journal of English for Academic Purposes. 2002. № 1. Pp. 29–44.

Canagarajah S. Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations. London; New York: Routledge, 2013. 216 p.

García O. Bilingual Education in the 21st Century: A Global Perspective. Malden, MA: Wiley-Basil: Blackwell, 2009. 481 p.

Kellman Steven G. Literary Translingualism: What and Why? // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. № 3. С. 337–346.

Lee J.W. Transnational Linguistic Landscapes and the Transgression of Metadiscursive Regimes of Language // Critical Inquiry in Language Studies.

2014. № 1 (11). Pp. 50–74.

Li W. Translanguaging and Code-Switching: What's the Difference? // OUPblog. Oxford University Press's. May 9th, 2018. URL: <https://blog.oup.com/2018/05/translanguaging-code-switching-difference/> (date of access: 29.09.2024).

Pennycook A. *Global Englishes and Transcultural Flows*. London: Routledge, 2007. 189 p.

Savic J. *Code-switching: Theoretical and Methodological Issues*. Beograd: Belgrade University, 1996. 172 p.

References

Sources

Lauygzæncæn – blinnye pominki u osetin. [Lauygzæncæn – Pancake Funeral Feast in Ossetians]. URL: <https://cominf.org/node/1166497373>

Lauygzæncæn – traditsionnye blinnye pominki u osetin. [Lauygzæncæn – Traditional Pancake Funeral Feast among Ossetians]. URL: <https://republikarso.org/culture/4664-lauygz230n230n-tradicionnye-blinnye-pominki-u-osetin.html>

Lauyrgananta u osetin. [Lauyrgananta among Ossetians]. <https://plovzrn.ru/150524/novosti-lauyrgananta-u-osetin/>

Naskol'ko pravil'no my vybiraem den'prazdnovaniia opredelennogo osetinskogo dzuara [How Correctly Do We Choose the Day of Celebration of a Certain Ossetian Dzuar]. URL: <https://cominf.org/node/1166520508>

Norma bytiia: kak Alanskii zhenskii monastyr' vkhodit v Velikii Post [Norm of Being: how the Alan Women's Monastery Enters Lent]. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20200302/Norma-bytiya-kak-Alanskiy-zhenskiy-monastyr-vkhodit-v-Velikiy-Post-101694>

Obriad iz glubiny vekov. Lauyrganan v zhizni sovremennykh osetin [A Ritual from Time Immemorial. Lauyrganan in the Life of Modern Ossetians]. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20200325/Obryad-iz-glubiny-vekov-pominalnyy-den-Lauyrganan-v-zhizni-sovremennykh-osetin-10298890.html>

Pominal'nyi den' — lau ygzæncæn [Memorial Day – lau ygzæncæn]. URL: <https://south-ossetia.info/pominalnyj-den-lauygzæncæn%D3%95-napryamuyu-svyazans-velikim-postom/>

Dictionaries

Abaev V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka: v 4 tt.* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language: in 4 vols]. M.; L.: USSR Academy of Sciences Press, 1958. V. 1. A-K. 656 p.

Dzadziev A.B., Dzutsev H.V., Karaev S.M. *Etnografiia i mifologiia osetin. Kratkii slovar'* [Ethnography and Mythology of Ossetians. Brief Dictionary]. Vladikavkaz: Terek Press, 1994. 284 p.

Osetinsko-russkii slovar' [Ossetian-Russian Dictionary] / Compilers B.B. Bigulaev, K.E. Gagkaev, N.Kh. Kulaev, O.N. Tuaeua. 3rd edition, suppl. Ordzhonikidze: Ir Press, 1970. 720 p.

Podolskaya N.V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. M.: Nauka Publishing House, 1978. 198 p.

Literature

Abaev V.I. *Izbrannye trudy: Religii, fol'klor, literatura* [Selected Works: Religion, Folklore, Literature]. Vladikavkaz: Ir Press, 1990. 640 p.

Bagana Zh., Blazhevich Iu.S. *K voprosu o perekliuchenii kodov* [On the Question of Code-switching] // Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Humanities. 2010. № 12 (83). Pp. 63–68.

Kolshansky G.V. *Ob'ektivnaja kartina mira v poznanii i jazyke* [An Objective Picture of the World in Cognition and Language]. M.: Nauka Publishing House, 1990. 103 p.

Krasnykh V.V. *Grammatika lingvokul'tury, ili chto derzhit iazykovuiu kartinu mira?* [Grammar of Linguo-culture, or What Holds the Linguistic Picture of the World?] // *Ekologiya iazyka i kommunikativnaia praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice]. 2013. № 1. Pp. 122–130.

Leonova A.I. *Lingvokul'turologicheskaja spetsifika kulinaronimov* [Linguo-cultural Specificity of Culinary Names]: dis. ... Cand. of Philological Sciences. Tver, 2003. 214 p.

Meletinsky E.M. *Izbrannye stat'i. Vospominaniia* [Selected Articles. Memories]. M.: Russian State Humanitarian University Press, 2008. 570 p.

Pavlova M.V. *Khudozhestvennyi bilingvizm i problema neperevodimosti (na primere romana E. Berdzhesa «Zavodnoi apel'sin»)* [Artistic Bilingualism and the Problem of Untranslatability (on the Example of E. Burgess's Novel "A Clockwork Orange")] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology: Theory and Practice]. 2017. № 12 (78). Part 1. Pp. 21–25.

Protsenko E.A. *Problema perekliucheniia kodov v zarubezhnoi lingvistike* [The Problem of Code-switching in Foreign Linguistics] // Bulletin of the Voronezh State University. Series Linguistics and Intercultural Communication. 2004. № 1. Pp. 123–127.

Proshina Z.G. *Problemy i perspektivy translingval'nykh i transkul'turnykh kontaktov (vvedenie k tematicheskomu vypusku zhurnala)* [Problems and Prospects of Translingual and Transcultural Contacts (Introduction to the Thematic Issue of the Journal)] // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East]. 2016. № 2 (50). Pp. 10–13.

Proshina Z.G. *Translingvizm i ego prikladnoe znachenie* [Translingualism and Its Practical Significance] // *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*. [Polylingualism and Transcultural Practices]. 2017. № 2 (50). Pp. 150–170.

Canagarajah S. Multilingual Writers and the Academic Community: towards a Critical Relationship // *Journal of English for Academic Purposes*. 2002. № 1. Pp. 29–44.

Canagarajah S. *Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations*. New York: Routledge, 2013. 216 p.

García O. *Bilingual Education in the 21st Century: A Global Perspective*. Malden, MA: Wiley-Basil: Blackwell, 2009. 481 p.

Kellman Steven G. *Literary Translingualism: What and Why? // Polilingvial 'nost' i transkul'turnye praktiki [Polylingualism and Transcultural Practices]*. 2019. № 3. Pp. 337–346.

Lee J.W. *Transnational Linguistic Landscapes and the Transgression of Metadiscursive Regimes of Language // Critical Inquiry in Language Studies*. 2014. № 1 (11). Pp. 50–74.

Li W. *Translanguaging and Code-Switching: What's the Difference? // OUPblog*. Oxford University Press's. May 9th, 2018. URL: <https://blog.oup.com/2018/05/translanguaging-code-switching-difference/> (date of access: 29.09.2024).

Pennycook A. *Global Englishes and Transcultural Flows*. London: Routledge, 2007. 189 p.

Savic J. *Code-switching: Theoretical and Methodological Issues*. Beograd: Belgrade University, 1996. 172 p.

Сведения об авторе

Бекоева Ирина Давидовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры английского языка; Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова. Научные интересы: сравнительно-историческое языкознание, когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, лингвокультурология, переводоведение, переводческая ономастика, межкультурная коммуникация.

Information about the Author

Irina D. Bekoeva – PhD (Philology), Associate Professor; Associate Professor of the English Department; South-Ossetia State University named after A.A. Tibilov. Research interests: comparative and historical linguistics, cognitive linguistics, political linguistics, linguo-cultural studies, theory of translation, translation onomastics, cross-cultural communication.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Научно-исследовательская статья
УДК 821.161.1-31Лермонтов
DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-54-64

ВВОДНЫЕ СЛОВА В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» И ПРОБЛЕМА ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Девятова Надежда Михайловна

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
deviatovan@mail.ru, AuthorID: 309102, <https://orcid.org/0000-0003-1591-3649>

Аннотация. Вводные слова представляют одно из средств в организации модуса предложения и текста. Включаясь в текст, они являются маркерами определенной точки зрения – отношения к высказыванию. Проблема формирования модусного пространства текста представляет сложную и недостаточно изученную проблему, тогда как язык располагает богатыми средствами выражения модусных смыслов.

В статье рассматривается субъектная структура романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840) и роль вводно-модальных слов в организации разных точек зрения – повествователя и героев, участвующих в развитии романного сюжета. Цель работы заключается в том, чтобы показать связь вводных слов с позициями изображаемых лиц в их познании внешней среды и внутреннего мира людей. Разнообразен состав вводных слов, организующих эти точки зрения, и контексты, свидетельствующие о различии ментальных процессов, ориентированных на разные стороны мира и психологии человека. В работе реализован метод дискурсивного анализа, позволяющий анализировать текст в единстве его диктумного содержания и модуса – реализованной точки зрения. В ходе исследования выявлено значение вводных слов в организации «внешней» оценки и «внутренней» точки зрения героев романа: Печорина, Максима Максимыча и повествователя – странствующего офицера.

Ключевые слова: вводное слово, модусное пространство, «внешняя» и «внутренняя» точка зрения, характер осмысления ситуации.

Для цитирования: Девятова Н.М. Вводные слова в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и проблема точки зрения // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 54–64. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-54-64.

Original research article

INTRODUCTORY WORDS IN M.Yu. LERMONTOV'S NOVEL "A HERO OF OUR TIME" AND THE PROBLEM OF POINT OF VIEW

Nadezhda M. Devyatova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

deviatovan@mail.ru, AuthorID: 309102, <https://orcid.org/0000-0003-1591-3649>

Abstract. Introductory words are one of the means in organizing the mode of a sentence and text. When included in the text, they are markers of a certain point of view – an attitude to the statement. The problem of forming the modal space of a text is a complex and insufficiently studied problem, while the language has rich means of expressing modal meanings.

The subject structure of M.Yu. Lermontov's novel "A Hero of Our Time" (1840) and the role of introductory modal words in organizing different points of view – the narrator and the heroes participating in the development of the novel's plot are examined in the article. The purpose of the work is to show the connection of introductory words with the positions of the depicted persons in their cognition of the external environment and the inner world of people. The composition of introductory words organizing these points of view is diverse, as are the contexts indicating the difference in mental processes oriented toward different aspects of the world and human psychology. The work implements the method of discourse analysis, which allows analyzing the text in the unity of its dictum content and mode – the realized point of view. The study revealed the significance of introductory words in organizing the "external" assessment and "internal" point of view of the novel's heroes: Pechorin, Maksim Maksimych and the narrator, a wandering officer.

Keywords: introductory word, modus space, "external" and "internal" point of view, nature of understanding the situation.

For citation: Devyatova Nadezhda M. Introductory Words in M.Yu. Lermontov's Novel "A Hero of Our Time" and the Problem of Point of View // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2024. Pp. 54–64. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-54-64.

© Девятова Н.М., 2024

Введение

Исследование художественного текста связано с его ключевой проблемой – образа автора и системы представленных точек зрения. Как писал В.В. Виноградов, образ автора представляет концентрированную суть текста, совокупность всех точек зрения в тексте и способов их организации [Виноградов, 1976]. Методологические аспекты проблемы освещены

в работах М.М. Бахтина, Г.А. Гуковского, Д.С. Лихачева и др.

Проблема образа автора исследуется как в литературоведении, так и в лингвистике. Разработка вопроса в языкознании связана с разными аспектами семантики предложения и текста. Для художественного текста значимыми являются вопросы носителя точки зрения, способов отражения ее «внешней» и «внутренней» граней. В лингвистике указанная сфера связана с проблемой модуса [Падучева, 1993; Геймбух, 1995; Сидорова, 2000; Золотова и др., 2004; Девятова, 2021 и др.] и с проблемой различения Я- и Он-моделей.

Особый интерес для исследователей в этом плане вызывает роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840), поскольку в нём заявлены разные точки зрения, сквозь призму которых автор показывает героев и события: «Богатство языка романа основывается <...> на его “многоголосии”. Мы слышим в романе голоса трех рассказчиков – странствующего офицера, Максима Максимыча и Печорина. У каждого из них свой строй языка, свои особенности речи. К ним присоединяются своеобразные голоса Бэлы, Казбича, Азамата, Грушницкого, княжны Мери, Вернера и других персонажей романа» [Ломунов, 1971, с. 188].

Цель настоящей статьи – показать значение вводных слов и их нюансировку в субъектной организации означенного художественного текста.

Основная часть

Вводные слова представляют одно из средств субъективной модальности – отношения говорящего к высказыванию. Состав вводных слов достаточно разнообразен, на что обращал внимание еще В.В. Виноградов [Виноградов, 1950], и они по-разному участвуют в организации той или иной точки зрения.

В романе Лермонтова каждая из точек зрения действующих лиц важна для понимания идейной стороны произведения. На разные события мы смотрим глазами разных персонажей, и это создает многослойность и многоцветность романа. Для обозначения каждой точки зрения автор находит определенные способы организации. Немаловажную роль среди них занимают вводные, или вводно-модальные, слова и другие модусные показатели. В оформлении разных точек зрения участвует множество вводных слов, различно их количество и качественный состав. Так, Печорин является не только носителем собственной точки зрения, но и показан глазами других героев. Одни персонажи реализуют собственную точку зрения только как субъекты речи – в диалогических фрагментах романа, другие представлены разнопланово – в том числе через восприятие других персонажей.

Первый персонаж, с которым знакомится читатель, – это Максим Максимыч, штабс-капитан, давно служащий на Кавказе, знакомый с разными человеческими судьбами. Именно в его пересказе предстает главный герой повествования – Григорий Александрович Печорин. С точки зрения Максима Максимыча передаются события, происходящие с Печориным во время

пребывания на Кавказе, его отношение к людям, среди которых приходится жить; сквозь призму сознания штабс-капитана освещены обычаи и нравы коренных жителей Кавказа.

В диалогах с повествователем – странствующим офицером – Максим Максимыч предстает как субъект речи. Речь этого героя насыщена вводными словами. Здесь автором использованы разные слова: *конечно, кажется, верно, видно* и др. Обращает на себя внимание преобладание вводных слов, служащих цели привлечения внимания собеседника: *поверите ли, знаете ли, видите ли, признаться* и др. Штабс-капитан обращается к собеседнику, который хочет знать историю Печорина. Эта история – часть жизни и самого Максима Максимыча, оказавшегося рядом с Печориным и Бэлой. Из того, как штабс-капитан рассказывает о недавних событиях, видно, что произошедшее глубоко задело его. Он еще не пережил эту историю до конца, поэтому для него важно, чтобы слушатель понял его, чтобы его переживания нашли отклик в душе собеседника, в силу чего вводные слова встречаются в разных местах речи героя.

Первый раз в речи Максима Максимыча появляется *поверите ли* при представлении своей точки зрения на события и окружающих: *Поверите ли? Ничего не умеют, не способны ни к какому образованию! <...> а у этих и к оружию никакой охоты нет: порядочного кинжала ни на одном не увидишь* [здесь и ниже: Лермонтов]. Вводное слово, помимо привлечения внимания собеседника, имплицитно содержит и другие смыслы: невозможно поверить, что есть такие люди. Говорящий выстраивает непреодолимое препятствие между собой и живущими рядом с ним. Тем самым Максим Максимыч обнаруживает точку зрения превосходства по отношению к местным жителям.

Страстность героя, проявляющая в разговоре, связана с тем, что люди, несущие службу вдали от родины, среди чужих людей, любят посудачить. Вводное слово *знаете* звучит в рассказе о военных буднях, об инокультурных обычаях. *Знаете* встречается и в рассказе Максима Максимыча о себе – в объяснении того, почему у него нет семьи: *а запасться женой не догадался раньше, – так теперь, знаете, и не к лицу; я и рад был, что нашел кого баловать; Я, знаете, никогда с женщинами не обращался*. Герой открывает сокровенные мысли случайному собеседнику, обнаруживая свою тайную боль. Сам диалог Максима Максимыча с повествователем говорит об одиночестве героя, для которого важным оказывается понимание случайного человека.

Вводное слово *знаете* в речи штабс-капитана автор использует и в рассказе этого героя о похищении Бэлы, о поведении Печорина при смерти Бэлы. Здесь данное вводное слово употребляется для поддержания контакта. Поскольку речь идет о событиях, значимых для Максима Максимыча, это слово выражает и чувства говорящего. Не случайно, что *знаете* завершает и рассказ героя при прощании с собеседником. Если в приведенных выше

ситуациях для Максима Максимыча важен был отклик собеседника, поскольку он стремится не только рассказать историю Печорина и Бэлы, но и поделиться своим чувством, высказаться, то при прощании с собеседником Максим Максимыч психологически закрывается: обиженный в свое время невниманием молодого друга, он предполагает такое же отношение к себе и со стороны собеседника-повествователя. Когда странствующий офицер заявляет, что не заслужил этих упреков, Максим Максимыч с горечью отвечает: *Да я, знаете, так, к слову говорю; а впрочем, желаю вам всякого счастья и веселой дороги*. Вводное слово *впрочем* позволяет переключиться на другую тему, снизить пафос собственной речи и завершить диалог.

На протяжении рассматриваемого доверительного разговора в него включаются вводные слова и словосочетания *вот видите, скажите-ка: Скажите-ка, пожалуйста, – продолжал штабс-капитан, обращаясь ко мне, – вы вот, кажется, бывали в столице, и недавно: неужто тамошняя молодежь вся такова?*

Вводные слова *к счастью, к несчастью* в речи Максима Максимыча служат для оценки события: *Стали мы болтать о том, о сем: вдруг смотрю, Казбич вздрогнул, переменялся в лице – и к окну; но окно, к несчастью, выходило на задворье*. Вводное слово *к несчастью* дает оценку будущим событиям и имеет проспективную ориентацию. То же слово включено автором в рассказ Максима Максимыча о Печорине и в следующем контексте: *К счастью, по причине неудачной охоты, наши кони не были измучены*.

Вводные слова *конечно, разумеется* говорят о принадлежности позиции говорящего к общепринятой точке зрения [Дискурсивные слова..., 1998]. В речи Максима Максимыча *конечно* может выражать согласие с репликой собеседника: *Да ведь вы же были у него? [коменданта] – Был, конечно, – сказал он заминаясь... Конечно* здесь наделено следующим смыслом: в подобной ситуации так бы поступил каждый, и я поступил подобным образом. В другом примере *конечно* выражает противоречие общепринятой точке зрения: *конечно, мы были приятели, – ну, да что приятели в нынешнем веке!..* В этом последнем случае проявляется диалогизм вводного слова: как человек, разделяющий общую точку зрения, герой противопоставляет ей точку зрения молодого поколения, к которому принадлежат Печорин и, как предполагает Максим Максимыч, странствующий офицер.

Одно из наиболее частотных вводных слов в речи Максима Максимыча – *верно*: оно встречается в речи этого героя, когда он дает собственную интерпретацию событий и их причин. *Верно* относится к группе вводных слов, выражающих уверенность / неуверенность в сообщаемом. Как показано в ряде работ, в значении вводных слов отражается определенное соотношение слова и ситуации, формирование мнения говорящего на основании определенного контакта с ситуацией или вне такого контакта [Июанесян, 1993; Яковлева, 2003]. Так, например, значение *похоже* формируется на основе непосредственного

контакта и его хорошего знания: говорящий делает вывод на основе знания ситуации; количество наблюдаемых или известных признаков должно быть достаточным для формирования вывода [Девятова, 2009].

Исследуя предложения причинно-аргументирующего типа, Е.С. Ярыгина выделяет разные типы соотношения модусов двух предикативных ситуаций, одна из которых представляет диктумную ситуацию, а вторая, создаваемая при помощи вводного слова, представляет мнение говорящего, некоторое предположение [Ярыгина, 2018]. Так, Максим Максимыч рассказывает, в частности, об Азамате и его исчезновении из дома: *Так с тех пор и пропал: верно, пристал к какой-нибудь шайке абреков, да и сложил буйную голову за Тереком или за Кубанью. Верно* также использовано автором в речи Максима Максимыча при объяснении размолвки Печорина и Бэлы: *верно, между ними черная кошка проскочила!* Это же вводное слово встречается при интерпретации сюжетных событий, свидетелем которых произносящий речь не был. Так, обобщенный ментальный вывод штабс-капитан делает на основе наблюдаемой ситуации, не подозревая, что в экипаже едет Печорин: *Экая чудная коляска! <...> верно, какой-нибудь чиновник едет на следствие в Тифлис*. Вывод, сделанный на основании семантики *верно*, мыслится как одно из возможных объяснений, но в дальнейшем предположение не находит подтверждения.

В отношении точки зрения главного героя романа Печорина следует подчеркнуть, что вводные слова играют важную роль при создании данного образа. При этом состав вводных слов более разнообразен, чем при воплощении автором образа Максима Максимыча.

В отличие от способов выражения точки зрения пожилого штабс-капитана, в речи Печорина значительно реже встречаются вводные слова, служащие для привлечения внимания собеседника. Так, выражение *видите ли* встречается в диалогах Печорина лишь дважды. Во-первых, это разговор героя с доктором Вернером перед дуэлью, когда ситуация предполагает определенную откровенность и Вернер ожидает каких-то признаний от Печорина, но последний далек от того, чтобы раскрыть свои чувства. Герой демонстрирует холодность и эгоизм: *Видите ли, я выжил из тех лет, когда умирают, произнося имя своей любезной и завещая другу клочок напояженных или ненапояженных волос. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю об одном себе*. Та же, во-вторых, демонстративность заметна и в диалоге Печорина с княжной Мери: *Видите ли, я перед вами низок*. За такими суждениями не стоит искреннее чувство, поскольку Печорин не нуждается в обнажении своих настроений и переживаний.

Назовем наиболее частотные вводные слова, характеризующие Печорина: *кажется, видно, верно, вероятно, реже может быть, конечно*. Эти вводные слова встречаются разных в контекстах, как обращенных к внешнему миру – окружающей обстановке и участникам событий, в которых участвует

Печорин, так и к самому себе – к своим чувствам, к мотивам своих поступков.

Вводное слово *кажется* / *казалось* использовано автором в романе 10 раз. Впервые *казалось* как отражение точки зрения Печорина появляется в главе «Тамань» при объяснении героем поведения слепого юноши: *Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне, и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом вправо; он шел так близко от воды, что, казалось, сейчас волна схватит его и унесет; но, видно, это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень и избегал рытвин.* Текстовый фрагмент представляет интерпретацию наблюдаемой ситуации. Вывод, осуществленный с помощью вводного слова *казалось*, формируется на основании осмысления перцептивной ситуации. Слово *видно* в приведенном контексте поддерживает заключение, основанное на суждении о значимых признаках ситуации.

Ментальное сознание Печорина направлено на аналитическое восприятие внешнего мира, как и в случае с ундиной, властно привлекавшей внимание героя: *Странное существо! На лице ее не было никаких признаков безумия; напротив, глаза ее с бойкою пронизательностью останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса.* Печорин не бесчувственный человек; новое, необычное не оставляет его равнодушным, в таких ситуациях просыпается его природное любопытство. Он старается проникнуть в суть происходящего и при этом поддается чувствам, забывая о возможной опасности: ему не чужд риск. В приведенном фрагменте встречаются и другие показатели модуса: *напротив* – вводное слово, указывающее на противоположные детали при формировании вывода, модальная частица *как будто*, выступающая как модальный оператор [Арутюнова, 1997], при представлении внутреннего состояния ундины отражает внешнюю точку зрения.

Печорина интересует поведение людей. Он внимательно, хотя и равнодушно наблюдает за княжной Мери, за началом их возможного романа и с протокольной точностью фиксирует движения девушки, пытаясь понять ее внутреннее состояние: *Легче птички она к нему подскочила, нагнулась, подняла стакан и подала ему с телодвижением, исполненным невыразимой прелести; потом ужасно покраснела, оглянулась на галерею и, убедившись, что ее маменька ничего не видала, кажется, тотчас же успокоилась.*

Вводное слово *кажется* встречается при объяснении Печориным характера княжны Мери: в понимании героя, она, *кажется, из тех женщин, которые хотят, чтобы их забавляли.* Вводное слово включается в рассуждение о платонической любви, в сложный ход мысли Печорина. Вывод героя оформляет информативный тип речи, в котором вводное слово определяет его ментальную деятельность. В другом контексте *казалось* организует вывод, сформированный на основе наблюдения, в котором субъектом-наблюдателем

является Печорин, следящий за княжной через полузакрытое шторой окно: *Мери сидела на своей постели, скрестив на коленях руки; ее густые волосы были собраны под ночным чепчиком, обшитым кружевами; большой пунцовый платок покрывал ее белые плечики, и маленькие ножки прятались в пестрых персидских туфлях. Она сидела неподвижно, опустив голову на грудь; перед нею на столике была раскрыта книга, но глаза ее, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, в сотый раз пробежали одну и ту же страницу, тогда как мысли ее были далеко...* Кажется встречается также во фрагменте, представляющем интерпретацию Печориным поведения Грушницкого во время встречи последнего с княжной Мери: *Когда я подошел к ней, она рассеянно слушала Грушницкого, который, кажется, восхищался природой.* Вывод делается на основе наблюдаемых признаков, хотя они и не называются в тексте: это особое выражение лица княжны Мери – отсутствие интереса к словам человека, стремящегося чем-то ее увлечь. В Печорине, таким образом, сочетаются обычное любопытство и желание разобраться в окружающей обстановке, прием позволяет автору показать холодный ум героя.

Вводные слова встречается в сложноподчиненных предложениях аргументирующего типа. Особенность таких конструкций [Ярыгина, 2018] состоит в том, что главное предложение в них называет ментальный вывод, опирающийся на знание исходной ситуации. Так, при изображении Печорина в кругу «водяного общества» значимо вводное слово *видно*. Оно отражает внешнюю точку зрения: так герой объясняет особое к себе отношение. В частности, автором представлена сцена, когда Печорин с особой тщательностью готовится к оболыщению Мери: *Когда я вошел, все замолчали: видно, говорили обо мне.*

Одно из частотных вводных слов – *вероятно*. Оно встречается при объяснении Печориным как чужих намерений (*вероятно, поэтому Грушницкий сверх солдатской шинели повесил шашку и пару пистолетов*), так и собственных (*вероятно, если б я не проехался верхом и не был принужден на обратном пути пройти пятнадцать верст, то и эту ночь не сомкнул бы глаз моих*).

Словосочетание *может быть* используется автором при изображении ряда событий в жизни Печорина: расставание с Верой (*я знаю, мы скоро разлучимся опять и, может быть, навеки*), мысли о смерти (*И, может быть, я завтра умру!..*). В последнем случае *может быть* обращено к будущему героя, и возможную смерть он воспринимает спокойно. Размышляя о противоречиях своего характера, Печорин признается себе: *Может быть, я хочу быть убит.*

Столь же богато вводные слова представлены и в речи повествователя – странствующего офицера. Так, *видно* введено автором в размышления этого действующего лица о людях своего поколения и об особенностях современности, расцениваемых как странности: *Но, видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей.* Слово

казалось обнаруживается в описании странствующим офицером трудного пути в горах, когда он стремится рассмотреть своеобразие местности и одновременно понять характер Максима Максимыча: *казалось, дорога вела на небо*. Вводные слова в устах повествователя призваны осветить социально-психологические данности внешнего мира. Так, *может быть* обращено повествователем к читателю при воссоздании Максимом Максимычем истории погибшей горянки: *Но может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы? Конечно* в речи странствующего офицера объясняет мнение Максима Максимыча относительно вреда от пьянства и передает стороннюю (внешнюю) точку зрения.

Однако автор в своем естественном желании привлечь внимание реципиентов к излагаемым историям настроен на то, чтобы в большей мере, помимо освещения позиции повествователя, дать слово героям, непосредственно участвующим в сюжетной организации текста.

Выводы

Итак, анализ вводных слов в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» позволил увидеть их роль в субъектной организации текста, в формировании точки зрения. Соединяясь с той или иной точкой зрения, вводное слово открывает ментальные горизонты героев и персонажей, их отношение к миру и к самим себе.

Источники

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: в 4 тт. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 4. С. 183–314. URL.: <https://feb-web.ru/feb/lermont/default.asp?/feb/lermont/texts/lerm04/vol04/144.html>

Литература

Арутюнова Н.Д. Модальные и семантические операторы // Облик слова: сб. ст. памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М.: Институт русского языка РАН, 1997. С. 22–40.

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Института русского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. С. 38–79.

Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. 511 с.

Геймбух Е.Ю. Образ автора как категория филологического анализа художественного текста (на материале произведений И.С. Тургенева малых форм): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 15 с.

Девятова Н.М. Вводно-модальные слова и их прагматические смыслы // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 1. С. 14–20.

Девятова Н.М. Проблема модуса и вводно-модальные слова: лингвистический портрет единицы *похоже* // Русский язык в школе. 2009. № 7. С. 61–64.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического

описания / Под ред. К. Киселёвой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 447 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, 2004. 541 с.

Иоанесян Е.Р. Классификация ментальных предикатов по типам вводимых ими суждений // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 89–95.

Ломунов К.Н. О романе Лермонтова // Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Герой нашего времени. М.: Детская литература, 1971. С. 172–189.

Падучева Е.В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52, № 3. С. 33–44.

Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 416 с.

Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании // Логический анализ языка: Избранное. 1988–1995. М.: Индрик, 2003. С. 129–146.

Ярыгина Е.С. Синтаксис аргументативного дискурса. М.: Юстицинформ, 2018. 198 с.

References

Sources

Lermontov M.Yu. *Geroj Nashego Vremeni* [A Hero of Our Time] // Lermontov M.Yu. Collected Works: in 4 vols. 2nd ed., corrected and suppl. L.: Nauka Publishing House. Leningrad Branch, 1981. V. 4. Pp. 183–314.

Literature

Arutyunova N.D. *Modal'nye i semanticheskie operatory* [Modal and Semantic Operators] // *Oblik slova: sb. st. pamyati Dmitriya Nikolaevicha Shmeleva* [The Form of the Word: Collection of Articles in Memory of Dmitry Nikolaevich Shmelev]. М.: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Press, 1997. Pp. 22–40.

Vinogradov V.V. *O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom yazyke* [On the Category of Modality and Modal Words in the Russian Language] // *Trudy Instituta russkogo yazyka* [Proceedings of the Institute of the Russian Language]. М.; L.: USSR Academy of Sciences Press, 1950. V. 2. Pp. 38–79.

Vinogradov V.V. *Poetika russkoj literatury* [Poetics of Russian Literature]. М.: Nauka Publishing House, 1976. 511 p.

Gejmbukh E.Yu. *Obraz avtora kak kategoriya filologicheskogo analiza hudozhestvennogo teksta (na materiale proizvedenij I.S. Turgeneva malyh form). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The Image of the Author as a Category of Philological Analysis of the Artistic Text (Based on the Works of I.S. Turgenev in Short Forms): abstract of dis. ... Cand. of Philological Sciences. М., 1995. 15 p.

Devyatova N.M. *Vvodno-modal'nye slova i ih pragmaticheskie smysly* [Introductory Modal Words and Their Pragmatic Meanings] // *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly* [Scientific Essays of Higher Education]. 2021. № 1. Pp. 14–20.

Devyatova N.M. *Problema modusa i vvodno-modal'nye slova: lingvisticheskiy portret edinicy **pohozhe*** [The Problem of Modus and Introductory Modal Words: Linguistic Portrait of the Unit **pohozhe**] // *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 2009. № 7. Pp. 61–64.

Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya [Discursive Words of the Russian Language: Experience of Contextual-semantic Description] / Edited by K. Kiseleva, D. Payar. M.: *Metatext Press*, 1998. 447 p.

Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. M.: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences Press, 2004. 541 p.

Ioanesyan E.R. *Klassifikaciya mental'nyh predikatov po tipam vvodimyh imi suzhdenij* [Classification of Mental Predicates by the Types of Judgments They Introduce] // *Logicheskij analiz yazyka. Mental'nye dejstviya* [Logical Analysis of Language. Mental Actions]. M.: *Nauka Publishing House*, 1993. Pp. 89–95.

Lomunov K.N. *O romane Lermontova* [About Lermontov's Novel] // Lermontov M.Yu. *Stihotvoreniya. Geroj nashego vremeni* [Poems. A Hero of Our Time]. M.: Children's Literature Publishing House, 1971. Pp. 172–189.

Paducheva E.V. *Govoryashchij kak nablyudatel': ob odnoj vozmozhnosti primeneniya lingvistiki v poetike* [The Speaker as an Observer: on One Possibility of Applying Linguistics in Poetics] // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language*. 1993. V. 52, № 3. Pp. 33–44.

Sidorova M.Yu. *Grammatika hudozhestvennogo teksta* [Grammar of Fiction]. M.: Moscow State University Press, 2000. 416 p.

Yakovleva E.S. *Soglasovanie modusnyh harakteristik v vyskazyvanii* [Coordination of Modus Characteristics in an Utterance] // *Logicheskij analiz yazyka: izbrannoje* [Logical Analysis of Language: Selected. 1988–1995]. M.: *Indrik Press*, 2003. Pp. 129–146.

Yarygina E.S. *Sintaksis argumentativnogo diskursa* [Syntax of Argumentative Discourse]. M.: *Justitsinform Press*, 2018. 198 p.

Сведения об авторе

Девятова Надежда Михайловна – доктор филологических наук, доцент; профессор департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: современный русский язык, компаративистика.

Information about the Author

Nadezhda M. Devyatova – Dr. Sc. (Philology), Associate Professor; Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: modern Russian Language, comparative studies.

Научно-исследовательская статья
УДК 821.161.1-14"19"
DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-65-77

**«РАЗВЛЕЧЕНИЕ ЛЮБИМОЙ»
КАК ПОВОД ДЛЯ ПРЕОБРАЖЕНИЯ МИРА
(СТИХОТВОРЕНИЯ Н.С. ГУМИЛЕВА «ЖИРАФ»
И Б.Л. ПАСТЕРНАКА «БЕЗ НАЗВАНИЯ»)**

Казмирчук Ольга Юрьевна

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
kazmirchuk@yandex.ru, AuthorID: 334894, <https://orcid.org/0000-0003-1359-5931>

Аннотация. В статье сопоставлены стихотворения Н.С. Гумилева «Жираф» и Б.Л. Пастернака «Без названия», в центре которых стоит проблема взаимоотношения мужчины и женщины. Типологическая близость поэтических «сюжетов» и мотивов заключается в готовности лирических героев преобразить / переназвать существующий мир ради своих возлюбленных – «адресатов» произведений. Подобные художественно-философские установки были свойственны символизму, акмеизму, футуризму. В указанных стихотворениях отражен личный опыт поэтов.

Методы имманентного и сопоставительного анализа позволили выявить специфику созданного каждым из авторов. Возлюбленная лирического героя Гумилева не откликнулась на его призывы рассмотреть экзотику далеких стран, не разделяя его представлений о красоте. Пастернак принципиально иначе выстраивает отношения героя и героини, благодаря чему по-иному интерпретируется и тема преобразования мира: оно реально, хотя и отнесено в область будущего.

Ключевые слова: символизм, акмеизм, футуризм.

Для цитирования: Казмирчук О.Ю. «Развлечение любимой» как повод для преобразования мира (стихотворения Н.С. Гумилева «Жираф» и Б.Л. Пастернака «Без названия») // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 65–77. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-65-77.

Original research article

**“ENTERTAINMENT OF THE BELOVED”
AS A REASON FOR THE TRANSFORMATION OF THE WORLD
(POEMS BY N.S. GUMILYOV “GIRAFFE”
AND B.L. PASTERNAK “UNTITLED”)**

Olga Yu. Kazmirchuk

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

kazmirchuk@yandex.ru, AuthorID: 334894, <https://orcid.org/0000-0003-1359-5931>

Abstract. The comparison of the poems by N.S. Gumilyov “Giraffe” and B.L. Pasternak “Untitled” is presented in the article, in their center is the problem of the relationship between a man and a woman. The typological closeness of poetic “plots” and motives lies in the readiness of lyrical heroes to transform / rename the existing world for the sake of their beloved – the “addressees” of the works. Similar artistic and philosophical attitudes were characteristic of symbolism, acmeism, futurism. The personal experience of the poets is reflected in these poems.

The methods of immanent and comparative analysis allowed us to identify the specifics of what each of the authors created. The beloved of Gumilev’s lyrical hero did not respond to his calls to consider the exoticism of distant lands, not sharing his ideas about beauty. Pasternak builds the relationship between the hero and heroine in a fundamentally different way, thanks to which the theme of the transformation of the world is interpreted differently: it is real, although it is relegated to the realm of the future.

Keywords: symbolism, acmeism, futurism.

For citation: Kazmirchuk Olga Yu. “Entertainment of the Beloved” as a Reason for the Transformation of the World (Poems by N.S. Gumilyov “Giraffe” and B.L. Pasternak “Untitled”) // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2024. Pp. 65–77. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-65-77.

© Казмирчук О.Ю., 2024

Памяти Н.А. Богомолова

Введение

Обращение лирического героя-поэта к своей возлюбленной, его попытка успокоить, уговорить ее – мотив, который достаточно часто возникает в русской поэзии («Что в имени тебе моем...» А.С. Пушкина и др.). Подобные тексты привлекали и будут привлекать внимание исследователей уже в силу того, что в них не только осмысляются архетипические мотивы и образы, связанные стемой любви, но и формируется сложнейшая субъектная структура, поскольку в этих текстах, помимо главенствующего лирического субъекта

(лирического героя), обязательно присутствует адресат (героиня), причем точка зрения адресата ощутимо влияет на формирование художественного универсума стихотворения [Малкина, 2023, с. 23–27].

Цель исследования состоит в выявлении как близости, так и разницы позиций лирических героев в поэтических монологах, обращённых к любимой женщине. Материалом исследования стали стихотворения Н.С. Гумилёва «Жи́раф» (1907, сборник «Романтические цветы») и Б.Л. Пастернака «Без названия» (1956, цикл «Когда разгуляется»).

Актуальность работы. Произведения Гумилева и Пастернака неоднократно становились объектом сопоставления: сквозь призму символистских постулатов [Иванов, 2015, с. 377–380], жанра баллады [Жолковский, 2011, с. 364] и др. Сопоставление стихотворений «Жи́раф» (1907) и «Без названия» (1956) не проводилось, несмотря на близость тематики произведений (разговор лирического героя с возлюбленной и его попытка преобразовать внешний мир ради любимой) и существование реального прототипа у адресата (А.А. Ахматова-Горенко [Баскер, 1996, с. 131; Богомолов, 2001, с. 467], О.В. Ивинская [Ивинская, 1992; Жолковский, 2014, с. 118]). Оба произведения входят в состав поэтических книг, значимых для авторов. Так, сборник «Романтические цветы» Н.С. Гумилев называл своей первой книгой, поскольку хотел забыть о неудачном литературном дебюте – о книге «Путь конквистадоров» [Н.С. Гумилев: pro et contra..., 2000, с. 505; Богомолов, 2001, с. 467], а стихотворение «Без названия» (впервые: Знамя. 1956. Сентябрь) вошло в последнюю поэтическую книгу Б.Л. Пастернака, при жизни поэта не изданную.

Методы исследования. При рассмотрении проблематики и поэтики указанных произведений были использованы аналитический и сопоставительный методы изучения произведений.

Основная часть

Стихотворение «Жи́раф», первоначально вошедшее в цикл «Озеро Чад», не имело названия [Н.С. Гумилев: pro et contra, 2000, с. 509; Исрапова 2015, с. 258]. В данном его существовании и размещении оно многократно изучено [Н.С. Гумилев: pro et contra, 2000, с. 287, 313, 466, 509; Баскер, 1996, с. 132–136; Видугирите, 2001; Исрапова, 2015, с. 258–273; Дударева, 2020, с. 100–102]. Исследователи рассматривали проблемы коммуникативной стратегии лирического героя в общении с героиней, а также трактовку темы Африки. В данной статье будет предпринята попытка объединить две указанные проблемы и выделить еще один значимый для стихотворения Гумилева семантический компонент – идею преображения «внешнего» мира в соответствии с эстетическими установками лирического героя.

Произведение представляет собой развернутый монолог лирического героя, обращённый к героине [Баскер, 1996, с. 132–133; Видугирите, 2001;

Исрапова, 2015, с. 259]. Его началом служит краткое описание облика женщины: «Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд, / И руки особенно тонки, колени обняв» [здесь и далее: Гумилев, 1988, с. 103–104]. Этот портрет характеризует адресата-героиню в наблюдаемое время: «сегодня» героиня «особенно» печальна. Поэт вводит наречие, подчеркивающее интенсивность проявления признака, и повторяет его дважды [Баскер, 1996, с. 132]. Одновременно Гумилев актуализирует состояние «печали», свойственное прототипу адресата-героини – А.А. Ахматовой. Лирический герой пытается развлечь возлюбленную рассказом о далекой Африке и о жирафе: «Послушай, далеко, далеко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф».

Рассказ об «изысканном» в своей красоте африканском животном строится на основе традиционных элементов сказочного сюжета: поэтическое повествование начинается с упоминания места действия, в рассказе активно используются повторы [Амроян, 2006, с. 3–5], позже звучит слово «сказка». В стихотворении «Жираф», как и во многих ранних текстах Гумилева, преобладают именно «визуальные» образы [Малкина, 2019, с. 38]. Так, герой-рассказчик стремится описать неведомое героине животное посредством тех представлений, которые героине знакомы. Герой сравнивает жирафа с парусами корабля (подобные «предметные» сравнения обретают особую популярность в поэзии XX века [Девятова, 2022, с. 52–53]), сравнивает «узоры» на шкуре жирафа с пятнами на Луне [Дударева, 2020, с. 100–101], а движения животного – с полетом птицы [Девятова, 2019, с. 349–350]. Автору важна создаваемая модусная атмосфера изящества, стройности, грациозности, неги¹.

Работу Гумилева над языком, проделанную им в стихотворении «Жираф», нетрудно соотнести с чуть более поздними теоретическими изысканиями поэта, изложенными в манифесте «Наследие символизма и акмеизм» (Аполлон. 1913. № 1). Так, исследователь подчеркивала: «Поэт-акмеист уподоблен первому человеку – Адаму, сотворенному Богом из земли <...>. Вматриваясь в предметный мир, “новый Адам” дает вещам “девственные наименованья”, <...> не отягощенные какими бы то ни было предшествующими смыслами. Сам мир открывается его взору в своей первозданности, целостности, многокрасочности» [Грыкалова, 1994, с. 119]. Такого же рода заключения представлены в ряде научных работ [Н.С. Гумилев: pro et contra, 2000, с. 389–393; Эткинд, 1995, с. 465–470; Иванов, 2015, с. 377, 380–383].

Лирический герой Гумилева видит себя носителем «особенных» знаний («Я знаю, что много чудесного видит земля...», «Я знаю веселые сказки таинственных стран»), что перекликается с суждениями поэта-путешественника об оккультных практиках народов Африки, отраженными в первых сборниках его стихов [Богомолов, 2001, с. 473–474]. Именно эти «знания» разводят лирического героя и героиню как адресата его рассуждений в разные стороны.

¹ Определение «изысканный жираф» со временем становится перифрастическим наименованием творчества самого Гумилева, предложенным в статье Р.Н. Иванова-Разумника (1918) [Н.С. Гумилев: pro et contra, 2000, с. 464–466].

По мнению героя, возлюбленная не может или не хочет понять и оценить его мир, мир, которым он так восхищается. Здесь единственный раз в стихотворении возникает противительный союз «но»: «Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман, / Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя». Мотив противостояния двух близких людей будет использоваться и в следующих поэтических книгах Гумилева; особенно важен он в книге «Чужое небо» (1912) [Н.С. Гумилев: pro et contra, 2000, с. 508, 519].

Изяществу создаваемой атмосферы сопутствует печаль. Лирический герой Гумилева осознает, насколько его мир (озеро Чад, жираф, мраморный грот) далек от мира героини (туман и дождь) [Магомедова, 2004, с. 152–153]. Но он отказывается от поиска языка, более понятного возлюбленной, – отказывается от сочинения нового рассказа. Исследователи интерпретируют этот фрагмент текста произведения как пример несостоятельности литературного языка и литературы в целом [Н.С. Гумилев: pro et contra, 2000, с. 287; Баскер, 1996, с. 251], реже – как коммуникативную неудачу двух конкретных героев [Видуирите, 2001; Дударева, 2020, с. 101–102]. Последняя строфа стихотворения обращает читателей к его началу: «Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф». Герой возвращается к истории о жирафе, которую ему легче рассказывать, а героине легче представить и все-таки попытаться понять *Другого*.

Таким образом, стихотворение Гумилёва «Жираф» строится на основе нескольких мотивов: это разговор героя с огорченной женщиной как попытка утешить, развлечь ее, очертив облик *другого* мира, и финальное поражение героя. Герой признается в том, что не может убедительно рассказать обо всем великолепии посещенного им далекого, но реального мира, воспроизведенного средствами романтики.

* * *

Несомненное типологическое сходство обнаруживается у рассмотренного стихотворения Гумилева и стихотворения Пастернака «Без названия». В пользу этого суждения выступает ряд аргументов: монолог лирического героя, обращенный к «присутствующей» рядом возлюбленной; мотивы настойчивости в убеждении и одновременно грусти и печали; лексическая красочность в освещении ситуации разговора; отсылка к сказочным «сюжетам», рождаемая стремлением героя «переназвать» мир в угоду любимой. Примечательно в этой связи, что, по свидетельству Вяч. Вс. Иванова, дружившего с Пастернаком, именно во второй половине 1950-х годов поэт перечитывал сборники Гумилева [Иванов, 2015, с. 101].

Названное произведение Пастернака, как и гумилевский «Жираф», начинается с описания героини. Характер женщины-адресата создается в переключке ее привычной манеры вести себя («Недотрога, тихоня в быту...») и возникшего обновления («Ты сейчас вся огонь, вся горенье») [здесь и ниже: Пастернак, 1989, т. 2, с. 77]. В стремлении сохранить наблюдаемое

преображение возлюбленной герой находит единственный пригодный для этого способ – собственное творчество: «Дай запрю я твою красоту / В темном тереме стихотворенья».

Образ стихотворения-терема актуализирует сказочную проблематику – традиционный для фольклорного жанра мотив, востребованный ранее и Гумилевым. При этом если в сказке злая сила запирает красавицу в тереме, из которого ее освободит добрый молодец [Пропп, 1998, с. 136–138], герой Пастернака, напротив, собирается «запереть» возлюбленную – но лишь с целью сохранить ее истинную духовную природу. Такой творческий прием обнаруживается в литературе еще в начале XX века. Так, в научной практике уже демонстрировалось, как элементы данного «сюжета» использовались А.А. Блоком в «Стихах о Прекрасной Даме» [Магомедова, 2001, с. 102]. В этом «запирании-сохранении» и заключается подвиг лирического героя Пастернака [Жолковский, 2011, с. 83, 315].

Причудливый образ стихотворения-терема возникает в творчестве Пастернака не единожды: это, например, стихотворение «Иней» из цикла «Переделкино» [Фарыно, 1989, с. 200; Жолковский, 2014, с. 118–119]. Данное произведение соотносится с пушкинской «Сказкой о мёртвой царевне», а также с символистской трактовкой этого «сюжета» – с разработкой мотивов сна-смерти и последующего пробуждения-воскресения [Магомедова, 2004, с. 143–144].

Мотив терема в стихотворении «Без названия» примечателен и как значимый элемент в характеристике противоречивой природы героини. Уже в первых строках ее образ создается посредством антитез: «недотрога, тихоня» – и «вся огонь, вся горенье», а герой собирается запереть «огненную» героиню в «темном тереме». Так парадоксально взаимодействуют мотивы света и тьмы, огня и дома. Последний из названных мотивов организуют вторую строфу пастернаковского стихотворения: «Посмотри, как преображена / Огневой кожей абажура / Конура, край стены, край окна, / Наши тени и наши фигуры». Если лирический герой стихотворения Гумилева «Жираф», пытаюсь развлечь любимую, рассказывает ей о далеком мире («далеко, далеко, на озере Чад»), то пастернаковский герой-поэт показывает героине, как может преобразиться обычный, повседневный мир.

Стихотворение «Без названия» написано трехстопным анапестом, и только в начале второй строфы, единственный раз в тексте, пропущено ожидаемое ударение: этот пропуск приходится на слово «преображена», что подчеркивает особую его значимость. Ощущаемая в четверостишии звуковая игра (повторение согласных звуков «ж», «н») также реализует идею преображения.

Наблюдаемая метаморфоза окружающего мира происходит под действием света / огня (нечто похожее происходило и в «Зимней ночи» из тетради Живаго). В стихотворении «Без названия» огненное начало соотносится с образом героини, а значит, она также причастна к процессу преображения.

Следующая строфа пастернаковского стихотворения распадается на две

части: в первой описывается внешний облик героини («Ты с ногами сидишь на тахте, / Под себя их поджав по-турецки»), во второй характеризуется ее внутренний мир («Все равно, на свету, в темноте, / Ты всегда рассуждаешь по-детски»). Если ранее лирический герой указывал на противоречивость героини, то теперь переменчивым представляется мир, а в героине, напротив, подчеркивается целостность натуры: «Ты всегда рассуждаешь по-детски».

В четвертой строфе лирический герой Пастернака фиксирует внешние проявления переживаемых героиней эмоций: «Замечтавшись, ты нижешь на шнур / Горсть на платье скатившихся бусин». Мотив нанизывания бусин связывается с мифологическим сюжетом о нити бытия [Баевский, 1993, с. 39]. В систематике же, например, А.А. Блока мотив бусин развивается при создании образа героини, воплощавшей Душу Мира [Магомедова, 2001, с. 102].

Описание героини в пастернаковском стихотворении «Без названия» («Слишком грустен твой вид...») напоминает начало гумилевского стихотворения «Жираф», и, как у Гумилева, вслед за описанием внешности героини вводится мотив диалога: «Разговор твой прямой безыскусен». Для поэта это развитие мотива «детских» рассуждений, отличающих героиню: в поэтическом универсуме Пастернака с категорией детства всегда связываются представления о чистоте и некоем истинном знании [Иванов, 2015, с. 259–274].

Далее пастернаковский лирический герой «пересказывает» размышления героини и соглашается с ней: «Пошло слово любовь, ты права». Эта «цитируемая» лирическим героем мысль – своеобразная парафраза первой строки сделанного Пастернаком в 1934 году перевода стихотворения П. Шелли «К...»: «Опошлено слово одно / И стало рутиной. /... Любви я в ответ не прошу, / Но тем беззаветней / По-прежнему произношу / Обет долголетний» [Пастернак, 1989, т. 2, с. 322–323]. Отмеченный вопрос о специфике пастернаковских переводов Шелли поднимался и ранее [Сергеева-Клятис, 2005, с. 34].

Мысль о «пошлости» слова «любовь», принадлежащая в стихотворении «Без названия» героине, заставляет лирического героя задуматься о возможности полного переназывания мира: «Пошло слово любовь, ты права. / Я придумаю кличку иную. / Для тебя я весь мир, все слова, / Если хочешь, переименую». Так тема преобразования, намеченная в начале стихотворения посредством мотива изменяющего мир света («Посмотри, как преображена / Огневой кожурой абажура...»), достигает своего апогея в финале: во имя любимой герой-поэт готов переименовать весь мир, т. е. готов преобразить его.

Мотив переименования мира ради возлюбленной имплицитно присутствует и в гумилевском стихотворении «Жираф», когда для характеристики животного предложен эпитет «изысканный», чтобы экзотический мир стал более понятным для избранницы. В стихотворении же Пастернака миры любящей пары не противопоставлены: герой Пастернака собирается переименовать все элементы мироздания, чтобы вернуть ему его истинный облик.

Идея переименования присутствует уже в парадоксальной заглавии пастернаковского стихотворения – «Без названия». Тем самым поэт подчеркивает, что ни одна вещь в мире ещё не обрела истинного имени, герой лишь собирается «назвать» мир. Стремление к «переназыванию» мира как к его обновлению / пересозданию было свойственно всем модернистским литературным течениям начала XX века, а особенно – поэтам-футуристам. Для Пастернака это органичная практика, поскольку в начале своего литературной пути, выбирая его между символизмом и футуризмом, поэт дебютировал в составе футуристической группы «Центрифуга» [Иванов, 2015, с. 379–380, 442–483; Казмирчук, 2022, с. 50]. Показательно, что спустя годы творческие дороги вновь привели Пастернака к идеям обновления языка и обновления мира. В частности, тема преображения становится ведущей в книге «Когда разгуляется», а стихотворение «Без названия» – это один из первых текстов данного сборника.

Но для того чтобы мир обрёл свой подлинный облик, таковой нужно отыскать героине в самой себе: «Разве хмурый твой вид передаст / Чувств твоих рудоносную залежь, / Сердца тайно светящийся пласт? / Ну так что же глаза ты печалишь?». Образ женщины по-прежнему связан со светом, а состояние печали, в котором она пребывает, противоречит ее природе и должно быть преодолено. Такой склад художественного мировосприятия был отражен еще в опыте поэтов-символистов, своеобразно переосмысливших учение В. Соловьева, – например, в поисках А.А. Блоком Души Мира, изменившейся в результате соприкосновения с земным началом [Магомедова, 2001, с. 94–100; Геймбух, 2011, с. 52].

Выводы

Стихотворения Гумилёва «Жираф» и Пастернака «Без названия» сближает условно-поэтическая «сюжетность»: во взаимоотношениях со своими избранницами лирические герои предпринимают все усилия, чтобы расширить жизненное пространство своих возлюбленных. Это стремление направить своих подруг к активному движению в освоении мира, прочь от психологической закрытости, печали и грусти, предполагает, в сознании поэтических субъектов, позитивные трансформации всего сущего. Сами же лирические герои Гумилева и Пастернака – носители неординарного опыта: первый – дерзновенный странник, путешествующий по дальним странам, второй – поэт.

Вместе с тем типологическая близость двух лирических героев не подразумевает отсутствия неповторимости в «них» диалоговых стратегиях. Так, «действующее лицо» пастернаковского стихотворения демонстрирует большую успешность в достижении целей разговора с любимой женщиной: герой сумел объяснить ей необходимость преображения, поскольку видит в этом пути к гармонизации мироздания. Иными словами, в художественном

универсуме Пастернака не только герой-поэт, но и героиня способны преображать мир (хотя сам момент преображения отнесен в область будущего). Герой же Гумилева не смог увлечь любимую красотой экзотических миров и тем самым приобщить к «миропреобразующим» действиям. Опираясь на проведенный анализ, рискнем предположить, что Пастернак учитывал художественный опыт гумилевского стихотворения «Жираф», создавая свою – «альтернативную» – версию разговора с любимой.

Отмеченные нами различия в трактовке Гумилевым и Пастернаком взаимоотношений мужчины и женщины и проблем преображения мира свидетельствуют о том, насколько своеобразными были предложенные этими поэтами варианты осмысления универсальных архетипических тем. При этом нельзя не отметить, что в стихотворениях Гумилева и Пастернака ярко реализованы художественные парадигмы, сформировавшиеся в границах модернистских поэтических направлений символизма, акмеизма и футуризма.

Источники

- Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1988. 632 с.
Ивинская О.В. Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. М.: Либрис, 1992. 464 с.
Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. 703 с.

Литература

- Амроян И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 48 с.
Баевский В.С. Б. Пастернак-лирик: Основы поэтической системы. Смоленск: Траст-Имаком, 1993. 238 с.
Баскер М. «Далекое озеро Чад» Николая Гумилёва (к эволюции акмеистической поэтики) // Гумилёвские чтения: Материалы международной конференции филологов-славистов. СПб.: Изд-во гуманитарного университета профсоюзов, 1996. С. 125–137.
Богомолов Н.А. Николай Гумилев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 2. М.: Наследие, 2001. С. 466–500.
Видуирите И. Стихотворение «Жираф» и африканская тема Н. Гумилева [Электронный ресурс, 2001] // Николай Гумилев. URL: <https://gumilev.ru/about/50/> (дата входа: 19.01.2024).
Геймбух Е.Ю. Мост в вечность: о цикле А. Блока «О чем поет ветер» // Русский язык в школе. 2011. № 8. С. 52–56.
Грякалова Н.Ю. Н.С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. С. 112–120.

Девятова Н.М. Предметный мир сравнения // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 2 (46). С. 48–58.

Девятова Н.М. Птица как образ русского сравнения // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Колл. монография. М.: Книгодел; МГПУ, 2019. С. 349–354.

Дударева М.А. Апофатика русского языка и культуры в творчестве Н.С. Гумилева (на примере стихотворения «Жираф») // Наследие веков. 2020. № 1. С. 98–104.

Жолковский А.К. Поэтика за чайным столом и другие разборы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 824 с.

Жолковский А.К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 608 с.

Иванов Вяч. Вс. Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. М.: Азбуковник, 2015. 696 с.

Исрапова Ф.Х. Металирика в смене художественных парадигм: монография. М.: Буки Веди, 2015. 298 с.

Казмирчук О.Ю. Стихотворение Б.Л. Пастернака «На пароходе» в контексте символистской и футуристической поэтики // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4 (48). С. 49–58.

Магомедова Д.М. Александр Блок // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 2. М.: Наследие, 2001. С. 89–143.

Магомедова Д.М. Филологический анализ лирического стихотворения. М.: Академия, 2004. 192 с.

Малкина В.Я. Типология лирических субъектов // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 20–31.

Малкина В.Я. Фантастическое в ранних стихотворениях Н.С. Гумилева // Динамическая поэтика / Поэтическая динамика: сб. ст. к юбилею Дины Махмудовны Магомедовой. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 30–39.

Н.С. Гумилев: pro et contra: Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. 2-е изд. СПб.: РХГИ, 2000. 671 с.

Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.

Сергеева-Клятис А. Искусство перевода: Борис Пастернак // Литература. 2005. № 13. С. 34–37.

Фарыно Е. Поэтика Пастернака («Путевые записки» – «Охранная грамота»). Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1989. 446 с.

Эткинд Е.Г. Кризис символизма и акмеизм // История русской литературы. XX век. Серебряный век. М.: Прогресс-Литера, 1995. С. 460–487.

References

Sources

Gumilyov N.S. *Stihotvorenija i poemy* [Poems and Poems]. L.: *Sovetsky pisatel* Publishing House, 1988. 632 p.

Ivinskaya O.V. *Gody s Borisom Pasternakom: V plenu vremeni* [Years with Boris Pasternak: Captive to Time]. M.: *Libris* Press, 1992. 464 p.

Pasternak B.L. *Sobr. coch.: v 5 tt.* [Collected Works: in 5 vols]. M.: Art Literature Publishing House, 1989. V. 2. 703 p.

Literature

Amroyan I.F. *Povtor v strukture folklornogo teksta (na materiale russkih bolgarskih i cheshskih skazochnih i zagovornih tekstov): avtoref. dis. ... d-r filol. nauk* [Repetition in the Structure of Folklore Text (Based on Russian, Bulgarian and Czech Fairy Tale and Spell Texts): abstract of dis. ... Doctor of Philological Sciences]. M., 2006. 48 p.

Baevsky V.S. *B. Pasternak-lirik: Osnovi poeticheskoi sistemi* [B. Pasternak as the Lyricist: Fundamentals of the Poetic System]. Smolensk: *Trast-Imakom* Press, 1993. 238 p.

Basker M. «*Dalekoe ozero Chad*» Nikolaya Gumileva (*k evolyucii akmeisticheskoi poetiki*) [“Distant Lake Chad” by Nikolay Gumilyov (towards the Evolution of Acmeistic Poetics)] // *Gumilevskie chteniya: Materiali mejdunar. konferencii filologov_slavistov* [Gumilyov Readings: Proceedings of the International Conference of Slavic Philologists]. SPb.: Humanitarian University of Trade Unions Press, 1996. Pp. 125–137.

Bogomolov N.A. *Nikolai Gumilev* [Nikolay Gumilyov] // *Russkaya literatura rubeja vekov (1890-e – nachalo 1920-h godov). Kniga 2* [Russian Literature of the Turn of the Century (1890s – Early 1920s). Book 2]. M.: *Nasledie* Publishing House, 2001. Pp. 466–500.

Vidugirite I. *Stihotvorenje «Jiraf» i afrikanskaya tema N. Gumileva* [*Elektronnii resurs, 2001*] [The Poem “Giraffe” and N. Gumilyov’s African Theme [Electronic Resource, 2001]] // *Nikolai Gumilev* [Nikolay Gumilyov] // URL: <https://gumilev.ru/about/50/> (accessed: 19.01.2024).

Geimbukh E.Yu. *Most v vechnost: o cikle A. Bloka «O chem poet veter»* [Bridge to Eternity: about A. Blok’s Cycle “What the Wind Sings About”] // *Russian Language at School*. 2011. № 8. Pp. 52–56.

Gryakalova N.Yu. N.S. *Gumilev i problemi esteticheskogo samoopredeleniya akmeizma* [Gumilev and the Problems of Aesthetic Self-Determination of Acmeism] // *Nikolai Gumilev: Issledovaniya i materialy. Bibliografiya* [Nikolay Gumilyov: Research and Materials. Bibliography]. SPb.: *Nauka* Publishing House, 1994. Pp. 112–120.

Devyatova N.M. *Predmetnii mir sravneniya* [The Object World of Comparison]

// *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazika. Yazikovoe obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]. 2022. № 2 (46). Pp. 48–58.

Devyatova N.M. *Ptica kak obraz russkogo sravneniya* [Bird as an Image of Russian Comparison] // *Ptica kak obraz, simvol, koncept v literature, kulture i yazike: Kollektivnaya monografiya* [Bird as an Image, Symbol, Concept in Literature, Culture, and Language: Coll. monograph]. M.: Knigodel Press; Moscow City University Press, 2019. Pp. 349–354.

Dudareva M.A. *Apofatika russkogo yazika i kulturi v tvorchestve N.S. Gumileva (na primere stihotvoreniya «Jiraf»)* [Apophatics of the Russian Language and Culture in the Works of N.S. Gumilyov (on the Example of the Poem “Giraffe”)] // *Nasledie vekov* [Heritage of the Centuries]. 2020. № 1. Pp. 98–104.

Zholkovsky A.K. *Poetika za chainim stolom i drugie razbori* [Poetics at the Tea Table and Other Analyses]. M.: New Literary Review Press, 2014. 824 p.

Zholkovsky A.K. *Poetica Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty* [Pasternak’s Poetics: Invariants, Structures, Intertexts]. M.: New Literary Review Press, 2011. 608 p.

Ivanov Vyach. Vs. *Pasternak. Vospominaniya. Issledovaniya. Stati* [Pasternak. Memories. Research. Articles]. M.: Azbukovnik Press, 2015. 696 p.

Israpova F.Kh. *Metalirika v smene hudojstvennih paradigm: monografiya* [Meta-lyrics in the Shift of Artistic Paradigms: Monograph]. M.: Buki Vedi Press, 2015. 298 p.

Kazmirchuk O.Yu. *Stihotvorenie B.L. Pasternaka «Na parohode» v kontekste simvolistskoj i futuristicheskoy poetiki* [B.L. Pasternak’s Poem “On a Steamboat” in the Context of Symbolist and Futuristic Poetics] // *Vestnik MCU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]. 2022. № 4 (48). Pp. 49–58.

Magomedova D.M. *Aleksandr Blok* [Alexander Blok] // *Russkaya literature rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-h godov). Kniga 2* [Russian Literature at the Turn of the Century (1890s – Early 1920s). Book 2]. M.: Nasledie Publishing House, 2001. Pp. 89–143.

Magomedova D.M. *Filologicheskii analiz liricheskogo stihotvoreniya* [Philological Analysis of Lyric Poetry]. M.: Academy Publishing House, 2004. 192 p.

Malkina V.Ya. *Tipologiya liricheskikh subektov* [Typology of Lyrical Subjects] // *Novii filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin]. 2023. № 4 (67). Pp. 20–31.

Malkina V.Ya. *Fantasticheskoe vrannih stihotvorenyiah N.S. Gumileva* [Fantastic in the Early Poems of N.S. Gumilyov] // *Dinamicheskaya poetika / Poeticheskaya dinamika: sbornik statej k yubileyu D.M. Magomedovoj* [Dynamic Poetics / Poetic Dynamics: Collection of Articles for the Anniversary of D.M. Magomedova]. M.: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Press, 2019. Pp. 30–39.

N.S. Gumilyov: pro et contra: Lichnost’ i tvorchestvo Nikolaya Gumileva

v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej: antologia [N.S. Gumilyov: Pro et Contra: The Personality and Work of Nikolay Gumilyov in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers: Anthology]. 2nd ed. SPb.: Russian Christian Humanitarian Institute Press, 2000. 671 p.

Propp V.Ya. *Morfologiya <volshebnoj> skazki. Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Morphology of the <Magic> Fairy Tale. Historical Roots of the Magic Fairy Tale]. M.: Labyrinth Press, 1998. 512 p.

Sergeeva-Klyatis A. *Iskusstvo perevoda: Boris Pasternak* [The Art of Translation: Boris Pasternak] // *Literatura* [Literature]. 2005. № 13. Pp. 34–37.

Faryno E. *Poetika Pasternaka («Putevye zapiski» – «Ohrannaya gramota»)* [Pasternak's Poetics (“Travel Notes” – “Safe Conduct”)]. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1989. 446 p.

Etkind E.G. *Krizis simvolizma i akmeizm* [The Crisis of Symbolism and Acmeism] // *Istoriya russkoj literatury. XX vek. Serebryanyj vek* [History of Russian Literature. 20th Century. Silver Age]. M.: Progress-Litera Press, 1995. Pp. 460–487.

Сведения об авторе

Казмирчук Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук; доцент департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: лирика Б.Л. Пастернака.

Information about the Author

Olga Yu. Kazmirchuk – PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: lyrics by B.L. Pasternak.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Научно-практическая статья

УДК 821.161.1-31"18"

DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-78-100

ЗНАКИ РОДИТЕЛЬСКОГО БЛАГОСЛОВЕНИЯ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» И В «СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКЕ» С.Т. АКСАКОВА

Гребенщиков Юрий Юрьевич

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
grebenshchikovyu@mgpu.ru, AuthorID: 974684, <https://orcid.org/0009-0003-1770-7088>

Аннотация. Центром исследовательского внимания в статье является сравнительно-сопоставительный анализ проблемы родительского благословения в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» и в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова. Утверждается духовная и тематическая близость в позициях писателей и обосновывается разница их творческих дискурсов. Произведения рассмотрены в свете отражения в работе авторов общепринятых форм эпохи в волеизъявлении со стороны старшего поколения семьи. Сделан вывод о своеобразии в подходе писателей к осмыслению института отеческого (отцовского и материнского) долга и ответных движений молодых людей как национального культурного кода. Если Тургенев ориентирован на эвристический творческий поиск экзистенциальных основ человеческой индивидуальности, явленной в образе, то Аксаков остаётся верен бытописательской традиции и этнографически точно запечатлевает особенности традиций.

Ключевые слова: знаки родительского благословения, семья, деталь, дискурс, образ, культурный код.

Для цитирования: Гребенщиков Ю.Ю. Знаки родительского благословения в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» и в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 78–100. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-78-100.

Original scientific and practical article

SIGNS OF PARENTAL BLESSING IN I.S. TURGENEV'S NOVEL "THE NOBLE NEST" AND IN S.T. AKSAKOV'S "THE FAMILY CHRONICLE"

Yuriy Yu. Grebenshchikov

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

grebenshchikovyu@mgpu.ru, AuthorID: 974684, <https://orcid.org/0009-0003-1770-7088>

Abstract. The focus of the research in the article is the comparative analysis of the problem of parental blessing in I.S. Turgenev's novel "The Noble Nest" and in S.T. Aksakov's "The Family Chronicle". The spiritual and thematic closeness in the positions of the writers is asserted and the difference in their creative discourses is substantiated. The works are examined in light of the reflection in the authors' work of the generally accepted forms of the era in the expression of will on the part of the older generation of the family. The conclusion is made about the uniqueness of the writers' approach to understanding the institution of paternal (fatherly and motherly) duty and the response movements of young people as a national cultural code. If Turgenev is oriented towards a heuristic creative search for the existential foundations of human individuality, revealed in the image, then Aksakov remains true to the tradition of writing about everyday life and ethnographically accurately captures the peculiarities of traditions.

Keywords: signs of parental blessing, family, detail, discourse, image, cultural code.

For citation: Grebenshchikov Yu.Yu. Signs of Parental Blessing in I.S. Turgenev's Novel "The Noble Nest" and in S.T. Aksakov's "The Family Chronicle" // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2024. Pp. 78–100. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-78-100.

© Гребенщиков Ю.Ю., 2024

*Посвящается моим родителям
Юрию Викторовичу и Ольге Леонидовне Гребенщиковым*

Введение

Систематика компаративных изысканий в поле личных и творческих контактов И.С. Тургенева и С.Т. Аксакова мало разработана – до сих пор это лишь отдельные специальные статьи и значимые фрагменты монографических трудов, обращенные в подавляющем большинстве к охотничьей практике, выразившейся в литературных произведениях писателей конца 1840-х – 1850-х годов. Необходимость сравнительно-сопоставительного рассмотрения «охотничьей трилогии» Аксакова [Машинский, 1973, с. 350], включающей в себя «Записки об уженье рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской

губернии» (1852), «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855), и цикла Тургенева «Записки охотника» (1852) была заявлена ещё в середине XIX века [Люди, с их взаимными..., 1912]. Однако последовательное изучение указанного материала в отечественной науке началось лишь в последние десятилетия XX – начале XXI веков и продолжается сегодня [Фатеев, 1987; Никитина, 2005; Гуминский, 2016; Борисова, 2018]. В зарубежной практике следует выделить работу английского исследователя Т. Ходжа, обращенную с позиций экокритицизма к вопросу о литературных и охотничьих взаимосвязях Тургенева и Аксакова [Ходж, 2022]. Активно в последние годы разрабатывается тема личных и творческих контактов писателей [Лоскутникова, 2024].

Одной из проблем в сравнительном изучении авторских индивидуальностей Тургенева и Аксакова остается тема семьи и рода, представленная писателями в произведениях 1850-х годов. В конце прошлого столетия на «глубокий и содержательный» характер тургеневско-аксаковских связей тезисно указала Н.Н. Халфина, отметив сближающие писателей исторические «формы мышления», их устремленность «к разгадке внутренних процессов исторической жизни», не искаженную «какой-либо предвзятой идеей», поскольку каждый из авторов «все силы своего таланта положил на воссоздание родословной русского общества, родословного древа, растущего на почве русской действительности, с ветвями-поколениями, уходящими от отцов» [Халфина, 1991, с. 39, 40].

Цель данной статьи состоит в расширении исследовательской базы в ракурсе изучения авторской телеологии при обращении писателей к социально-историческим фактам современной им русской жизни. *Конкретика задач* заключается в освещении тематической близости произведений Тургенева и Аксакова, в которых осмысливается феномен семьи в одном из его репрезентативных аспектов – знаках родительского благословения, а также, вместе с тем, в выявлении разницы в творческой работе авторов с литературной деталью. *Материалом* анализа являются роман Тургенева «Дворянское гнездо» (1859) и «Семейная хроника» (1856) Аксакова, в которых темы семьи и памяти рода в самоидентификации человека вынесены авторами в заглавие произведений [Николаева, 2004; Лоскутникова, 2016]. В понимании детали и знака, в том числе его аллегорического и символического планов, данная работа солидаризируется с теоретическими исследованиями начала XXI века [Лоскутникова, 2007, 2024]. *Методологическими основами* в работе стали принципы типологического и культурно-исторического анализа литературного материала.

Основная часть

1. Знаки родительского благословения в русской культуре

В русском мире представление о сакральной ответственности человека перед *родом* (и перед Богом) сформировано в обрядности славянской традиционной и православной христианской культур и развито в контрадикторности понятий

о покорности родительской воле и об отступничестве от неё как о результате сыновнего непослушания, а также нарушения клятвы. В философско-аксиологическом ключе такое понимание благословения учитывает особую связь поколений как необходимый критерий в самоидентификации личности как носителя традиции и как субъекта транзитивного выбора, чьи ценности и действия могут определяться прошлым семьи и определяют ее будущее. Укоренение феномена связано с воспроизведением в бытовых практиках ритуала божественного благословения, воплощающего «христианское чувство семьи» [Аверинцев, 2005, с. 297].

Исследователи отмечают, что «благословение, являясь в первую очередь молитвенным обращением, может выполнять в речевом этикете функции разрешения и благодарности» [Кузнецова, 2008, с. 18], и этот факт первостепенен в историко-культурной традиции. Переход в новый социальный статус (прежде всего – женитьба), стратегический выбор жизненных путей, разного рода начинания и завершение дел, как и судьбоносные деяния и регулярные действия, вплоть до исполнения повседневных хозяйственных работ, требовали разрешения со стороны старшего в роду. В координатах бытийного равновесия родительское волеизъявление (как благословение, так и проклятие) является выражением субстанциальных норм мироустройства.

Родительское благословение как особая грань русской культуры и уставная реалья в жизни семьи в последней четверти XVIII – начала XIX века осуществляется в своём знаковом выражении:

- как перформативный речевой акт (слова «благословляю» / «будь благословен» и «проклинаяю» / «будь проклят» в устной и письменной речи);
- как жест крестного знаменья родителя (призыв воздействия Божьей воли на сына / дочь);
- как прикосновение – объятия, поцелуй (что издревле связано у славян «с демонстрацией, закреплением идеи связывания, целостности членов семьи, рода, общины» [Григорьев, Орлова, 2017, с. 159]); при этом в ритуальной практике благословения частотны обоюдный тоекратный поцелуй и поцелуй руки, рукопожатие и возложение руки (рук);
- как включение в ритуал благословения вещной атрибутики (чаще – церковной: иконы, креста, ладанки и других) с возможным последующим их дарением (вручением, передачей).

Этикетная и этноконфессиональная данность традиции родительского благословения как знака эпохи, выраженного в слове, действии и артефактах, не могла не отобразиться и в русской литературе и должна стать особой сферой для литературно-культурологических изысканий. Однако исследования, в которых внимание сосредоточено на данных фактах культуры, включая их индивидуально-авторскую разработку в литературе, малочисленны: это работы, обращенные преимущественно к обнаружению христианских традиций и поиску сакрально-онтологического смысла в романном наследии

Ф.М. Достоевского [Флегентова, 2011; Мосалева, 2021]. Вектор изысканий, продуктивный для изучения вопросов поэтики, поддержан единичными статьями в достоевистике [Ван, 2024] и в тургенеvedении [Дубинина, 2024].

2. Тематическая близость дискурсов Тургенева и Аксакова и их авторское своеобразие

Роман «Дворянское гнездо» Тургенева и «Семейная хроника» Аксакова стали на творческом пути их авторов, прежде всего в их собственном понимании, поворотными.

Для молодого Тургенева, находившегося в поисках «новой манеры» и долгое время сомневавшегося в жанровом определении романа «Рудин» (1856), называемого автором «большой повестью», роман «Дворянское гнездо» подтвердил верность его творческих решений, возможность утвердиться в освоении крупной эпической формы. Обретаемая внутренняя уверенность в себе была усилена сторонней оценкой. Осмысляя свое творчество в конце жизненного пути, писатель утверждал в предисловии к собранию сочинений 1880 года: «"Дворянское гнездо" имело самый большой успех, который когда-либо выпал мне на долю. Со времени появления этого романа я стал считаться в числе писателей, заслуживающих внимание публики» [Тургенев, 1982, с. 391].

Для умудренного же жизненным опытом Аксакова, авторитетного литературного, прежде всего театрального, критика, активного участника литературного процесса, сотрудника литературных журналов, его «Семейная хроника», состоявшаяся как значительное и целостное произведение, явилась доказательством действительности его таланта на поприще сочинителя. В письме к одному из своих приятелей, профессору М.А. Максимовичу, он признавался: «Успех моей книги ["Семейная хроника"] удивил меня. Вы знаете, что мое самолюбие незаносчиво, и оно остается таким, несмотря на все печатные, письменные и словесные похвалы, которые иногда доходят до нелепостей. Я всегда знал, что у меня есть дарование, и говаривал, что я потому не пишу, что некому меня заставить писать; и меня заставили писать полуслепота и деревня. Я прожил жизнь, сохранил теплоту и живость воображения, и вот отчего обыкновенный талант производит необыкновенное действие» [Пономарев, 1883, с. 838–839]. Вместе с долей самоиронии в словах Аксакова звучит его убежденность в том, что он может и будет работать как художник слова. О процессе создания книги «Детские годы Багрова внука» он скажет: «это *должно* быть (хорошо, если *будет*) художественным воспроизведением моих детских лет» [Пономарев, 1883, с. 840].

Целенаправленность усилий Тургенева на пути к статусу романиста и осознанное движение Аксакова к художественному мировидению сопровождалось их взаимно заинтересованными личными контактами и искренней радостью по поводу творческих успехов одного и другого.

Пристальное внимание Аксакова к достоверности в манере письма

Тургенева, в состоятельности создаваемых им как художником характеров прослеживается в их эпистолярном диалоге. Это, в частности, суждения Аксакова о повести «Постоялый двор» в письме, работа над которым продолжалась с 9 по 11 марта 1853 года [Аксаков..., 1853]. Кристально честная и бережно-осмотрительная работа профессионального театрального и литературного критика, мотивированная дружеским чувством, была с благодарностью встречена Тургеневым. Общение Тургенева со старшим современником ответно откликлось в нем вниманием к литературным штудиям Аксакова и активной поддержкой его творчеству. Такая обоюдная симпатия Тургенева и Аксакова – свидетельство не только теплых человеческих отношений, но и близости в миропонимании.

Вместе с тем известно резкое неприятие Тургеневым интерпретаций его произведений сквозь призму славянофильства, чем отличались взгляды сыновей Аксакова – Константина и Ивана. Тургенев радовался оценке того же материала Аксаковым-отцом, обратившим особое внимание на постановку *русского вопроса*. В частности, Аксаков писал об *объективности* Тургенева в разработке русских типов, что «обличает строгость, чистоту убеждения и зрелость таланта»: «это – русские люди, русская драма жизни, некрасивая по внешности, но потрясающая душу, изображенная русским талантом» [Аксаков..., 1853, лист 21].

В свою очередь Тургенев восторженно отозвался о «Семейной хронике», подчеркивая общенациональную значимость аксаковского произведения. В письме к Аксакову от 22 января (3 февраля) 1856 года он послал адресату свой «глубокий поклон» и заключил: «искреннее спасибо Вам от моего лица и от лица всех *Русских* читателей за издание Вашей книги, которой я зачитываюсь теперь всласть <...>. Вот он настоящий тон и стиль – вот *Русская* жизнь, вот задатки будущего *Русского* романа» [Тургенев, 1987, Письма, т. 3, с. 79] (Здесь и далее курсив мой. – Ю.Г.).

Иными словами, *русский вопрос*, неизменно актуальный в каждом из шести романов Тургенева, особенно отчетливо – как вопрос о жизнеустройстве человека на Родине – звучит в романе «Дворянское гнездо», предлагающем читателям «первые, простые и красивые социальные решения, выраженные эстетически» [Беляева, 2018, с. 158]. Аксаков же был для Тургенева одним из тех, чье мнение о своем новом романе он хотел бы знать. Получив в январе 1859 года первый оттиск произведения, Тургенев почти сразу отправляет его с письмом к А.А. Фету, дополнительно указывая: «Тотчас по прочтении прошу передать экземпляры Аксаковым, с прилагаемым письмецом к Сергею Тимофеевичу» [Тургенев, 1987, Письма, т. 4, с. 10]. Но год выхода в свет произведения Тургенева стал годом смерти Аксакова, и свидетельств о том, прочел ли он роман, не сохранилось. Однако нельзя не согласиться с тем, что «эпическая широта и зрелость мысли, обостренное внимание к особенностям русского национального характера в “Дворянском гнезде” были, безусловно, и плодом дружеских отношений Тургенева с Аксаковым» [Никитина, 1986, с. 18].

Разумная широта духовно-нравственных и общественно-гражданских позиций Тургенева и Аксакова и их последовательный интерес к общенациональным вопросам создают единое смысловое поле для сравнительно-сопоставительного анализа произведений этих писателей. Тематически роман «Дворянское гнездо» и «Семейную хронику» объединяет авторская установка на воссоздание индивидуальной жизни человека в ее соотнесенности с историей его рода в конкретно-исторических условиях. В силу этого одной из ключевых проблем при компаративном рассмотрении произведений является возникновение, развитие и существование уклада семейной жизни, отражающего исторические перемены. Поскольку в ряду константных данностей русского мира авторами выделены сакральность семейных уз и практики родительского благословения, актуально исследование того, что тревожным «симптомом» эпохи как в романе Тургенева, так и в хронике Аксакова становится нарушение родительского благословения, или снижение отзывчивости детей к его санкционирующей силе.

Избирая схожую по факту тематику в творческом постижении исторической действительности, писатели выступали в различных дискурсах [Тюпа, 2011]. Внимание Тургенева сосредоточено на романном герое в его становлении и развитии; целевая установка писателя заключается в стремлении запечатлеть в повествовании, как признавался сам автор в предисловии к своим романам, «то, что Шекспир называет: “the body and pressure of time”» [Тургенев, 1982, с. 390] и образно отразить идейно-эмоциональные и субстанциальные грани мира. Аксаков же обращен к сфере этоса («нравов» и «характеров» [Лосев, 2000, с. 575]) последней трети XVIII века. Ориентируясь на задачу передать читателю фрагменты памятных впечатлений как «показания очевидца» [Машинский, 1973, с. 320], Аксаков освещает события и судьбы как бытописатель, следуя в русле дескриптивного освоения реальности.

Таким образом, знаки родительского благословения в романе Тургенева «Дворянское гнездо» и в «Семейной хронике» Аксакова обнаруживают себя, в первую очередь, как историко-культурные факты общественного сознания России XVIII – начала XIX веков. Оба автора демонстрируют глубокое понимание родовых отношений и значимости родительского благословения в мироустройстве семьи, в первую очередь (но не единственно) дворянской: от иницилирующих, разрешительных, извиняющих и благодарственных пожеланий старших родственников – до запретительных, в крайне форме высказанных ими как проклятие.

Писатели достоверно и последовательно воспроизводят схожие типичные жизненные ситуации, обязательно отмеченные знаками родительского благословения. Это просьбы сыновей Ивана Лаврецкого и Алексея Багрова о родительском благословении на женитьбу; письма отцов Петра Лаврецкого и Степана Багрова с благословениями своих детей; прощание родственников, находящихся на смертном одре, – просьбы к главе рода об изменении его воли

из уст тяжело больной Анны Павловны Лаврецкой и «мнимо-умирающей» старухи Бактеевой [Аксаков, 1966, с. 92]. Это также особый процесс вхождения в семью мужа-дворянина молодой жены из иного сословия и принятие невесткой благословения свекра, а, кроме того, своеобразное отлучение представителя рода от семьи, выраженное в проклятиях, наложенных тёткой Глафирой Петровной Лаврецкой на племянника Фёдора Лаврецкого в романе «Дворянское гнездо» и стариком Тевкелевым на дочь Сальме в «Семейной хронике».

Однако при рассмотрении позиционного распределения указанных знаков в произведениях на уровне структуры и при функционально-семантическом и стилистическом их анализе как литературных деталей становится заметной *разница авторских заданий* и открывается возможность для спецификации творческой работы Тургенева и Аксакова.

3. Идеино-символическая разработка

знаков родительского благословения в романе «Дворянское гнездо»

В тургеневском произведении знаки родительского благословения локализованы прежде всего в экспозиционной предыстории Федора Ивановича Лаврецкого, повествующей в том числе о нескольких поколениях его семьи, начиная с прадеда Андрея Афанасьевича Лаврецкого. В дальнейшем на этапах развертывания основного действия романа и в его постпозиции знаки родительского благословения вводятся писателем предельно дозированно. Они становятся смысловыми акцентами в судьбах центральных героев – Федора Лаврецкого и Лизы Калитиной, высвечивая символические горизонты образов.

Одним из романых знаков родительского благословения, понимаемого наиболее обобщенно – как благословение Отца Небесного, является ладанка, принадлежащая Андрею Афанасьевичу Лаврецкому. Будучи артефактом религиозной сферы, ладанка традиционно исполняет роль оберега и обуславливает молитвенную устремленность человека к Богу. В тургеневском же произведении она, сверх того, выступает как свидетельство божественного покровительства и благословения, актуализируя проблему неограниченности барской воли, санкционированной свыше, и играет роль идейного фокуса, сводя необходимые автору смыслы в сознании главного героя.

Ввод детали, осуществленный в XXI главе, последовательно подготовлен рядом сведений об Андрее Афанасьевиче Лаврецком, начиная с VIII главы и слов повествователя, непосредственно адресованных условному читателю. Движение авторской мысли Тургенева исходит из эпитета [Лоскутникова, 2018]: прадед героя охарактеризован как «человек *жестокый, дерзкий, умный и лукавый*», и эта характеристика развивается в речевой фигуре сравнения: Андрей Афанасьевич был «*богаче и замечательнее всех Лаврецких*» [Тургенев, 1981, с. 28–29]. Далее повествователь, избегая оценочности, обращается к сохранившимся в людской памяти впечатлениям о хтонических

по своей природе индивидуальных качествах Андрея Афанасьевича Лаврецкого и из ряда вон выходящих крайностях в его нравственных ориентирах: «до нынешнего дня не умолкла молва об его самоуправстве, о бешеном его нраве, безумной щедрости и алчности неутолимой» [Тургенев, 1981, с. 29]. В этом свидетельстве персонаж охарактеризован с помощью как прямых темпоральных указаний, так и приемов, отчасти стилизующих народнопоэтическую речь (высокой лексики – *молва, нрав, щедрость, алчность*; олицетворяющей метафоры – *молва не умолкла*; эпитетов с компонентами метафорической семантики – *бешеный нрав, безумная щедрость, неутолимая алчность*), и синтаксической инверсии. Как отзвук семейного предания в VI главе звучит мысль, промелькнувшая во внутренней речи Фёдора Ивановича Лаврецкого, вспомнившего о предке в момент тяжёлых раздумий о мести изменнице-жене и её любовнику: «прадед мой мужиков за ребра вешал» [Тургенев, 1981, с. 53]. Так в субъектно-персонажные представления о необыкновенной человеческой натуре Тургеневым внесены темы жестокости и страха: это акцент, необходимый писателю для дальнейшей разработки характера главного героя в понимании им совести и нравственного долга.

Выделенный комплекс черт Андрея Афанасьевича Лаврецкого подвергается точечной акцентировке с помощью названного знака родительского благословения в XXI главе романа. Бóльшая её часть посвящена соприкосновению Фёдора Ивановича Лаврецкого с легендарным наследием рода, сохраненным в его имении Васильевское и в памяти старого слуги Антона. Рассказывая молодому барину о прежнем хозяине, Антон в своих речах соединяет утверждение абсолютной власти крепостника («барин был, что и говорить – и старшего над собой не знал») и указание на некий атрибут благословения («потому была, доложу вам, у вашего прадедушки чудная така ладанка») [Тургенев, 1981, с. 67]. Тургенев использует грамматические просторечия и активизирует в слове «потому» семантику *следствия* и *причины*, заостря идейно-этический аспект в восприятии главным героем фигуры прадеда.

Так, по словам слуги, обращенным к Федору Лаврецкому, ладанка была подарена Андрею Афанасьевичу Лаврецкому монахом «с Афонской горы» с напутствием: «за твое, боярин, радушие сие тебе дарю; носи – и суда не бойся» [Тургенев, 1981, с. 67]. Контекст статусного обращения «боярин» и обобщенного указания на неназванную услугу автором не разворачивается, акцент же в речи дворового смещён на характерное социально-историческое явление, когда Антон подытоживает сказанное им: «известно, какие были времена: что барин восхотел, то и творил» [Тургенев, 1981, с. 67]. Тургенев намеренно опускает негативную семантику в словах свидетеля эпохи и носителя её идеалов. Более того, судя по черновому автографу романа, писатель отказывается и от ряда характеристик, которые первоначально

должны были усилить жестокость и бесчинство прадеда главного героя. Так, снято прямое указание на то, что действия Андрея Афанасьевича Лаврецкого, нацеленные на упрочнение хозяйства, калечили крепостных: «да что и строг же был, покойник, чтобы эдак в учение дворовых мальчишек или девок отдавать, этого у них и в заведении не было; а кого назначут [например] примерно в сапожники или в столяры, жестоко [наказывали] наказывать велят лозоками, пока не выучатся; и [скоро] выучивались, батюшка, скоро выучивались, [такие выходили искусники, что на славу] искусники выходили на славу»; совершаемое могло привести и к смерти крепостных: «иной, случалось, точно, и не выдерживал; но [на то] на тот случай был у вашего прадедушки крест чудная така ладанка» [Тургенев, 1964]. Как известно, работая над отбором исторического материала для романа «Дворянское гнездо», Тургенев активно и последовательно обращался к фактографии собственного рода, однако в итоговом тексте произведения намеренно отсек от фабульного материала ряд деталей, сосредоточиваясь не на внешней оценке характера, а на прояснении его внутренней организации. Кроме того, Тургенев корректировал смысловое наполнение детали, убирая изначальную конкретизацию, оставив только слово «ладанка» и сняв слово «крест», который как основной символ христианской веры и знак личной жертвы Спасителя заострял бы не только социальную, но и религиозную проблематику.

В результате знак родительского благословения, ладанка, фиксирует ключевую идейно-этическую константу и демонстрирует направленность авторской мысли на философские и духовные вопросы: в создаваемой Тургеневым картине мира нравственная мера в поступках человека определяется их соотносительностью с высшей волей, проводником которой выступает родительское благословение. Творческий же поиск художника направлен на прояснение человеком того, что в словаре В.И. Даля зафиксировано как «прирождённая правда, в различной степени развития» [Даль, 1882, с. 263], каковы параметры дисгармоничного бытия и бытия без совести. При этом движение авторской мысли диалектично и неотделимо от динамики социально-исторических тенденций, преломляющихся в бытовых реалиях эпох.

Вслед за эпической фигурой Андрея Афанасьевича Лаврецкого, по воле которого устраивается *мир* и определяются его правила, следуют образы его сына и внука, Петра Андреича и Ивана Петровича Лаврецких. В их соотносительности запечатлены нормы патриархального уклада и установки эпохи Просвещения. Тургенев освещает грани внутрисемейных и межсословных отношений и конфликтов, акцентируя знаками родительского благословения незыблемую силу родительской любви как любви милующей, и особо материнской всепрощающей любви. В ней заключена возможность для примирения поколений и даже преодоления сословных границ (причем у последнего исключительно социальная смысловая нагрузка).

Таковыми знаками в романе становятся объявление Петра Андреича о лишении «благословения и наследства» сына, решившего жениться против родительской воли, и «образок», отправленный матерью Ивана Петровича его жене: «Петр Андреич, узнав о свадьбе сына, слег в постель и *запретил упоминать при себе имя Ивана Петровича; только мать*, тихонько от мужа, заняла у благочинного и прислала пятьсот рублей ассигнациями да *образок* его жене; написать она побоялась, но велела сказать Ивану Петровичу через посланного сухопарого мужичка <...>, чтоб он не очень огорчался, что, бог даст, все устроится и отец переложит гнев на милость; что и ей другая невестка была бы желательнее, но что, видно, богу так было угодно, а что она посылает Маланье Сергеевне свое родительское благословение» [Тургенев, 1981, с. 33]. В дальнейшем благословение Анной Павловной Лаврецкой, находящейся на смертном одре, внука и её немая просьба о благословении сына, обращенная к мужу, пересиливают обстоятельства: Петр Андреич «известил сына, что для смертного часа его матери, для младенца Федора он возвращает ему свое благословение и Маланью Сергеевну оставляет у себя в доме» [Тургенев, 1981, с. 36]. Тургенев демонстрирует воплощение в родительской воле надличностных сил: патриархальных норм – в отцовском решении, следование абсолюту милосердия – в материнском чувстве. В этом, по мысли автора, находит завершение сущностный момент их индивидуального бытия. Иными словами, акт родительского благословения становится способом примирения, рождает для человека возможность продолжиться в *Другом*.

Разрыв связи человека со своей семьей, с чувством семьи, утрата родительского благословения – это, по Тургеневу, в первую очередь разрыв с самим собой. Автор показал это, высвечивая судьбы родителей главного героя – Ивана Петровича и Маланьи Сергеевны Лаврецких. Иван Петрович, всю жизнь следовавший чужим традициям, воспринимавший только внешнюю сторону просветительских идей, руссоизма, англоманства, не вращая ни в один культурный слой и так и не доверяясь близким людям, заканчивает свою жизнь, по безапелляционному заключению повествователя, как «застарелый эгоист» [Тургенев, 1981, с. 42]. Маланья Сергеевна, охарактеризованная как «тихое и доброе существо, бог знает зачем выхваченное из родной почвы и тотчас же брошенное, как вырванное деревцо, корнями на солнце», всё же отмечена исключительным знаком – посмертным благословением свекра, в итоге принявшим её, крепостную девушку, в дворянский дом и свою семью: «он плакал, бросая *горсть земли* в ее могилу» [Тургенев, 1981, с. 37].

В образе главного героя знаки родительского благословения отмечают начало и финальную точку на пути человека к самому себе: от абсолютного разрыва с родовым началом до осознания себя частью продолжающейся всеобщей жизни. Женитьба Фёдора Ивановича Лаврецкого на Варваре Павловне Коробьиной (чьё имя происходит от древнегреческого слова «βάρβαρος») и означает «чужестранный») и следующее за этим неосознанное предательство

племянником родной тётки Глафиры Петровны (инспирированное Варварой Павловной) караются родовым проклятием, наложенным этой старшей представительницей семьи на Лаврецкого: «не свить же и тебе гнезда нигде, скитаться тебе век» [Тургенев, 1981, с. 49]. Обреченный на странничество, Лаврецкий долго ищет собственный путь и чувство семьи, что станет для героя возможным уже только как обобщенное – как «чувство родины» [Тургенев, 1981, с. 65].

Драматический модус, которым окрашен образ главного героя, усилен в романе любовной историей и контрастным в отношении к характеру Лаврецкого изображением внутренней жизни Лизы Калитиной, чьё альтруистическое мироощущение пронизано идеей посвящения себя *Другому*, направлено на молитвенное служение и живо представлением о полноте духовной ответственности за судьбу рода. В прощальной доверительной речи, обращенной к одному из самых близких людей – её тетке, Марфе Тимофеевне Пестовой, Лиза прямо говорит: «Я все знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство наше нажил; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо» [Тургенев, 1981, с. 151]. Облик Лизы, в котором акцентирована чистота души и белый цвет в одежде, как и в костюме матери Лаврецкого, преобразуется в восприятии главного героя в знак ангела-хранителя.

Так знаки духовно-нравственного волеизъявления, родительского благословения помогают писателю заострить проблему соотношения индивидуального и надличностного, эгоизма и альтруизма, и необходимости укоренения личного во всеобщем. В этом свете особенно объемно прочитывается смысл эпитафии, первоначально предпосланного Тургеневым роману: «на что душа рождена, того бог и дал» [Тургенев, 1964].

Комически-горькую подсветку заявленной проблематики задаёт разыгранная сцена «благословения» в доме Марьи Дмитриевны Калитиной, жаждущей воссоединения Фёдора Ивановича Лаврецкого с его женой: «Примите же из рук моих вашу жену; идите, Варя, не бойтесь, припадите к вашему мужу (она дернула ее за руку) – и мое благословение...» [Тургенев, 1981, с. 144]. Участвующая в этом спектакле с готовностью и полным сознанием придуманной для нее роли, Варвара Павловна Лаврецкая показана как дама, жизненный путь которой бесконечно далек от нравственных норм человеческого бытия.

В финале романа, когда Лаврецкий наконец осознал, что значит прокладывать «свою тропинку не торопясь, как пахарь борозду плугом», он сам с позиции хозяина земли, «отца» для своих крестьян, которым «обеспечил и упрочил быт», благословляет новую жизнь: «играйте, веселитесь, растите, молодые силы, – думал он, и не было горечи в его думах, – жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть – и сколько из нас не уцелело! – а вам надобно дело делать, работать, и *благословение нашего брата, старика, будет с вами*» [Тургенев, 1981, с. 157, 158].

В результате в образах прадеда и прабабушки, деда и бабушки по отцовской линии, отца и матери, а также тетки Фёдора Ивановича Лаврецкого словами благословения, звучащими из уст представителей старшего поколения, акцентированы темы родового (семейного) статуса и социальной иерархии. В изображении каждого из поколений Лаврецких художник отражает соответствующие эпохе социальные тенденции и прочерчивает проблемные векторы, которые с развитием романного действия сходятся, как лучи в призме, в сознании главного героя. Указанные знаки родительского благословения составляют группу деталей, введенных в экспозицию истории героя, вбирающую родословную фамилии Лаврецких, а в дальнейшем сюжетном развитии, включая финал, отмечают этапы постепенного примирения Лаврецкого со своей судьбой и обретением «чувства родины» в его последовательном движении к осознанию самого себя.

Мысль писателя прослеживает динамику идеи родительского благословения как формирование необходимой человеку внутренней тождественности, стратегически последовательно отсекая «лишний» фабульный материал, акцентируя художественно-значимые грани мира и ипостаси ценностных ориентиров в условиях смены эпох.

4. Этологическое представление

знаков родительского благословения в «Семейной хронике»

В «Семейной хронике» Аксакова знаки родительского волеизъявления встроены в каждый из пяти «Отрывков» произведения и выполняют связующие функции в структурном построении целого, обеспечивая как риторическую организацию отдельных частей, так и их причинно-следственное сцепление. Ввод этих знаков в начало первого «Отрывка» и в завершение последнего в связи с фигурой Степана Михайловича Багрова (точно охарактеризованного А.В. Чичериным как «основной персонаж» [Чичерин, 1976, с. 123]) определяет единство произведения, замыкая отдельные истории персонажей в целое.

Едва ли не главенствующей сущностной чертой Степана Михайловича¹ становится его патриархальное чувство рода, выраженное в ощущении себя звеном старинной родословной – в горячей устремленности к сохранению и непрерывному продолжению фамильной линии. Его отеческое слово в момент перед дальней дорогой из родного дома в Симбирской губернии на жительство «за Волгу, в Уфимское наместничество» предназначено всему семейству. Но исключительное движение его души связано с маленьким сыном – этим продолжением рода Багровых: он поцеловал и благословил «четырёх малолетних дочерей и особенно *новорожденного* сына, единственную отрасль и надежду старинного дворянского своего дома, ибо дочерей считал он ни за что. “Что в них проку! ведь они глядят не в дом, а из дому. Сегодня

¹ В третьем, четвертом и пятом «Отрывках» чаще используется именно такой вариант написания отчества героя, тогда как в первом и втором более частотен вариант «Михайлыч».

Багровы, а завтра Шлыгины, Малыгины, Поповы, Колпаковы. Одна моя надежда – Алексей...”» [Аксаков, 1966, с. 60]. Главный довод для переезда семьи в предгорья Урала обусловлен в сознании главы дома рождением сына. Во имя вольной жизни потомков Степан Михайлович созидает новый мир в чужом краю и обживает его. В заключительном, пятом, «Отрывке» «Семейной хроники» Степан Михайлович ожидает появления на свет внука-наследника; рождение же и последующая скорая смерть внучки не производят в его душе ни радости, ни печали. Багров лишь сетует на болезнь снохи Софьи Николавны: «жива-то, может быть, невестка останется, да захилеет, и детей не будет» [Аксаков, 1966, с. 241].

Сильный и цельный характер оказывается эмоционально уязвим именно в этот момент крушения надежд на будущее: «Степан Михайлович сильно огорчился и надолго остался постоянно грустным» [Аксаков, 1966, с. 241]. Узнав о том, что «какая-то одна знатная госпожа, у которой все родились дочери, дала обещание назвать первого своего ребенка, если он будет мальчик, Сергием, и что точно, через год, у нее родился сын Сергей», Степан Михайлыч «на первой же почте собственноручно написал к своему сыну и невестке, чтоб они отслужили молебен Сергию, Радонежскому чудотворцу, и дали обет, если родится у них сын, назвать его Сергием» [Аксаков, 1966, с. 254]. В финальных словах «Семейной хроники» описана реакция Багрова на известие о рождении долгожданного внука: «Первым движением Степана Михайлыча было перекреститься. Потом он проворно вскочил с постели, босиком подошел к шкафу, торопливо вытащил известную нам родословную, взял из чернилицы перо, провел черту от кружка с именем “Алексей”, сделал кружок на конце своей черты и в середине его написал: “Сергей”» [Аксаков, 1966, с. 259].

Знаком родительского благословения в «Семейной хронике» отмечена новеллистическая интрига в рассказе о Михайле Максимовиче Куролесове и его женитьбе на Прасковье Ивановне Багровой во втором «Отрывке». Ритуальная практика благословения старшим членом семьи, находящимся на смертном одре, младшего родственника становится хитрой уловкой бабушки Бактеевой и её дочери Курмышевой, стремящихся обойти запрет Степана Михайловича Багрова на встречу его несовершеннолетней двоюродной сестры Прасковьи Ивановны с Михайлой Куролесовым, желающим жениться на девушке. Рассчитывая на то, что последнему желанию бабушки увидеть и благословить внучку не откажут, Курмышева отправила «гонца с письмом в Троицкое» к жене Степана Михайловича Арине Васильевне, в котором «уведомляла, что старуха Бактеева сделалась отчаянно больна, желает видеть и благословить внучку, а потому просит прислать ее с кем-нибудь; было прибавлено, что, без сомнения, Степан Михайлович не будет гневаться за нарушение его приказания и конечно бы отпустил внучку проститься с своей родной бабушкой» [Аксаков, 1966, с. 92].

Наряду с этим эпизодом в «Семейной хронике» представлено и иное,

не травестированное, описание обряда предсмертного благословения старшим членом семьи младшего, что предполагает акт инициации как передачи семейных обязательств. Мачеха Софьи Николаовны Зубиной, пребывая в доме мужа, чиновника Николая Федоровича Зубина, постоянно притесняла падчерицу, и только перед смертью, зная «за сутки, что должна умереть», «поспешила примириться с своей совестью: вдруг ночью разбудили Сонечку и позвали к мачехе; Александра Петровна при свидетелях покаялась в своих винах перед падчерицей, просила у нее прощения и заклинала именем Божиим не оставить ее детей; падчерица простила, обещала не оставить их и сдержала обещанье» [Аксаков, 1966, с. 124–125]. В результате «умудренная годами тяжких страданий, семнадцатилетняя девушка вдруг превратилась в совершенную женщину, мать, хозяйку и даже официальную даму, потому что по болезни отца принимала все власти, всех чиновников и городских жителей, вела с ними переговоры, писала письма, деловые бумаги и впоследствии сделалась настоящим правителем дел отцовской канцелярии» [Аксаков, 1966, с. 125]. Переход юной Софьи Николаовны в новую социальную ипостась, объемно представленный писателем, охватывает ее мир вплоть до вступления героини в замужество.

Развитие действия в композиционной спайке третьего и четвертого «Отрывков», посвященных женитьбе и дальнейшей семейной жизни Алексея Степаныча Багрова и Софьи Николаовны Зубиной, также отмечено знаками родительской воли. В центре внимания бытописателя – знаковый комплекс, связанный с отцовским и материнским благословением на брак, женитьбой и постепенным вхождением невестки в семью мужа. Это в первую очередь просьба Алексея Степановича Багрова дать согласие на брак, обращенная к родителям лично и в письме. Причем Аксаков подчеркивает неустрашимое вмешательство в этот процесс свахи Алакаевой и даже следование её инструкциям. По её совету молодой Багров торопится увидеться со своими родителями и испросить благословение, «пока добрые люди не помешали»; её присутствие рядом с пишущим чувствуется в послании, отправленном Алексеем Степанычем родителям: в нём он «с несвойственной ему твердостью, хотя всегда с почтительной нежностью, объяснил своим родителям, что любит Софью Николаовну больше своей жизни, что не может жить без нее, что надеется на ее согласие и просит родительского благословения и позволения посвататься» [Аксаков, 1966, с. 129, 139].

Первоначально письмо сына вызывает неоднозначную реакцию родителей, тем более неожиданным становится положительный ответ Степана Михайловича Багрова. Аксаков подробно описывает сцену сочинения Багровым ответного письма как момент, исполненный торжественности. Сцена открывается тем, что Степан Михайлович «отпер дубовую шкапулку, или шкаф, нечто вроде письменного бюро, достал бумаги, перо, чернильницу», а затем «написал, не без труда (потому что лет уже десять подписывал только

свое имя), тяжелым старинным почерком: “Любезный сын наш Алексей! Мы с матерью твоей Ариной Васильевной позволяем тебе жениться на Софье Николаевне Зубиной, если на то будет воля божия, и посылаем тебе наше родительское благословение. Отец твой Степан Багров”» [Аксаков, 1966, с. 141]. В дальнейшем одобрение жены Багрова-младшего Багровым-старшим, развитие взаимоотношений свекра и невестки, их обоюдная симпатия переключаются с чередой благословений дочери со стороны старшего Зубина – Николая Федоровича, признающего ее право выбора. Сюжетная линия Багровых последовательно проведена в двух «Отрывках»: от момента приезда молодой семьи в Новое Багрово, когда новоиспеченные муж и жена, согласно обычаю, «упали старикам в ноги, приняли их благословение и расцеловались с ними и со всеми их окружающими», – до наказа Степана Михайловича невестке в момент ее отъезда с мужем из отчего дома: «благословляя и обнимая» ее, «он шепнул ей на ухо: “Порадуй же меня внучком”» [Аксаков, 1966, с. 217].

Конструирующую функцию знаки родительского благословения выполняют в лирическом отступлении «Оренбургская губерния» в первом «Отрывке» и во вставной истории о «прекрасной» татарке Сальме, которая «влюбилась в красивого русского офицера», в пятом «Отрывке» [Аксаков, 1966, с. 250]. Описание красот и природных богатств Оренбургской губернии вырастает из характеристики «благословенный край» [Аксаков, 1966, с. 67], содержащей семантику довольства и счастья, богоданности места, что сообщает речи повествователя патетическую интонацию панегирика. В истории Сальме Аксаков описывает переход татарской девушки из магометанской религиозной традиции в христианскую ради любви к русскому человеку, при этом автор устами повествователя подчеркивает типичность ситуации: «наконец, *как это всегда бывает*, Магомет был побежден, и Сальме решилась бежать с своим возлюбленным капитаном, окреститься и потом обвенчаться» [Аксакова, 1966, с. 250]. Проклятие Тевкелева, наложенное на дочь за непослушание, проводит разделительную черту между девушкой и её семьей, а вместе с тем обозначает её отъединение от прежних духовных традиций, за которым следует принятие новых.

В систематике знаков родительского благословения Аксаков исследует социальные и этические аспекты патриархального общежития, синтагматически расширяя видение их однозначно-понятийного плана, насыщая описания бытовых практик и ситуаций перипетиями семейной повседневности и праздников, мерного течения жизни и интриг и иной социально-исторической конкретикой. Однако в каждом из пяти «Отрывков» «Семейной хроники» Аксаков последовательно утверждает представление о незыблемости родительской воли, выступающей проводником жизнестроительной нормы и нравственных ориентиров, что позволяет говорить о феномене отеческого (отцовского и материнского) благословения как об аксиологической доминанте в воссоздаваемой картине мира.

Выводы

Знаки родительского благословения представлены в романе «Дворянское гнездо» Тургенева и в «Семейной хронике» Аксакова в первую очередь как факты общественно-исторического порядка в России конца XVIII–XIX веков и вписаны в тему семьи и рода. Писатели близки в видении социально-культурных реалий эпохи. Родительское благословение идентифицировано авторами как часть национального культурного кода и нравственная константа индивидуального и народного бытия.

Однако при разработке одних и тех же знаков Тургенев и Аксаков расходятся в постановке и воплощении своих авторских заданий.

В тургеневской писательской практике знаки родительского благословения вырастают в многоуровневую образную систематику художественного целого; Аксаков же в своей творческой лаборатории исследует лакуны этологического дискурса. В раскрытии семантического потенциала отеческого волеизъявления Тургенев стремится отобразить его идейно-символические грани, как выкристаллизованные во внешних конфликтах, так и ненавязчиво высвеченные в изображении внутренних противоречий личности, в моментах столкновения сокровенных чаяний человеческой души с реальностью. Движение же мысли Аксакова последовательно охватывает различные сферы жизни, регламентируемые нормами семейных традиций, и нацелено на нюансировку форм и правил родительского благословения. Если Тургенев сосредоточен на проблематике индивидуального осмысления родовых норм, что выражается в развитии образа главного героя романа «Дворянское гнездо» Фёдора Ивановича Лаврецкого, стремящегося к внутренней гармонии через рефлексию над предзаданными социокультурными моделями, то Аксаков, воссоздавая в «Семейной хронике» историю рода Багровых, напротив, фиксирует традицию в её нормативно-статическом аспекте, документируя структурные принципы её воспроизводства в семейной среде, поскольку ему как русскому бытописателю важно этнографически-описательное представление действительности.

Источники

Художественная литература

Аксаков С.Т. Семейная хроника // Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 5 тт. М.: Правда, 1966. Т. 1. С. 57–260.

Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1981. Т. 6. С. 5–158.

Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 тт. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 7. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0020.shtml (дата обращения: 10.11.2024).

Тургенев И.С. Предисловие к романам // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1982. Т. 9. С. 390–396.

Эпистолярный

Аксаков С.Т. – И.С. Тургеневу, 9, 10, 11 марта 1853 года // Архив Института русской литературы РАН (Пушкинский дом). Шифр ф. 5808. Листы 19–22.

Пономарев С.И. Из писем к М.А. Максимовичу (Письма С.Т. Аксакова и др.) // Киевская старина. 1883. Т. 5. С. 829–852.

Тургенев И.С. – А.А. Фету, 7 (19) января 1859. Петербург // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. Письма: в 18 тт. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1987. Т. 4. С. 10.

Тургенев И.С. – С.Т. Аксакову, 22 января (3 февраля) 1856. Петербург // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. Письма: в 18 тт. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1987. Т. 3. С. 79–80.

Словарь

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4. Р–V. СПб.; М.: М.О. Вольф, 1882. 704 с.

Литература

Аверинцев С.С. Христианство в истории европейской культуры // Аверинцев С.С. Другой Рим: избр. ст. СПб.: Амфора, 2005. С. 276–314.

Беляева И.А. Роман И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» как социальный проект в литературе // Тургенев и либеральная идея в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева (19–21 апреля 2018 г., Пермь). Пермь: ПГГПУ, 2018. С. 148–158.

Борисова В.В. «Записки охотника» И.С. Тургенева versus «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова // Тургенев и либеральная идея в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева (19–21 апреля 2018 г., Пермь). Пермь: ПГГПУ, 2018. С. 172–180.

Ван Кэсинь. Мотив благословения отца в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 114–123.

Григорьев А.В., Орлова А.В. К вопросу об исконной семантике глагола *целовать* у славян // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. С. 156–162.

Гуминский В.М. «Записки охотника» Тургенева между «Записками» С.Т. Аксакова и Е.Г. Дрянского // К Тургеневу в Баден-Баден: сб. материалов международной научной конференции (2013–2014). М.: Экон-информ, 2016. С. 88–93.

Дубинина Т.Г. «Только ею... держится и движется жизнь»: тема родительской любви в творчестве И.С. Тургенева // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 112–125.

Кузнецова А.И. Родительское благословение в традиционной жизни русских // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. № 18–2. С. 15–18.

Лосев А.Ф. История античной эстетики (итоги тысячелетнего развития): в 2 кн. Кн. 2. М.: АСТ, 2000. 688 с.

Лоскутникова М.Б. Аллегория и символ: функциональная специфика // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. II. Вильнюс: ВПУ; М.: МГПУ, 2007. С. 77–91.

Лоскутникова М.Б. И.С. Тургенев и С.Т. Аксаков: добросердечный эмоционально-психологический градус взаимоотношений и контактов // Спасский вестник. 2024. № 30. С. 66–74.

Лоскутникова М.Б. Образы «дворянского гнезда» в знаковой системе романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. XI. М.: МГПУ, 2016. С. 100–121.

Лоскутникова М.Б. Стилиевые детерминанты в прозе И.С. Тургенева // Спасский вестник. 2018. № 26-1. С. 65–73.

Люди, с их взаимными отношениями, на фоне природы в «Записках охотника» Тургенева и в сочинениях Аксакова (из «Московского обозрения» за 1859 г.) // Сергей Тимофеевич Аксаков. Его жизнь и сочинения: сб. ист.-лит. ст. / Сост. В.И. Покровский. 2-е изд., доп. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. С. 91–92.

Машинский С.И. С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1973. 575 с.

Мосалева Г.В. «Нетерпеливый человек» Раскольников и таинственная Россия (о литургичности «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Т. 31, № 5. С. 1050–1060.

Никитина Е.П. «Записки охотника» И.С. Тургенева и С.Т. Аксакова // Аксаковский сборник. Вып. IV. Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан, 2005. С. 59–65.

Никитина Н.С. И.С. Тургенев в переписке с писателями // Переписка И.С. Тургенева: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. С. 5–32.

Николаева Н.Г. Трансформация жанра семейных записок XVIII–XIX вв. в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 6. Интерпретация художественного произведения: Сюжет и мотив. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 64–82.

Тюпа В.И. Жанр и дискурс // Критика и семиотика. 2011. № 15. С. 31–42.

Фатеев С.П. Природа и человек в прозе С. Аксакова и И. Тургенева // Вопросы русской литературы. Львов: Вища школа, 1987. Вып. 1 (49). С. 95–100.

Флегентова Т.Н. Благословение матери в романах Ф.М. Достоевского // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6–1 (31). С. 312–315.

Халфина Н.Н. И.С. Тургенев и С.Т. Аксаков (О близости «недрам русского мира») // С.Т. Аксаков и славянская культура: тезисы докладов юбилейной конференции. Уфа: БГУ, 1991. С. 39–40.

Ходж Т. Природа охотника: Тургенев и органический мир / Пер. с англ.

А. Усольцева. Бостон: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2022. 391 с.

Чичерин А.В. Русское слово Сергея Аксакова // Русская литература. 1976. № 2. С. 120–126.

References

Sources

Works

Aksakov S.T. *Semejnaja hronika* [Family Chronicle] // Aksakov S.T. *Sobr. soch.: v 5 tt.* [Collection Works: in 5 vols] M.: Pravda Publishing House, 1966. T. 1. Pp. 57–260.

Turgenev I.S. *Dvorjanskoe gnezdo* [The Noble Nest] // Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 tt.* [Complete Works and Letters: in 30 vols.]. 2nd ed., corrected and suppl. M.: Nauka Publishing House, 1981. T. 6. Pp. 5–158.

Turgenev I.S. *Dvorjanskoe gnezdo* [The Noble Nest] // Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 28 tt.* [Complete Works and Letters: in 28 vols.] M.; L.: Nauka Publishing House, 1964. T. 7. URL: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0020.shtml (accessed: 10.11.2024).

Turgenev I.S. *Predislovie k romanam* [Preface to the Novels] // Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 tt.* [Complete Works and Letters: in 30 vols]. 2nd ed., corrected and suppl. M.: Nauka Publishing House, 1982. T. 9. Pp. 390–396.

Letters

Aksakov S.T. – I.S. Turgenev, 9, 10, 11 marta 1853 [March 9, 10, 11, 1853] // *Arhiv IRLI (Pushkinskij Dom) RAN. Shifr f. 5808* [The Archive of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House). Encrypted Fund 5808]. Pp. 19–22.

Ponomarev S.I. *Iz pisem k M.A. Maksimovichu (Pis'ma S.T. Aksakova i dr.)* [From Letters to M.A. Maksimovich (Letters from S.T. Aksakov and Others)] // *Kievskaja starina* Press. 1883. T. 5. Pp. 829–852.

Turgenev I.S. – A.A. Fet, 7 (19) janvarja 1859. Peterburg [January 7 (19), 1859. Petersburg] // Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 tt. Pis'ma: v 18 tt.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. 2nd ed., corrected and suppl. Letters: in 18 vols]. M.: Nauka Publishing House, 1987. T. 4. Letters. 1859–1861. P. 10.

Turgenev I.S. – S.T. Aksakov, 22 janvarja (3 fevralja) 1856. Peterburg [January 22 (February 3), 1856. Petersburg] // Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 tt. Pis'ma: v 18 tt.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. 2nd ed., corrected and suppl. Letters: in 18 vols]. M.: Nauka Publishing House, 1987. T. 3. Letters. 1855–1858. Pp. 79–80.

Dictionary

Dahl V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 tt.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. SPb.; M.: M.O. Wolf

Press, 1882. Т. 4. R–V. 704 p.

Literature

Averintsev S.S. *Hristianstvo v istorii evropejskoj kul'tury* [Christianity in the History of European Culture] // Averincev S.S. *Drugoj Rim: izbr. st.* [Another Rome: Selected Articles]. SPb.: Amphora Press, 2005. Pp. 276–314.

Belyaeva I.A. *Roman I.S. Turgeneva «Dvorjanskoe gnezdo» kak social'nyj proekt v literature* [I.S. Turgenev's Novel "The Noble Nest" as a Social Project in Literature] // *Turgenev i liberal'naja ideja v Rossii: materialy Vseros. nauch.-praktich. konf., posvjashh. 200-letiju so dnja rozhdenija Ivana Sergeevicha Turgeneva (19–21 aprelja 2018 g., Perm')*. [Turgenev and the Liberal Idea in Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of Ivan Sergeevich Turgenev (April 19–21, 2018, Perm)]. Perm: Perm State Humanitarian and Pedagogical University Press, 2018. Pp. 148–158.

Borisova V.V. «*Zapiski ohotnika*» I.S. Turgeneva versus «*Zapiski ruzhejnogo ohotnika Orenburgskoj gubernii*» S.T. Aksakova [Turgenev's "Sketches of a Hunter" versus S.T. Aksakov's "Sketches of a Rifle Hunter of the Orenburg Governorate"] // *Turgenev i liberal'naja ideja v Rossii: materialy Vseros. nauch.-praktich. konf., posvjashh. 200-letiju so dnja rozhdenija Ivana Sergeevicha Turgeneva (19–21 aprelja 2018 g., Perm)* [Turgenev and the Liberal Idea in Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of Ivan Sergeevich Turgenev (April 19–21, 2018, Perm)]. Perm: Perm State Humanitarian and Pedagogical University Press, 2018. Pp. 172–180.

Wang Kexin. *Motiv blagoslovenija otca v romane F.M. Dostoevskogo «Unizhennye i oskorblennye»* [The Motif of Father's Blessing in F.M. Dostoevsky's Novel "The Insulted and Humiliated"] // *Problemy istoricheskoi pojetiki* [Problems of Historical Poetics]. 2024. Т. 22. № 2. Pp. 114–123.

Grigoriev A.V., Orlova A.V. *K voprosu ob iskonnoj semantike glagola celovat' u slavjan* [On the Question of the Original Semantics of the Verb "to Kiss" Among the Slavs] // *Vestnik slavjanskih kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. 2017. Т. 45. Pp. 156–162.

Guminsky V.M. «*Zapiski ohotnika*» Turgeneva mezhdu «*Zapiskami*» S.T. Aksakova i E.G. Drijanskogo [Turgenev's "Sketches of a Hunter" between the "Notes" of S.T. Aksakov and E.G. Driyansky] // *K Turgenevu v Baden-Baden: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. (2013–2014)*. [To Turgenev in Baden-Baden: Collection of Materials from an International Scientific Conference (2013–2014)]. M.: Econ-inform Press, 2016. Pp. 88–93.

Dubinina T.G. «*Tol'ko eju... derzhitsja i dvizhetsja zhizn'*»: tema roditel'skoj ljubvi v tvorchestve I.S. Turgeneva ["Only by It... Life Holds and Moves": the Theme of Parental Love in I.S. Turgenev's Works] // *Dva veka russkoj klassiki* [Two Centuries of the Russian Classics]. 2024. Т. 6, № 2. Pp. 112–125.

Kuznetsova A.I. *Roditel'skoe blagoslovenie v tradicionnoj zhizni russkikh* [Parental Blessing in Traditional Russian Life] // *Ezhegodnaja bogoslovskaja konferencija Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University]. 2008. № 18–2. Pp. 15–18.

Losev A.F. *Istorija antichnoj jestetiki (itogi tysjacheletnego razvitija): v 2 kn.* [History of Ancient Aesthetics (Results of a Thousand-Year Development): in 2 books]. Book 2. M.: AST Press, 2000. 688 p.

Loskutnikova M.B. *Allegorija i simbol: funkcional'naja specifika* [Allegory and Symbol: Functional Specificity] // *Rusistika i komparativistika: sb. nauch. st.* [Russian Philology and Comparative Studies]. Issue II. Vilnius: Printing House of the Vilnius Pedagogical University; M.: Moscow City Pedagogical University Press, 2007. Pp. 77–91.

Loskutnikova M.B. *I.S. Turgenev i S.T. Aksakov: dobroserdechnyj jemocional'no-psihologicheskij gradus vzaimootnoshenij i kontaktov* [I.S. Turgenev and S.T. Aksakov: Kind-hearted Emotional and Psychological Degree of Relationships and Contacts] // *Spasskij vestnik* [Spassky Bulletin]. 2024. № 30. Pp. 66–74.

Loskutnikova M.B. *Obrazy «dvorjanskogo gnezda» v znakovoj sisteme romana I.S. Turgeneva «Otcy i deti»* [The Images of the “Noble Nest” in the Sign System of I.S. Turgenev's Novel “Fathers and Sons”] // *Rusistika i komparativistika: sb. nauch. st.* [Russian Philology and Comparative Studies]. Issue XI. M.: Moscow City University Press, 2016. Pp. 100–121.

Loskutnikova M.B. *Stilevyje determinanty v proze I.S. Turgeneva* [Stylistic Determinants in the Prose of I.S. Turgenev] // *Spasskij vestnik* [Spassky Bulletin]. 2018. № 26–1. Pp. 65–73.

Ljudi, s ih vzaimnymi otnoshenijami, na fone prirody v «Zapiskah ohotnika» Turgeneva i v sochinenijah Aksakova (iz «Moskovskogo obozrenija» za 1859 g.) [People, with Their Mutual Relationships, against the Backdrop of Nature in Turgenev's “Sketches of a Hunter” and in the Works of Aksakov (from the “Moscow Review” for 1859)] // *Sergej Timofeevich Aksakov. Ego zhizn' i sochinenija: sb. ist.-lit. st.* [Sergei Timofeevich Aksakov. His Life and Works: the Collection of Historical and Literary Articles] / Compiled by V.I. Pokrovsky. 2nd ed., suppl. M.: The Printing House of G. Lissner and D. Sobko, 1912. Pp. 91–92.

Mashinsky S.I. *S.T. Aksakov. Zhizn' i tvorcestvo* [S.T. Aksakov. Life and Work]. 2nd ed. M.: Art Literature Publishing House, 1973. 575 p.

Mosaleva G.V. *«Neterpelivij chelovek» Raskolnikov i tainstvennaja Rossija (o liturgichnosti «Prestuplenija i nakazanija» F.M. Dostoevskogo)* [“The Impatient Man” Raskolnikov and the Mysterious Russia (on the Liturgical Nature of F.M. Dostoevsky's “Crime and Punishment”)] // *Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology*. 2021. T. 31, № 5. Pp. 1050–1060.

Nikitina E.P. *«Zapiski ohotnika» I.S. Turgeneva i S.T. Aksakova* [“A Hunter's Sketches” by I.S. Turgenev and S.T. Aksakov] // *Aksakovskij sbornik* [Aksakov's

Collection]. Issue IV. Ufa: National Museum of the Republic of Bashkortostan Press, 2005. Pp. 59–65.

Nikitina N.S. *I.S. Turgenev v perepiske s pisateljami* [Turgenev in Correspondence with Writers] // *Perepiska I.S. Turgeneva: v 2 tt.* [Correspondence of I.S. Turgenev: in 2 vols]. T. 1. M.: Art Literature Publishing House, 1986. Pp. 5–32.

Nikolaeva N.G. *Transformacija zhanra semejnyh zapisok XVIII–XIX vv. v «Semejnoj hronike» S.T. Aksakova* [Transformation of the Genre of Family Notes of the 18th–19th Centuries in S.T. Aksakov’s “Family Chronicle”] // *Materialy k Slovarju szuzhetov i motivov russoj literatury. Vyp. 6. Interpretacija hudozhestvennogo proizvedenija: Szuzhet i motiv* [Papers for the Dictionary of Plots and Motifs of Russian Literature. Issue 6. Interpretation of a Work of Art: Plot and Motif]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press, 2004. Pp. 64–82.

Tyupa V.I. *Zhanr i diskurs* [Genre and Discourse] // *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics]. 2011. № 15. Pp. 31–42.

Fateev S.P. *Priroda i chelovek v proze S. Aksakova i I. Turgeneva* [Nature and Man in the Prose of S. Aksakov and I. Turgenev] // *Voprosy russoj literatury* [Questions of Russian Literature]. Issue 1 (49). Lvov: *Visha shkola* Press, 1987. Pp. 95–100.

Flegentova T.N. *Blagoslovenie materi v romanah F.M. Dostoevskogo* [Mother’s Blessing in the Novels of F.M. Dostoevsky] // *Mir nauki, kul’tury, obrazovanija* [The World of Science, Culture, Education]. 2011. № 6–1 (31). Pp. 312–315.

Khal’fina N.N. *I.S. Turgenev i S.T. Aksakov (O blizosti «nedram russoj mira»)* [I.S. Turgenev and S.T. Aksakov (On the Proximity of the “Bowels of the Russian World”)] // *S.T. Aksakov i slavjanskaja kul’tura: tezisy dokl. jubilej. konf.* [S.T. Aksakov and Slavic Culture: Abstracts of Reports from the Anniversary Conference]. Ufa: Bashkir State University Press, 1991. Pp. 39–40.

Hodzh T. *Priroda ohotnika: Turgenev i organicheskij mir* [The Nature of the Hunter: Turgenev and the Organic World] / Translated from English by A. Usoltsev. Boston: Academic Studies Press; SPb.: *Bibliorossika* Press, 2022. 391 p.

Chicherin A.V. *Russkoe slovo Sergeja Aksakova* [The Russian Word of Sergey Aksakov] // *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 1976. № 2. Pp. 120–126.

Сведения об авторе

Гребенщиков Юрий Юрьевич – старший преподаватель департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: русская литература XIX века, компаративистика.

Information about the Author

Yuriy Yu. Grebenshchikov – Senior Lecturer of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: Russian literature of the XIX-th century, comparative studies.

Научно-исследовательская статья
УДК 821.161.1-31Гончаров.04
DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-101-117

ПРИНЦИП СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В ХАРАКТЕРОЛОГИИ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Лоскутникова Мария Борисовна

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
loskutnikovamb@mgrpu.ru, AuthorID: 705715

Аннотация. В статье рассмотрена авторская телеология в романе «Обыкновенная история», согласно принципам которой Гончаров осуществил сопоставление прагматического миропонимания Адуева-старшего и поначалу книжно-романтического мировидения Адуева-младшего, вписав его в общую сравнительно-сопоставительную систему характерологии. Основным ракурсом изучения произведения стало постоянное возвращение дяди и племянника, а также их персонажного окружения к знаку «небо» как речевой данности в ее культурно-историческом значении. Установлено, что в произведении отражены прежде всего национально-конфессиональные традиции. В свете развития в понятийно-аллегорическом знаке «небо» его идейно-символической семантики в романе очевидно обнаруживаются особенности авторской позиции не только в сюжетно-композиционном движении художественного целого, но и в его мотивно-архитектонической организации. В использовании писателем приема указания на «вещественную модель» неба (покрова, покрывала) ярко проявляется иронический модус произведения и его разнооттеночный характер.

Ключевые слова: понятийно-аллегорические и идейно-символические знаки в литературном произведении, авторская телеология, ирония.

Для цитирования: Лоскутникова М.Б. Принцип сравнительно-сопоставительного изображения в характерологии романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история» // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 101–117. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-101-117.

Original research article

THE PRINCIPLE OF COMPARATIVE-CONTRASTIVE IMAGE IN THE CHARACTEROLOGY OF I.A. GONCHAROV'S NOVEL “AN ORDINARY STORY”

Maria B. Loskutnikova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;
loskutnikovamb@mgpu.ru, AuthorID: 705715

Abstract. The author's teleology in the novel “An Ordinary Story”, according to the principles of which Goncharov carried out a comparison of the pragmatic worldview of Aduiev Sr. and the initially bookish-romantic worldview of Aduiev Jr., incorporating it into the general comparative-contrastive system of characterology, is examined in the article. The main angle of study of the work was the constant return of the uncle and nephew, as well as their character environment, to the sign “sky” as a speech given in its cultural and historical meaning. It has been established that the work primarily reflects national and religious traditions. In light of the development of the conceptual and allegorical sign “sky” and its ideological and symbolic semantics in the novel, the peculiarities of the author's position are clearly revealed not only in the plot and compositional movement of the artistic whole, but also in its motivic and architectonic organization. The writer's use of the technique of indicating the “material model” of the sky (covering, veil) clearly reveals the ironic mode of the work and its multi-hued character.

Keywords: conceptual-allegorical and ideological-symbolic signs in a literary work, author's teleology, irony.

For citation: Loskutnikova Maria B. The Principle of Comparative-contrastive Image in the Characterology of I.A. Goncharov's Novel “An Ordinary Story” // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2024. Pp. 101–117. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-101-117.

© Лоскутникова М.Б., 2024

Введение

В исследовательской практике многократно отмечалось, что в творческом представлении Гончаровым действительности продуктивно-значимую роль играет сравнительно-сопоставительное изобразительно-выразительное начало. В частности, многие гончароведы и историки русской литературы, рассматривая как романы писателя, так и иные его произведения, касались вопроса о явно или завуалированно контрастном изображении героев и персонажей. В последнюю четверть века такие наблюдения, вскользь

упоминаемые или немногим более развернутые, содержатся в ряде публикаций [Краснощекова, 1997, с. 91, 341; Постнов, 1997, с. 154; Гузь, 2008, с. 67; Шутая, 2012, с. 63; Багаутдинова, 2012, с. 75; Кормилов, 2012, с. 131; Казакова, 2017, с. 20; Павлович, 2023, с. 322; Эрлих, 2023, с. 106]. В текстологические комментарии Л.С. Гейро включены многие подобные суждения – например, о Марке Волохове, когда исследователь акцентировала внимание на том, что именно «в сопоставлении с другими героями» Гончаров находит «определение человеческой и духовной сущности» этого персонажа [Гейро, 2000, с. 114].

Системное понимание художественной картины мира Гончарова было сформулировано В.А. Недзвецким [Недзвецкий, 1992]. Так, определяя своеобразие сюжетно-композиционных решений писателя, ученый свидетельствовал, что художественной манере Гончарова свойственны «различные сопоставления и противопоставления основных структурных единиц, а также повторы или вариации ряда опорных ситуаций и сцен, наконец, проходящие через весь роман лейтмотивы» [здесь и ниже: Недзвецкий, 2010, с. 45, 61]. Ученый справедливо полагал, что «при всей комбинационной неповторимости внутренних отношений компонентов» указанный композиционный принцип «во всех трех романах писателя остается в значительной мере единым».

На протяжении последнего 100-летия в гончароведении появлялись и отдельные упоминания о существенной роли речевой фигуры сравнения в романистике писателя [Цейтлин, 1929, т. 2, стлб. 624; Отрадин, 1994, с. 81]. В частности, отмечалось, что «в реалистической системе Гончарова исключительное значение приобретают <...> развернутые сравнения, второй член которых порой разрастается в самостоятельную поэтическую картину» [Пруцков, 1962, с. 100], наконец, что «Гончаров вообще любит сравнительные обороты, укрупняющие повествование» [Бухаркин, 1992, с. 129].

Материалом исследования в данной статье стал роман Гончарова «Обыкновенная история» (1847), рассмотренный сквозь призму семантического и аксиологического наполнения знака «небо», представленного как в диалогах Александра и Петра Адуевых, так и в высказываниях второстепенных и эпизодических персонажей. *Цель* работы состоит в выявлении последовательного сравнительно-сопоставительного изображения характеров, осуществленного писателем средствами как сюжетно-композиционной, так и мотививно-архитектонической организации художественного целого. Изучение телеологического своеобразия романа проводилось в рамках аналитически-интерпретационного *метода* в осмыслении литературного произведения.

Основная часть

1. Знак «небо» в историко-культурных традициях

Историко-культурное значение понятийно-аллегорического знака неба в художественной литературе велико. Как сам знак, так и его толкование представлены в мифологиях разных народов. В обобщенном смысле небо –

это «абсолютное воплощение верха, члена одной из основных семантических оппозиций» (верх и низ); небо «простерто над всем, всё “видит”, отсюда его всеведение; оно внешне по отношению ко всем предметам мира, поэтому оно “дом” всего мира» [Брагинская, 1994, с. 206–207]. Следует также отметить, что, согласно философии Конфуция (мыслителя VI–V веков до н. э.), Китай как подвластная китайскому императору территория названа Поднебесной, а это мир, в котором столичным святилищем является храм Неба.

Несмотря на техническое освоение в последние без малого полтора века воздушных пространств, в речевом обиходе сохранились устойчивые выражения и формулы «небожитель», «на седьмом небе» и др., а в устремлениях градостроительной, к примеру, практики возникли покровительственно-иронические оценки «небоскреб» и др. Так, фразеологизм «небо с овчинку» потребовался А.С. Пушкину в повести «Капитанская дочка» – в изображении телеологически обусловленной пограничной ситуации между жизнью и смертью, в которой оказался молодой офицер Петр Гринёв с началом гражданской войны, т. е. Пугачевского восстания 1773–1775 годов. Иное – неспособность понять и оценить происходящее – представлено во фразеологизме «пальцем в небо», которую вводили для точности в характерологии и Н.В. Гоголь (сатирическая комедия «Ревизор»), и Н.А. Некрасов (поэма «Кому на Руси жить хорошо»), и многократно М.Е. Салтыков-Щедрин (роман «Пошехонская старина», цикл рассказов «Мелочи жизни» и проч.). А.П. Чехов ввел в пьесу «Дядя Ваня» ободряющую фразу «небо в алмазах», утешающе-прогностически определяя столь ожидаемое героями будущее и надежды, с ним связанные. Примеры можно множить. Остается добавить, что мастерство писателей в фиксации наблюдений за знаками неба и жизненных впечатлений в антитезе «земное – небесное» в художественной литературе символически-многопланово и разновекторно, что представлено также в выражениях «семь верст до небес», «коптить небо», «гром среди ясного неба» и др.

Но следует обратиться прежде всего к аутентичному эпохе Гончарова христианско-православному пониманию неба, поскольку творчество писателя и сама его личность – материал, предмет и объект нашего рассмотрения. Для этого возьмем издание комментариев к Библии 1892 года – современного эпохе И.А. Гончарова (1812–1891). В книге сказано, что «означенное слово употребляется въ Свящ. Писаніи въ различном смыслѣ», – и приведено три позиции. 1) «Иногда оно означает просто атмосферу, непосредственно окружающую землю» («всѣ народы подѣ всѣмъ небомъ»). 2) «Въ другомъ смыслѣ подѣ небомъ разумѣется небесная твердь или сводъ небесный, на которомъ вращаются солнце, луна, звѣзды и другія небесныя тѣла», – «это небо говоритъ намъ о Богѣ, поражая наше зрѣніе своею красотою, величіемъ и гармонією». 3) «Наконецъ кромѣ атмосферы, тверди, подѣ словомъ небо разумѣются такъ называемыя небеса небесъ. Это невидимый, невещественный

міръ, быть можетъ то самое третье небо, о которомъ упоминаетъ св. ап. Павелъ». К 3-му смысловому значению даны уточнения: «Здѣсь, на высотѣ небесной находится святое особенное мѣсто вездѣприсутствія Божія; здѣсь престоль Его, здѣсь Онъ ходитъ по небесному кругу <...>; здѣсь особенно присутствуетъ Господь Іисусъ Христъ»; «Это небо есть мѣстопробываніе ангеловъ всѣхъ чиновъ»; «Съ этого неба Господь приходилъ на землю, туда Онъ вознесся и оттуда снова придетъ судить живыхъ и мертвыхъ» [Небо, 1990].

В этой связи следует сразу отметить, что уже в первом романе Гончарова знак «небо», как и ряд других, проявляется в системе понятийно-аллегорических и идейно-символических знаков как общекультурная тенденция; в отношении знака «небо» – как в первую очередь русская национально-конфессиональная традиция.

2. Особенности авторской телеологии в характерологии романа «Обыкновенная история»

Целеполагающие позиции дяди и племянника, составляющие смысловое ядро произведения, определены иронической авторской телеологией в демонстрации прагматического миропонимания Адуева-старшего и трансформации книжно-романтического мировидения Адуева-младшего, приведшей последнего к выхолощенности души. При этом «обыкновенность» узко-семейной, казалось бы, «истории» совсем не проста и далеко не однозначна, поскольку родственники, в равной мере образованные и к тому же добившиеся неординарных успехов на чиновничьем поприще, на самом деле не похожи друг на друга (хотя в финальной сцене, «любуюсь», как подчеркивает повествователь, Александром, Петр Иванович с удовлетворением констатирует: «продолжай идти во всем по моим следам») [Гончаров, 1997, с. 469, 468]. Принципиальное же отличие дяди и племянника состоит в том, что у первого есть еще и талант нового «сына времени» – зарождающегося типа предпринимателя, промышленника, инициативного человека дела, что чуждо Адуеву-младшему.

Иными словами, по факту Петр Иванович куда более крупная, по Гончарову, личность, нежели Александр [Лоскутникова, 2023]. Александр же – его уменьшенная в масштабе личности копия, сведенная лишь к чиновничьей деятельности (что само по себе – при условии честной работы, не подверженной приспособленческой конъюнктурности и тем более мздоимству, – тоже, конечно, немаловажно).

Романное целое организовано Гончаровым как две равновеликие по объему части, завершением чего является эпилог. Однако авторская мысль не предполагала упрощенного деления текстового корпуса на изображение восторженности Адуева-младшего, активно критикуемой Адуевым-старшим, в первой части произведения – и на демонстрацию избавления молодого героя от ложно-романтических мечтаний во второй части. В намерения писателя входила задача запечатлеть «обыкновенную», т. е. вероятностную,

более того – высокочастотную историю современника: счастливую (хотя и грустную) возможность освобождения, с одной стороны, от несостоятельных и нежизнеспособных прожектов (прежде всего творческих, в силу отсутствия таланта) и, с другой, горькую, вследствие радикального и при этом некритического расставания со всеми былыми идеалами, включая естественное душевное тепло (и этой последней потери не каждый человек может избежать).

3. Знаковая направленность в достижении авторских целей как организующий принцип романного целого

Безусловной характеристикой русской истории периода современной Гончарову эпохи были православно-христианские нормы жизни. Так, провояжая единственного 20-летнего сына, уже получившего университетское образование, на чужбину, на сей раз в столицу, в Петербург, для обретения им весомого общественного положения и новых горизонтов, маменька Анна Павловна наставляет Александра: «Надеюсь, Он, Отец мой небесный, подкрепит тебя; а ты, мой друг, пуще всего не забывай Его, помни, что без веры нет спасения нигде и ни в чем», и напутствует: «Вымолю тебе и здоровья, и чинов, и крестов, и небесных и земных благ»; наконец с высоты своего миропонимания увещевает: «блюда посты, мой друг: это великое дело! В среду и пятницу – Бог простит; а в Великий пост – Боже оборони!» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 182, 183, 444]. В простодушно-изворотливом обиходе маменьки есть и такие указания: «К слову пришлось о нищих. Не трать на них денег по-пустому, помногу не давай. <...> Бог подаст!». Когда же, спустя восемь лет пребывания в Петербурге, Александр, не добившись успехов, впервые возвращается домой, в Грачи, в его памяти всплывают картины детства и юности: «Он <...> вспомнил, как, будучи ребенком, <...> повторял за матерью молитвы, как она твердила ему об ангеле-хранителе, который стоит на страже души человеческой и вечно враждует с нечистым; как она, указывая ему на звезды, говорила, что это очи Божиих ангелов, которые смотрят на мир и считают добрые и злые дела людей; как небожители плачут, когда в итоге окажется больше злых, нежели добрых, дел, и как радуются, когда добрые дела превышают злые».

Остается уточнить, что в ходу у романских персонажей поминовение усопших – как естественная речевая конструкция в устах современников Гончарова (и не только). В частности, Анна Павловна отзывается на смерть соседа: «царство ему небесное!», а сосед Адуевых, Заезжалов, в письме Петру Иванычу, переданном с Александром, считает нужным упомянуть его покойного старшего брата (отца Александра): «дай Бог ему царствие небесное» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 187, 195, 178]. К тому же в речевой культуре романских персонажей эпитет «небесный» означает высшую красоту и гармонию. Так, маменька Анна Павловна, стремясь удержать сына в Грачах, указывает на вид из окон дома: «Погляди-ка, озеро: что за великолепие!

истинно небесное!»).

Александр равнодушен к красоте природы. Однако его представления о прекрасном носят условно-книжный характер (хотя имплицитно и содержат в себе каноны воспитания). Так, Петр Иванович, читая стихи племянника («Небес далеких тишина // В тот миг ужасна и страшна...»), поначалу дает лишь уточняющий комментарий: «Ужасна и страшна – одно и то же» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 224, 223]. Однако, читая написанное дальше («Гляжу на небо: там луна...»), Петр Иванович уже раздражается: «Луна непременно: без нее никак нельзя! Если у тебя тут есть *мечта* и *дева* – ты погиб: я отступаюсь от тебя». И действительно: луна, в представлениях Адуева-младшего, «Безмолвно плавает, сияя, // И мнится, в ней погребена // От века тайна роковая». Беспомощная вторичность и бездарность стихоплета очевидны. При этом дядя настойчиво объясняет племяннику, что «поэт не небожитель, а человек».

В дальнейшем, как показано во второй части романа, Александр уже не занимается стихотворным графоманством, но и в стихах чужого авторства еще годами склонен по-прежнему воспринимать привычные знаки, хотя и с иным содержательным, нежели в его юношеских упоениях и упованиях, вектором. Как аргумент такого мироощущения молодого человека Гончаров вводит строчки из стихотворения идеолога славянофильской традиции А.С. Хомякова «Желание покоя» (1825): «Я сердца усмирю заботы, // Я думаю не велью летать; // Небес на тихое сиянье // Я не велью глазам своим взирать» [Хомяков, 2021, с. 110].

Так, согласно авторскому замыслу, понятийно-аллегорический знак «небо», с его однозначным смысловым ядром, предполагает наполнение иной – уже идейно-символической семантикой.

4. Сюжетное движение в романе «Обыкновенная история» в свете развития в знаке «небо» идейно-символической семантики

Сюжетной завязкой в романе становятся диалоги дяди и племянника Адуевых. С самого начала сюжетного действия (часть первая, глава вторая), когда Александр, приехав в Петербург и найдя квартиру, снимаемую дядей, беспрерывно бросается к нему, чтобы обнять его и поцеловать, Петр Иванович осознает, что с племянником придется серьезно поработать, чтобы объяснить ему правила адекватного жизненным обстоятельствам поведения, и начинает с главного вопроса: с какой целью Александр приехал в Петербург? Услышав ответ молодого родственника, что он «приехал... жить», т. е., уточняет сам Александр, «пользоваться жизнью», поскольку ему «в деревне надоело» (причем жить он собирается на получаемые от маменьки «две тысячи пятьсот рублей в год», тогда как Петр Иванович оценивает подобный образ жизни в пятьдесят тысяч в год), Адуев-старший поневоле призадумался [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 207, 183, 210, 211]. Слушая же выпрепные заявления племянника о любви и дружбе как «небесных» чувствах, Петр Иванович, не отрицая их, призывает Александра сосредоточиться на работе, а не на – цитируя племянника

– «священных да небесных чувствах». Дядя рекомендует: «приглядывайся к делу», а также дает совет: если «добродетелью русских» считать, как думает Александр, открытость всем и каждому, без разбора, то, по убеждению Петра Ивановича, радостный прием бесцеремонных гостей объясняется только одним, когда «от скуки <...> всякому мерзавцу рады»: «займи как-нибудь нашу праздность». Адуев-старший же определяет такую национальную черту как «препротивную добродетель».

Для психологического углубления в изображении миропонимания как Александра, так и Петра Адуевых Гончаров вводит прием письма, которое через две недели после приезда в столицу пишет младший из родственников, а затем текст этого послания корректирует старший. Так, молодой человек, изливая свои наблюдения другу Пospelову, замечает: «Дядюшка у меня, кажется, добрый человек <...>, очень умен, только <...> вечно в делах, в расчетах... Дух его будто прикован к земле и никогда не возносится до чистого, изолированного от земных дрязгов созерцания явлений духовной природы человека. Небо у него неразрывно связано с землей, и мы с ним, кажется, никогда совершенно не сольемся душами» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 212, 217, 218]. Эту свою характеристику видоизменяет сам Петр Иванович: «Дядя мой ни демон, ни ангел, а такой же человек, как и все, <...> только не совсем похож на нас с тобой. Он думает и чувствует по-земному, полагает, что если мы живем на земле, так и не надо улетать с нее на небо, где нас теперь пока не спрашивают, а заниматься человеческими делами, к которым мы призваны. <...> Любви и дружбе тоже верит, только не думает, что они упали с неба в грязь, а полагает, что они созданы вместе с людьми и для людей».

Центральной событийной гранью «обыкновенного» пребывания Александра Адуева в Петербурге Гончаров в первой части романа делает историю молодого человека и его новой, уже столичной, возлюбленной – Надиньки Любецкой. Александр грезит о поцелуе девушки: «о, какая высокая, небесная награда» – это «мечты, небо, звезды» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 239, 260, 283, 236, 308]. Но когда Надинька заинтересовалась графом Новинским, Александр вне себя: «вы сто раз клялись принадлежать мне: “Эти клятвы слышит Бог!” – говорили вы. Да, Он слышал их! вы должны краснеть и перед небом, и перед этими деревьями, перед каждой травкой...». Обрамлением случившейся «обыкновенной» истории влюбленности становятся наблюдения Петра Ивановича, поначалу оцениваемые им как пребывание племянника «на седьмом небе» (Александр пропадал вечерами у Надиньки, т. е. был «вон где – на седьмом небе»), а спустя время Адуев-старший констатирует: «А ты воображаешь, что ты с могучей душой? Вчера от радости был на седьмом небе, а чуть немного того... так и не умеешь перенести горя».

Вторая часть романа организована автором как поиски молодым героем смысла своей жизни: что есть ее целеполагание и что наконец есть счастье.

Теперь свои монологи Александр Адуев может обращать не только к дяде, но и к его жене – тетушке Лизавете Александровне, образованной, тонкой в суждениях, мудрой (хотя еще и совсем молодой) женщине. Так, повествуя о своем идеале любви, Александр, «возводя взоры к небу» (как иронически очерчивает его облик и мимику повествователь), клянется, что посвятил бы «всю жизнь» своей избраннице, однако потребовал бы, чтобы «любимая женщина» отказалась «замечать, видеть других мужчин»: «все они должны казаться ей невыносимы» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 312, 320]. Петру Иванычу частичное переключение излияний Александра на жену представляется почти избавлением от досадливых родственных хлопот: «он у меня вот где сидит! – сказал Петр Иваныч, показывая на шею. – <...> Шесть лет вожусь с ним».

Но Александр по-прежнему жаждет жить «в идеальном мире», в котором «небо кажется чище», хотя его реферативные статьи о сельском хозяйстве уже выявляют в нем, по мнению редактора журнала, «ученого производителя, а не ремесленника», а отказ от мысли «витать в небесных пространствах» – это, в понимании Петра Иваныча, уже маленький шаг навстречу фортуне [Гончаров, 1997, с. 324, 335]. Гнетущим грузом в жизни Александра оказалась и «обыкновенная» история с Юлией Тафаевой, когда молодой человек, поначалу увлекшись ею в соответствии со своими представлениями об «идеальной» любви, сам же разочаровался в своих совсем не «небесных» чувствах.

В итоге, отмечает повествователь, «чего он [Александр] хотел, и сам не знал; а как многого не хотел!» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 389, 391, 400, 401–402]. «Досада» и «отчаяние» – вот состояние, в которое впал молодой человек. Вспоминая свою жизнь в Грачах, герой приходит к мысли, что «божественная искра небесного огня» в нем – первом среди равных во всей провинциально-родовой округе – не позволила бы ему испытать боль и разочарование. Во встреченной им Лизе-Антигоне, девушке с «ясным, как летнее небо, лицом», с которой Александр ведет себя уже как заправский обольститель, молодой человек стремится посеять неуверенность в себе: «Зачем вам читать Байрона? <...> может быть, жизнь ваша протечет тихо, как этот ручей: видите, как он мал, мелок; он не отразит ни целого неба в себе, ни туч; <...> отражает он только зелень берегов, клочок неба да маленькие облака <...> не смотрите вдаль, живите день за днем».

С наступлением очередной осени сама природа становится иллюстрацией к облику героя, растерявшего свои былые восторги и при этом не нашедшего новых ориентиров: «Желтые листья падали с деревьев и усеяли берега; зелень полиняла; река приняла свинцовый цвет; небо было постоянно серо» [Гончаров, 1997, с. 409].

Поначалу возвращение Александра домой, в Грачи, благотворно сказалось на нем: «Боже мой! как здесь хорошо <...> Не над чем задумываться. Беззаботно, без тягостной мысли, <...> с дремлющим сердцем и умом <...> скользишь взглядом от рощи к пашне, от пашни к холму и потом погружаешь

его в бездонную синеву неба» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 446, 447, 448, 440]. Александр «начал постигать поэзию *серенького неба, сломанного забора, калитки, грязного пруда и трепака*». Однако по истечении полутора лет он «стал опять задумываться», и «ему мало-помалу надоел тесный домашний круг», с неизменным соседом Антоном Ивановичем и его бормотанием «благодарю тебя, Боже мой <...> яко насытил мя еси небесных благ... что я! замолелся язык-то: земных благ, – и не лиши меня небесного Твоего царствия». В результате герой «помирился с прошедшим: оно стало ему мило». Смерть матери позволила Александру уехать из Грачей, снова в Петербург, без мучений совести по оставленной в одиночестве родительнице, столь сильно его любившей.

В эпилоге постаревший Петр Иванович припоминает племяннику, как тот «бесновался в конвульсиях» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 464, 465, 468]. По возвращении в Петербург «бешеная ревность [Александра], порывы, небесное блаженство» – «куда всё это девалось?..». Неспособность племянника в первый его приезд в столицу ставить реалистичные цели и достигать их Адуев-старший объясняет, как ему кажется, очевидностью: «Ты всё забирал себе в голову замогильные вопросы, улетал в небеса... но всё прошло – и слава Богу!».

Однако романная авторская телеология куда сложнее, чем то, как она непосредственно разработана Гончаровым в монологах и репликах Петра Ивановича. Сугубо прагматическое миропонимание Адуева-старшего доставило ему радость труда и созидания, но лишило его одной из главных «вечных» ценностей – счастья в любви и семейном союзе. Племянник же, избавившись от книжно-романтического мировидения, заодно утратил и обращение к историко-культурным знакам неба, которые неизменно живы в сознании и речи Адуева-старшего. Эта ирония, горькая в романе «Обыкновенная история» в отношении как дяди, так и племянника (причем горькая по-разному), является яркой особенностью таланта Гончарова-романиста.

5. Авторская ирония в романе «Обыкновенная история» и ее оттенки (на материале «вещественной модели» неба)

«Вещественной моделью Н<еба>» исследователи мифологии называют покрывало [Брагинская, 1994, с. 208]. В романе «Обыкновенная история» автор представляет этот знак двояко: с одной стороны, как предостережение от сдергивания «покрывала с священных тайн» и, с другой, как комическое указание на средство от «проклятых мух» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 240, 199]. В обоих случаях авторская мысль иронически окрашена, но при этом разноразнонаправленна.

Так, переходя в первой части романа от экспозиционной первой главы к главе второй, в которой начинается формирование сюжетной завязки и конфликтосферы, автор вводит текст письма Анны Павловны Адуевой (любящей, заботливой матери и, к прискорбию, очень недалекой особы) к своему деверю Петру Ивановичу. В нем звучит искренняя и глубокая боль

немолодой женщины, вдовы: «Бог один знает, что вытерпело мое материнское сердце, отпускаючи его [сына] на чужую сторону. Отправляю его, моего друга, прямо к вам: не велела нигде приставать, кроме вас...» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 198, 199]. Последняя сентенция сопровождается комментарием повествователя: «глупая старуха!» – «проворчал» Петр Иванович. В развитии своей, как ей представляется, единственно правильной мысли, Анна Павловна замечает: «Он [Александр], пожалуй, по неопытности, остановился бы на постоялом дворе, но я знаю, как это может огорчить родного дядю, и внушила взехать прямо к вам. То-то будет у вас радости при свидании!». Наконец звучит конкретика напористо-требовательной просьбы: «Ночью, – ведь вы, я чай, в одной комнате будете спать, – Сашенька привык лежать на спине: от этого, сердечный, больно стонет и мечется; вы тихонько разбудите его да перекрестите: сейчас и пройдет, а летом *покрывайте ему рот платочком*: он его разевает во сне, а проклятые мухи так туда и лезут под утро» (Курсив мой. – М.Л.). Таким образом, великолепный комизм, выраженный в иронической стилизации речи провинциалки как ее настойчиво-надоедливое увещевания, увенчан знаком покрывала.

В совершенно ином свете показана «вещественная модель мира» в отношении трепетного молодого чувства если не любви, то, несомненно, влюбленности, над чем (солидаризируясь с Александром Адуевым, очевидно признает автор) нельзя «шутить» и «играть им холодно» [здесь и ниже: Гончаров, 1997, с. 240]. В этой связи вновь обратимся к представлениям молодого человека, мечтающего о поцелуе Надиньки Любецкой и уверенного в ту пору в том, что нельзя «*сдергивать покрывала с священных тайн...*» (Курсив мой. – М.Л.). Петр Иванович же деловито настаивает, что Александр будет «любить, как и другие, ни глубже, ни сильнее» – и будет «также сдергивать и покрывало с тайн...». При этом Адуев-старший мудро признает, что в последнем человек «сам себе» готовит «горя более, нежели сколько бы его должно быть» (хотя воспоминание о Марье Горбатовой и желтых цветах вызывает у Петра Ивановича не горечь, а досаду). Но непонятная Адуеву-старшему болезнь жены Лизаветы Александровны действительно заставила его страдать, результатом чего стало прощание с той высокой целью, к которой он шел всю свою жизнь. В этом последнем заключена трагедийная ирония автора.

В заключение приведем данные лингвистического анализа. Так, легендарная гончаровская ирония [Гродецкая, 2013; Лоскутникова, 2013] находит подтверждение в современном дистрибутивно-статистическом исследовании языка русской прозы 1850–1870-х годов: словоупотребление «ирония» в произведениях Гончарова из расчета относительной частоты на 1 млн словоупотреблений превышает данную практику не только в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина (что было бы ожидаемо), но намного превышает ее в произведениях современников писателя – И.С. Тургенева,

Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова [Шайкевич и др., 2016, с. 496].

Заключение

Таким образом, в проведенном исследовании, осуществленном с опорой на знак «небо» в историко-культурных традициях (прежде всего в произведениях русской литературной классики), выявлены некоторые особенности авторской телеологии в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история». В свете развития в произведении идейно-символической семантики в знаке «небо» прослежено сюжетное движение в поэтапно-последовательном достижении авторских целей. На примере «вещественной модели» неба рассмотрена разнооттеночная ирония писателя.

В результате Гончаров, освоив в первом своем романе принципы сравнительно-сопоставительного изображения характеров, вывел для себя «формулу» авторского успеха: любой характер можно наиболее полно раскрыть при взгляде «со стороны» – сквозь призму изображения иных героев и персонажей. Это художественное открытие получило дальнейшее развитие во втором романе Гончарова – «Обломов», в котором писатель активно использует как бинарные оппозиции (Обломов – Штольц, Ольга Ильинская – Агафья Пшеницына, Обломов – Захар и др.), так и многофигурные сопоставления. Последний принцип изображения в полной мере творчески реализован в заключительном романе авторской трилогии – «Обрыв».

Источники

Гончаров И.А. Обыкновенная история // Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 тт. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 172–469.

Небо // Полная популярная Библейская энциклопедия, в 4-х выпусках / Трудь и издание Архимандрита Никифора. М.: Типография А.И. Снегиревой. Остоженка, Савеловский переулок, собств. домъ. Репринтное издание. М.: Изд. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990. С. 508.

Хомяков А.С. Желание покоя // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. и писем: в 12 тт. СПб.: Росток, 2021. Т. 1. С. 110–112.

Литература

Багаутдинова Г.Н. Ритмообразующие факторы в повести И.А. Гончарова «Лихая болезнь» // Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 74–81.

Брагинская Н.В. Небо // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 тт. 2-е изд. М.: Российская энциклопедия; Минск: Дилер; Смоленск: Русич, 1994. Т. 2. С. 206–208.

Бухаркин П.Е. «Образ мира, в слове явленный»: (Стилистические проблемы

«Обломова») // От Пушкина до Белого: Проблемы поэтики русского реализма XIX — начала XX века: Межвуз. сб. / Под ред. В.М. Марковича. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. С. 118–135.

Гейро Л.С. «Сообразно времени и обстоятельствам»: (Творческая история романа «Обрыв») // И.А. Гончаров: Новые материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 83–183.

Гродецкая А.Г. «Пафос середины»: ирония и автоирония у Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы: науч. ст. о творчестве И.А. Гончарова. *Bibliotheca Slavica Savariensis*. Т. XIII. Szombathely: University of West Hungary Press, 2013. С. 38–49.

Гузь Н.А. Художественный мир романов И.А. Гончарова. 2-е изд., испр. и доп. Бийск: БГПУ им. В.М. Шукшина, 2008. 217 с.

Казакова С.К. Ирония судьбы и ирония повествования в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» // Материалы VI Международной научной конференции, посвящённой 205-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. С. 14–25.

Кормилов С.И. Столбовой дворянин и знаки социального престижа: чины, ордена, титулы в «Обломове» И.А. Гончарова // Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 131–143.

Краснощекова Е.А. Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 494 с.

Лоскутникова М.Б. Мотив труда и новаторский тип героя – предпринимателя и промышленника в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» // Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 210-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2023. С. 142–151.

Лоскутникова М.Б. Поликультурное понимание иронии в творчестве И. Гончарова и особенности исследовательских позиций // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. 8. Вильнюс: Литовский эдукологический университет, 2013. С. 21–35.

Недзвецкий В.А. И.А. Гончаров – романист и художник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 176 с.

Недзвецкий В.А. Роман И.А. Гончарова «Обломов»: Путеводитель по тексту. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 224 с.

Отрадин М.В. Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 169 с.

Павлович В.В. Рецепция А.В. Никитенко романа И.А. Гончарова «Обломов» // Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 210-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов.

Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2023. С. 311–325.

Постнов О.Г. Эстетика И.А. Гончарова. Новосибирск: Наука. Сибирское изд.-полиграф. и книготорг. предприятие, 1997. 240 с.

Пруцков Н.И. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 230 с.

Цейтлин А.Г. Гончаров Иван Александрович // Литературная энциклопедия: в 12 тт. Т. 2. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929. Стлб. 616–626.

Шайкевич А.Я., Андриющенко В.М., Ребецкая Н.А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Т. 2. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. 848 с.

Шутая Н.К. Дорога к усадьбе (на материале романов И.А. Гончарова) // Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. С. 58–65.

Эрлих М.А. Ключевые концепты сознания петербургского чиновника в романной трилогии И.А. Гончарова // Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 210-летию со дня рождения И.А. Гончарова: сб. ст. рус. и заруб. авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2023. С. 106–111.

References

Sources

Goncharov I.A. *Obyknovennaja istorija* [An Ordinary Story] // Goncharov I.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 tt.* [Complete Works and Letters: in 20 vols.]. SPb.: Nauka Publishing House, 1997. V. 1. Pp. 172–469.

Nebo [Sky] // *Polnaja populjarnaja Biblejskaja jenciklopedija, v 4-h vypuskah / Trud i izdanie Arhimandrita Nikifora* [Complete Popular Bible Encyclopedia, in 4 Issues / Work and Publication of Archimandrite Nicephorus]. М.: Printing House of A.I. Snegireva. Ostozhenka, Savelovsky Lane, Private House, 1891. Reprint edition. М.: Publishing House of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius, 1990. P. 508.

Khomyakov A.S. *Zhelanie pokoja* [Desire for Peace] // Khomyakov A.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 12 tt.* [Complete Works and Letters: in 2 vols.]. SPb.: Rostok Press, 2021. V. 1. Pp. 110–112.

Literature

Bagautdinova G.N. *Ritmoobrazujushhie faktory v povesti I.A. Goncharova «Lihaja bolest'»* [Rhythm-forming Factors in the Story by I.A. Goncharov “A Wicked Illness”] // *Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 200-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the V International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of I.A. Goncharov: Collection of the Articles

of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies Press*, 2012. Pp. 74–81.

Braginskaya N.V. *Nebo [Sky] // Mify narodov mira: Jenciklopedija: v 2 tt. 2-e izd. M.: Rossijskaja jenciklopedija [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 vols. 2nd ed.] M.: Russian Encyclopedia Publishing House; Minsk: Dealer Press; Smolensk: Rusich Press, 1994. V. 2. Pp. 206–208.*

Bukharkin P.E. «*Obraz mira, v slove javlennyj*»: (*Stilisticheskie problemy «Oblomova»*) [“The Image of the World, Revealed in Words”: (Stylistic Problems of “Oblomov”)] // *Ot Pushkina do Belogo: Problemy pojetiki russkogo realizma XIX — nachala XX veka: Mezhvuz. sb.* [From Pushkin to Bely: Problems of the Poetics of Russian Realism of the 19th – Early 20th Centuries: Interuniversity Collection] / Ed. V.M. Markovich. SPb.: St. Petersburg University Press, 1992. Pp. 118–135.

Geyro L.S. “*Soobrazno vremeni i obstojatel'stvam*”: (*Tvorcheskaja istorija romana “Obryv”*) [“In Accordance with Time and Circumstances”: (The Creative History of the Novel “The Precipice”)] // *I.A. Goncharov: Novye materialy i issledovanija* [I.A. Goncharov: New Materials and Research]. M.: *Nasledie Publishing House*, 2000. Pp. 83–183.

Grodetskaya A.G. “*Pafos serediny*”: (*ironija i avtoironija u Goncharova*) [“The Pathos of the Middle”: Irony and Self-Irony in Goncharov] // *Goncharov: zhivaja perspektiva prozy: nauch. st. o tvorcestve I.A. Goncharova* [Goncharov: The Living Prospect of Prose: Scientific Articles on the Works of I.A. Goncharov]. Bibliotheca Slavica Savariensis. T. XIII. Szombathely: University of West Hungary Press, 2013. Pp. 38–49.

Goose N.A. *Hudozhestvennyj mir romanov I.A. Goncharova* [The Artistic World of I.A. Goncharov's Novels]. 2nd ed., corrected and suppl. Biysk: Biysk Humanitarian and Pedagogical University named after V.M. Shukshin Press, 2008. 217 p.

Kazakova S.K. *Ironija sud'by i ironija povestvovanija v romane I.A. Goncharova “Obyknoennaja istorija”* [The Irony of Fate and the Irony of Narration in I.A. Goncharov's Novel “An Ordinary Story”] // *Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 205-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the VI International Scientific Conference Dedicated to the 205th Anniversary of I.A. Goncharov's Birth: Collection of Articles of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies Press*, 2017. Pp. 14–25.

Kormilov S.I. *Stolbovoj dvorjanin i znaki social'nogo prestizha: chiny, ordena, tituly v “Oblomove” I.A. Goncharova* [A Pillar of Nobleman and Signs of Social Prestige: Ranks, Orders, and Titles in “Oblomov” by I.A. Goncharov] // *Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 200-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the V International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of I.A. Goncharov's Birth: Collection of Articles of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies Press*, 2012. Pp. 131–143.

Krasnoshchekova E.A. *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva* [Ivan Aleksandrovich Goncharov: The World of Creativity]. SPb.: Pushkin Fund Press, 1997. 494 p.

Loskutnikova M.B. *Motiv truda i novatorskij tip geroja – predprinimatelja i promyshlennika v romane I.A. Goncharova “Obyknovennaja istorija”* [The Motive of Labor and the Innovative Type of the Hero – Entrepreneur and Industrialist in I.A. Goncharov’s Novel “An Ordinary Story”] // *Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 210-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the VII International Scientific Conference Dedicated to the 210th Anniversary of I.A. Goncharov’s Birth: Collection of Articles of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies* Press, 2023. Pp. 142–151.

Loskutnikova M.B. *Polikul’turnoe ponimanie ironii v tvorchestve I. Goncharova i osobennosti issledovatel’skih pozicij* [Multicultural Understanding of Irony in the Works of I. Goncharov and Features of Research Positions] // *Rusistika i komparativistika: sb. nauch. st.* [Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles]. Issue 8. Vilnius: Lithuanian University of Education Press, 2013. Pp. 21–35.

Nedzvetsky V.A. *I.A. Goncharov – romanist i hudozhnik* [I.A. Goncharov as Novelist and Artist]. M.: Moscow State University Press, 1992. 176 p.

Nedzvetsky V.A. *Roman I.A. Goncharova “Oblomov”: Putevoditel’ po tekstu* [I.A. Goncharov’s Novel “Oblomov”: The Guide to the Text]. M.: Moscow State University Press, 2010. 224 p.

Otradin M.V. *Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste* [I.A. Goncharov’s Prose in the Literary Context]. SPb.: St. Petersburg State University Press, 1994. 169 p.

Pavlovich V.V. *Recepcija A.V. Nikitenko romana I.A. Goncharova “Oblomov”* [Reception of I.A. Goncharov’s Novel “Oblomov” by A.V. Nikitenko] // *Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 210-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the VII International Scientific Conference Dedicated to the 210th Anniversary of I.A. Goncharov’s Birth: Collection of Articles of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies* Press, 2023. Pp. 311–325.

Postnov O.G. *Jestetika I.A. Goncharova* [Aesthetics of I.A. Goncharov]. Novosibirsk: *Science. Siberian Publishing House, Printing and Bookselling Enterprise*, 1997. 240 p.

Prutskov N.I. *Masterstvo Goncharova-romanista* [Mastery of Goncharov as the Novelist]. M.; L.: USSR Academy of Sciences Press, 1962. 230 p.

Zeitlin A.G. *Goncharov Ivan Aleksandrovich* [Goncharov Ivan Aleksandrovich] // *Literaturnaja jenciklopedija* [Literary Encyclopedia]: in 12 vols. V. 2. M.: *Communist Academy* Press, 1930. Columns 616–626.

Shaikevich A.Ya., Andryushchenko V.M., Rebetskaya N.A. *Distributivno-statisticheskij analiz jazyka russkoj prozy 1850–1870-h gg.* [Distributional

and Statistical Analysis of the Language of Russian Prose of the 1850–1870s]. V. 2. M.: YASK Press, 2016. 848 p.

Shutaya N.K. *Doroga k usad'be (na materiale romanov I.A. Goncharova)* [The Road to the Estate (Based on the Novels of I.A. Goncharov)] // *Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 200-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the V International Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of I.A. Goncharov's Birth: Collection of Articles of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies* Press, 2012. Pp. 58–65.

Erlich M.A. *Kljuchevye koncepty soznaniya peterburgskogo chinovnika v romannoј trilogii I.A. Goncharova* [Key Concepts of Consciousness of a St. Petersburg Official in the Novel Trilogy by I.A. Goncharov] // *Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 210-letiju so dnja rozhdenija I.A. Goncharova: sb. st. rus. i zarub. avtorov* [Proceedings of the VII International Scientific Conference Dedicated to the 210th Anniversary of the I.A. Goncharov's Birth: Collection of Articles of Russian and Foreign Authors]. Ulyanovsk: *Corporation of Promotion of Technologies* Press, 2023. Pp. 106–111.

Сведения об авторе

Лоскутникова Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: теория литературы, история русской литературы XIX–XX веков, компаративистика.

Information about the Author

Maria B. Loskutnikova – PhD (Philology), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: literary theory, history of Russian literature of the XIX–XX-th centuries, comparative studies.

Научно-исследовательская статья

УДК 821.161.1-31 Толстой Л.О

DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-118-131

ПРИНЦИП УРОБОРОСА И «ЗАВЕРШАЮЩИЙ ДЕТСКИЙ ОБРАЗ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.Н. ТОЛСТОГО

Полтавец Елена Юрьевна

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
poltavetseyu@mgpu.ru; AuthorID: 763589, <https://orcid.org/0000-0002-8915-8044>

Аннотация. В статье рассматриваются закономерности эпической сюжетной структуры, которые встречаются в произведениях Толстого: удвоение сюжетной ситуации, условность границ эпического сюжета, открытый финал, «завершающий» детский образ. Семантика образа ребенка часто связана с умалением, слабостью, кенозисом. Но образ ребенка – это зачастую и архетип героя. Образы детей в романе «Воскресение» символизируют будущее развитие, в финале романа цитируются слова Христа о детях. В «Войне и мире» завершающий детский образ (финал первой части «Эпилога») оказывается метаобразом, то есть не только удвоением героической ситуации отца Николеньки Болконского, но и автопсихологической отсылкой Толстого к его детским впечатлениям, давшим впоследствии начало замыслу религиозно-дидактического эпоса, построенного по модели сакрального текста. Сюжетная часть «Войны и мира» заканчивается по модели уробороса – изображением начального импульса ко всему писанию.

Ключевые слова: сюжет, кенозис, открытый финал, писание, Евангелие, «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение».

Для цитирования: Полтавец Е.Ю. Принцип уробороса и «завершающий детский образ» в произведениях Л.Н. Толстого // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 118–131. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-118-131.

Original research article

OUROBOROS PRINCIPLE AND “THE FINAL IMAGE OF A CHILD” IN THE WORKS OF L.N. TOLSTOY

Elena Yu. Poltavets

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

poltavetseyu@mgpu.ru; AuthorID: 763589, <https://orcid.org/0000-0002-8915-8044>

Abstract. The article considers the regularities of the epic plot structure, which are found in Tolstoy’s works: doubling of the plot situation, conventionality of the borders of the epic plot, open ending, “concluding” child image. The semantics of the image of the child is often associated with diminishment, weakness, kenosis. But the image of the child is often the archetype

of the hero. The images of children symbolize future development in the novel “Resurrection”, Christ’s words about children are quoted in the finale of the novel. In “War and Peace” the concluding image of the child (the finale of the first part of the “Epilogue”) turns out to be a meta-image, that is, not only a doubling of the heroic situation of Nikolenka Bolkonsky’s father, but also Tolstoy’s autopsychological reference to his childhood experiences, which later gave rise to the idea of a religious-didactic epic, built on the model of a sacred text. The narrative part of War and Peace ends according to the model of the ouroboros – depicting the initial impulse to the whole “scripture”.

Keywords: plot, kenosis, open ending, scripture, gospel, “War and Peace”, “Anna Karenina”, “Resurrection”.

For citation: Poltavets Elena Yu. Ouroboros Principle and “the Final Image of a Child” in the Works of L.N. Tolstoy // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. VIII. M.: IKD “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2024. Pp. 118–131. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-118-131.

© Полтавец Е.Ю., 2024

Введение

В терминах исследований по сюжетике выявление инвариантных для большой эпической формы сюжетных структур показывает, что подчиненные структуры детерминируются «основной сюжетной ситуацией» [Тамарченко, 2004, с. 314] произведения. По определению С.Г. Бочарова, в «Войне и мире» Л.Н. Толстого «коренная <...> ситуация, которая может раскрыться так же глубоко в событии бытовом и семейном, как и в событии, которое называется историческим», – «свобода, соединенная с катастрофой, великим кризисом» [Бочаров, 1971, с. 11, 12]. Поддерживая взгляд С.Г. Бочарова на «основную» сюжетную ситуацию как на определяющую другие сюжетные черты произведения, Н.Д. Тамарченко выявляет некоторые особенности эпического сюжета: дубликация (удвоение, повтор ситуации, парные события), зеркальность, эпическая ретардация, «равновесие и равноправие случая и необходимости», «условность границ сюжета» (открытый финал) [Тамарченко, 2004, с. 317, 318]. Эти закономерности эпической сюжетной структуры ученый иллюстрирует примерами толстовской эпики, причем открытость финала, особенно такая ситуация, «где конец рассказанной истории одновременно является началом новой» [Тамарченко, 2004, с. 319], по мысли ученого, связаны с идеей бесконечности времени, которая, в свою очередь, часто выражается в детских образах, характерных для сюжетно-образной структуры романских финалов. Рассмотрим с этой точки зрения эпiku Л.Н. Толстого – романы и повесть «Смерть Ивана Ильича» – подробнее.

Основная часть

В мифопоэтическом аспекте основной, или «коренной», сюжетной ситуацией «Войны и мира» Толстого является «основной миф». В этом случае

«завершающий» образ ребенка приобретает семантику непобедимости, неуничтожимости, фениксоподобной сущности. Но семантика возрождения тесно связана с комплексом жертвы и комплексом спасителя. Тогда «детскость» – качество богоугодное, желательное, аспект смирения, кенозиса. В сказке и мифе не только дети, но и волшебные маленькие существа: карлики, кабиры, цверги, гномы, пикси и т. п. – могут быть представителями новых ценностей или спасительных энергий, при этом они часто ребячливы, легкомысленны, неосмотрительны, а если по-детски эгоистичны, то для компенсации своего маленького роста.

Кенотический смысл детскости-святости раскрывает Т.М. Горичева, отмечая, что «высшая мудрость», идейный итог произведения зачастую воплощается в «завершающем детском образе»: «В мировой культуре немало “завершающих” детских образов – детей и подростков, являющихся в конце» [Горичева, 1994, с. 75]. Опираясь на психоаналитическую концепцию мифа, в основном на труды К.Г. Юнга, Горичева подчеркивает парадоксальность кенозиса детскости: «Силы ребенка превосходят всякую возможную меру, он ничто, и он же одновременно божество. Самое маленькое (смирненное, кроткое) становится самым великим» [Горичева, 1994, с. 74–75]. (Но такова концепция кенозиса и в Новом Завете, не говоря уже о даосской философии и буддийской доктрине, хотя кенозис – понятие христианства.) Напомним, что в работах К.Г. Юнга архетип ребенка рассматривается не только как символ будущего, но и как матрица героя-спасителя. «Спаситель либо тождествен со стихией невзрачного, либо появляется из нее. Он рождается вновь и вновь, <...> как бы предтеча или первенец нового поколения человеческого и появляется неожиданно на неправдоподобном месте <...>. Этот архетип “младенца-бога” очень распространен и находится в теснейшем переплетении с другими мифологическими аспектами мотива младенца» [Юнг, 1991, с. 124].

Таким образом, условность границ эпического сюжета, которая может выражаться как «сочетание мотивов смерти и рождения, а также образы детей в финалах различных романов» [Тамарченко, 2004, с. 320] говорят о развертывании в произведении мифопоэтической картины мира. Два великих толстовских романа – «Война и мир» и «Воскресение» – заканчиваются религиозными финалами, ориентированными именно на завершающий детский образ («Война и мир») и завершающий детски-кенотический мотив («*Кто умалится, как это дитя, тот и больше в царстве небесном*», – читает герой «Воскресения» Нехлюдов в Евангелии от Матфея [Толстой, 1983, т. 13, с. 453]). Чтению Евангелия Нехлюдов предается в знаменательный для себя день, когда он получает известие об освобождении Катюши и вместе с тем ее отказ от брака с ним. «Началась для Нехлюдова совсем новая жизнь» [Толстой, 1983, т. 13, с. 458], и этому открытому финалу «Воскресения» предшествует в ряду других эпизод, который может показаться незначительным на фоне таких событий, как объяснение Нехлюдова с Катюшей и его тяжелые острожные

впечатления. Это эпизод посещения детской в доме генерала, когда Нехлюдов видит его внуков и разговаривает с дочерью генерала, матерью малышей.

В романе очень много образов детей, и, как пишет О.Н. Виноградова, «образы детей служат маркерами того, насколько сильно в обществе взрослых проявляется божье царство» [Виноградова, 2024, с. 114]. Эпизод в детской (глава XXIV третьей части), последнее изображение детей в «Воскресении», приобретает и дополнительные смысловые обертоны, как бы накладывающиеся на «незавершенность» финала. Когда Нехлюдов смотрел на детей, ему «стало завидно и захотелось себе такого же изящного, чистого, как ему казалось теперь, счастья» [Толстой, 1983, т. 13, с. 443]. Но, находясь в сильной позиции текста произведения, структурированного как сакральный текст, это выражение мечтаний героя приобретает гораздо более широкий смысл, чем только намек автора на счастливое будущее Нехлюдова, как бы предполагаемое уже за рамками романного повествования. Обратимся вновь к концепции К.Г. Юнга: «Ребенок – это потенциальное будущее. Поэтому возникновение мотива ребенка в психологии индивида означает, как правило, предвосхищение грядущего развития» [Юнг (b), 2009, с. 95]. Завершающий все произведение (в «Воскресении» – созданный в одной из последних глав) образ младенчества должен предвосхищать «грядущее развитие», причем не только главного героя, но и общее движение людей от духовной смерти к воскресению. (Похожая завершающая роман структура определяет концовку сюжетной линии Константина Левина в «Анне Карениной» Толстого: Кити занята мытьем ребенка, Левин же занят своими умственными философскими построениями и размышляет о будущем. Но в «Анне Карениной» мотив «грядущего развития» окрашен не то чтобы иронией, а совершенно справедливым недоверием автора к духовному потенциалу героя, поэтому левинские размышления прерываются его женой, которая, в соответствии со своим именем («Катерина» – «чистая»), требует от супруга то созерцания мытья младенца, то сочувствия к установке нового умывальника.)

Интересный рамочный штрих, на который указала О.Н. Виноградова, семантически усиливает открытый финал «Воскресения» и подчеркивает как смысл названия, так и мотив будущего. Толстой завершает текст датой: «16 декабря 1899 года. Конец» [Толстой, 1983, т. 13, с. 458]. «16 декабря 1899 года было субботой. На том, что указанный год – “подход” к границе столетия, акцентировали внимание многие исследователи творчества Толстого; однако на то, что этот день был субботой, никто, пожалуй, не обращал внимания, – пишет исследовательница. – Вряд ли Толстой завершил свое творение (которое он сам ставил выше прежних романов) простой датой фактического окончания написания текста. А вот вероятность того, что указанной в романе датой писатель хотел показать грядущее, по его замыслу, воскресение не только Нехлюдова, но и всех других людей, – очень велика» [Виноградова, 2024, с. 163–164]. Таким образом, две ультрапозиции текста –

название и последний рамочный элемент – перекликаются как начало и итог, поменявшиеся местами. В скобках заметим, что вывод Дж. Гивенса о заглавии «Воскресения» («Заглавие романа несет в себе умышленную иронию <...> ... Воскресения тела нет ни в романе Толстого, ни в его христианстве» [Гивенс, 2021, с. 178–179]) скорее принадлежит богословию, чем филологии. То, что «новая жизнь», по мысли Толстого, может начаться лишь с воскресения души, а не тела, осознается при чтении первых же страниц романа. Нарочитое же (хотя и деликатное) выражение сожаления по поводу апостасии Толстого в наши дни по меньшей мере странно.

В первом романе Толстого – «Семейном счастье» – повествовательная схема не дает развернуться мифологическому смыслу финала. В последней сцене Сергей Михайлович и Маша любят своего малышом. Повествованию от лица героини и ее ограниченному взгляду доступны самые непосредственные параллели: Богородица с младенцем, Покров Богородицы. («Я быстро закрыла лицо ребенка и опять открыла его. <...> Я опять быстро закрыла Ивана Сергеевича. Никто, кроме меня, не должен был долго смотреть на него» [Толстой, 1979, т. 3, с. 151].) И все же намек на «грядущее развитие» дается в последнем абзаце романа, хотя это развитие ограничено рамками семейного счастья героев. Для Маши, обнимающей своего младенца и окончательно примиренной с мужем, начинается «другая, но уже совершенно иначе счастливая жизнь» [Толстой, 1979, т. 3, с. 151]. Мотив защиты, укрывания ребенка матерью, как бы проецирующийся на Покров Божией Матери, звучит и в «Воскресении», в эпизоде посещения Нехлюдовым детской в доме генерала и в фенологической детали на последних страницах романа: «Шел ключьями спорый снег и уже засыпал дорогу, и крышу, и деревья сада...» [Толстой, 1983, т. 13, с. 443].

Завершающий образ ребенка как символ обновления, «иной жизни», «новой жизни» присутствует в повести «Смерть Ивана Ильича». По мнению З. Хайнади, в повести «смерть реализуется как возрождение» [Хайнади, 2009, с. 327], и для понимания этого толстовского шедевра следует «раскрыть в глубине структуры конкретного текста мотивационную систему архетипических мифологем – *феникс, лестница, черная дыра, свет* – и провести обратно до их первичной формы и изначального мифа, которые для воспринимающего читателя универсализируют мистерию смерти и возрождения» [Хайнади, 2009, с. 332]. Венгерский исследователь сравнивает прозрение Ивана Ильича перед смертью с возрождением феникса из пепла и подчеркивает, что с Иваном Ильичом в тексте повести связан французский фразеологизм «*le phenix de la famille*» [Толстой, 1982, т. 12, с. 62].

«Phenix», действительно, является импликацией темы возрождения, ведь для Ивана Ильича в момент смерти становится ясно, что смерти «нет больше» [Толстой, 1982, т. 12, с. 107]. Но финал повести дает более веские основания для сопоставления «с изначальным мифом» [Хайнади, 2009,

с. 332]. После смерти волшебная птица возрождается в сыне, новом фениксе, который, согласно Овидию и Геродоту, «отправляется из Аравии в храм Гелиоса и несет туда положенного в благовонную смолу своего отца и там хоронит его» [Геродот, 2014, с. 225]. К умирающему Ивану Ильичу пробрался его сын, «гимназистик», стал, плача, целовать руку отца. Тут-то и наступает просветление, страх смерти сменяется в душе Ивана Ильича любовью к близким, которая освещает другим светом всю его завершившуюся жизнь. Тема возродившегося феникса поддерживается и в описании «гимназистика», который поражает своим сходством с отцом приехавшего на панихиду Петра Ивановича, старинного приятеля Ивана Ильича еще по училищу правоведения. «Это был маленький Иван Ильич, каким Петр Иванович помнил его в Правоведении» [Толстой, 1982, т. 12, с. 61].

Итак, образ ребенка в финале повести «Смерть Ивана Ильича» является и символом «грядущего развития», и символом трансформации. Конечно, сын Ивана Ильича не метафоризируется как воскресший отец. Отсылка к мифической палингенесии феникса нужна потому, что говорит о смерти как о начале иного существования, знание о котором недоступно и может быть лишь обозначено с помощью орнитометафоры (птица – душа). Душа Ивана Ильича воскресает в тот момент, когда сын приходит плакать об отце (как птенец феникса). Сравнение предсмертного ужаса с неумолимым путем железной дороги (знаменитый лейтмотив творчества Толстого, маркирующий его танатологию и его танатоборчество) сменяется изображением мгновенной метаноии, которая наступает в момент прихода «гимназистика»: «В это самое время Иван Ильич провалился, увидел свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить» [Толстой, 1982, т. 12, с. 106]. Смерть побеждается осознанием нравственной истины даже в самые последние часы жизни, и это подчеркнуто рамочным элементом повести. Дата, поставленная в конце повести «Смерть Ивана Ильича», – «25 марта 1886 года» – отсылает к празднику Благовещения, т. е. семантизирует финал в том же ключе, что и импликатура, завершающая текст «Воскресения».

Наиболее развернутым, объемным и полифункциональным является завершающий образ ребенка в «Войне и мире». Сюжетное повествование в религиозно-дидактическом эпосе Толстого заканчивается в первой части «Эпилога» сном Николеньки Болконского и его обещанием отцу. Сын князя Андрея – тот единственный персонаж «Войны и мира», который присутствует и в первой, и в последней сцене этого уникального в мировой литературе явления, сравнимого даже не столько с гомеровским эпосом, сколько с Библией или с таким «литературным чудовищем» (выражение выдающегося австрийского и чешского санскритолога М. Винтерница), как «Махабхарата», религиозно-дидактический эпос древней Индии. Из всего числа персонажей «Войны и мира», близкого к шести сотням, только один Николенька Болконский – «открывающий» и «завершающий» персонаж,

причем он незримо присутствует при разговоре о войне и мире в салоне Шерер (о приезде Лизы Болконской к Анне Шерер автор сообщает сразу же после диалога хозяйки салона с Василием Курагиным) и не замечаем взрослыми, когда они спорят о войне и мире (бунте и новой пугачевщине) в «Эпилоге».

Прежде всего обратим внимание на связанный с образами князя Андрея и Николеньки орнитосемантический мотив. Орнитосимволика, базирующаяся на бессознательном, раскрывается с точки зрения психоаналитики мифа следующим образом: «Когда человек умирает, мы желаем, чтобы он жил, – это неисполнимое, носящееся в воздухе желание; поэтому и души *суть птицы*» [Юнг, 1998, с. 353]. Репрезентанты мотива «птицы небесной» (общемифологическая метафора души) в «Войне и мире» получают евангельскую подсветку в предсмертных размышлениях князя Андрея: «Птицы небесные ни сеют, ни жнут, но Отец ваш питает их» [Толстой, т. 7, с. 65]. Мысленно повторяемая Болконским фраза о птицах совпадает с церковнославянским стихом из Евангелия от Матфея за вычетом нескольких слов («яко», «ни собирають въ житницы», «небесный») и с переменной союза «и» на «но». («Воззрите на птицы небесныя, яко ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их» (Мф.: 6, 26).)

С образом сына князя Андрея связан метонимический мотив птицы – перо. В «Эпилоге» важны упоминания о «перьях и сургучах» на письменном столе Николая Ростова, которые в волнении вертит в руках увлеченно слушающий Пьера Николенька Болконский. Взрослым не до него, в пылу оживленных споров в гостиной и в кабинете Николая они, как обычно, забывают о мальчишке, и он «сидел никем не замечаемый в уголку» или «в тени» [Толстой, 1981, т. 7, с. 294, 295]. Это ситуация сказочного и мифологического героя типа «золушки», сюжетная модель обездоленного ребенка, «бедного сиротки» [Мелетинский, 2005], накладывающаяся на кенозис «детскости» завершающего образа (недаром даже любящая тетка, графиня Марья, заменившая мать осиротевшему племяннику, обеспокоена: «Я забываю его за своими. <...> У него никого нет. Он вечно один с своими мыслями» [Толстой, 1981, т. 7, с. 301]). Попутно заметим, что эта ситуация обычно интерпретируется как проявление автобиографизма: осиротевших детей Толстых – Льва и его братьев и сестру – воспитывали тетушки. Однако в такой же степени это и реализация мифологемы «чудесного рождения героя», обездоленного утратой родившей его матери и воспитанного нуминозной женщиной (а иногда – и самкой животного): легенды о Кире, Ромуле и Реме, Сиддхартхе Гаутаме, предания о Гайавате и т. п.

В волшебных сказках о Финисте, Жар-птице, уточке-девушке и т. д. перо является оператором трансфигурации или оживления, проводником, чудесным помощником, средством защиты или выступает в роли предсказателя судьбы. Именно перышко Финиста просит у отца младшая дочь в сказке. Перышки сбрасывают с неба Хромой Уточке ее подруги. В самых древних культурах

перо означало мысль, интуицию, вдохновение, получение откровения или молитву. Взять в руки перо – просить помощи у богов и получить творческий импульс из глубин бессознательного. Молитвенное обращение Николеньки к отцу в «Эпилоге» подготовлено упоминанием о перьях и связывает мальчика с птицей-отцом, как с тотемом.

Перья на письменном столе превращаются в перья во сне Николеньки, затем мальчику снится отец, причем в виде божества. Мотив воды в сне Николеньки связан с мотивом чудесного рождения (в мифе это мотив чудесно найденного в реке или обещанного духу воды ребенка, чему соответствует неожиданное возвращение князя Андрея в Лысье Горы в метельную ночь, когда родился Николенька). В сказке и мифе утраченный отец оставляет или посылает сыну чудесного помощника в виде волшебного предмета, а в снах именно от фигуры отца исходят предсказания и мудрые советы (см.: [Велецкая, 2009]).

Но еще важнее другое: «перья» не только маркируют орнитомотив, связывая образ Николеньки с образом его отца, «птицы небесной», но и служат манифестантом нового важного учения, которое должно быть создано героем. «Птичье перо обозначает Слово» [Керлот, 1994, с. 393]. Эту символику пера в мифе и сказке раскрывает ученица Юнга М.-Л. фон Франц: «Так как у сказочного героя есть перо для письма, создается такое впечатление, что в один прекрасный день он должен написать, например, какие-то новые толкования бессознательного» [Франц, 2010, с. 84]. По мнению специалиста в области психологической интерпретации мифа и сказки, образы пера и «писания» порождены потребностью выразить тайные еретические учения, «новые писания, представлявшие собой попытки иных толкований христианского вероучения» [Франц, 2010, с. 83] (например, рукописи альбигойцев, катаров, легенда о святом Граале).

Первая часть «Эпилога» и весь сюжет «Войны и мира» заканчивается предчувствием жертвы и готовностью Николеньки к ней. Ночная молитва и обращение к отцу – аллюзия на Гефсиманское моление Иисуса и осознание предстоящей Голгофы. Три раза обращался Иисус к Отцу, а ученики его в это время не могли побороть сон. Николенька видит спящего Десалея, плачет, обращается к отцу, обещает исполнить его волю. Сын князя Андрея трижды произносит слово «отец», причем местоимение «он» в последних словах Николеньки, завершающих рассказ о героях «Войны и мира», выделено курсивом, т. е. маркирует сакральное значение: «отец» для Николеньки – это и князь Андрей, и Бог. Аналогом голгофского локуса выступает и образ сакрального пространства, имени Болконских «Лысье Горы» (этот топоним соотносится не с нечистой силой и плясками ведьм, а с Голгофой, т. к. по-древнееврейски *Gulgoleth* есть «череп», «лобное место», «похожая на череп гора, где был распят Иисус» [Мак-Ким, 2004, с. 93], и входит, таким образом, в систему апокрифической ономастики «Войны и мира»

(подробнее см.: [Полтавец, 2015, с. 58–62]). В размышлениях Николеньки тема вольной жертвы поддерживается также упоминанием о плутарховском Сцеволе (отношение Толстого к Плутарху было не таким однозначно неприязненным, как принято думать в свете авторских сравнений стиля Плутарха с великосветской риторикой).

«В последней сцене “Войны и мира” “отец”, князь Андрей, посылает в мир своего, подобного себе сына и предписывает ему самоотвержение, славу-добро и любовь» [Берман, 1992, с. 155], – пишет Б.И. Берман, посвятивший глубокое исследование семантике и функциональному взаимодействию образов отца и сына – Андрея и Николеньки Болконских – в «Войне и мире». Образ князя Андрея был для Толстого чем-то вроде вербальной иконы, «“образом” в том смысле, который мы имеем в виду, говоря “образа”, а не образы» [Берман, 1992, с. 190].

Действительно, в качестве вербальной иконы образ князя Андрея – это явление, сопоставимое с «романными иконами» в произведениях Ф.М. Достоевского (подробно изученными Т.А. Касаткиной), с той, однако, разницей, что у Достоевского «романная икона» предстает имплицитным религиозным экфрасисом и отсылает к определенному типу иконописных сюжетов, типу православных икон. Толстой же, во-первых, сознательно уходит не только от какого бы то ни было иконописного сюжета, но и от намеков на визуализацию («Николенька никогда не воображал князя Андрея в человеческом образе», «отец не имел образа и формы» [Толстой, 1981, т. 7, с. 308]), во-вторых, автору «Войны и мира» не столь важна христианская аксиология, сколь экзегеза сакрального текста и уяснение его сюжетной структуры: Евангелие, *Книга*, выступает как модель построения нового религиозно-дидактического и сотериологического текста – «Войны и мира». Потому-то тема «отца» и вольной жертвы «сына» в «Эпилоге» вбирает в себя не только христианские смысловые обертоны: это и плутарховский Сцевола, спаситель Рима, и даосский «великий образ», не имеющий «образа и формы» («Великий образ не имеет формы» [Дао дэ Цзин, 1998, с. 45].) Итак, помимо аллюзионной новозаветной прагматики, эпизод пробуждения Николеньки и его мысленного обращения к отцу манифестирует еще более важное для Толстого значение последних страниц «Эпилога» – его, Толстого, собственное религиозное творчество и изображение Николеньки как будущего создателя и провозвестника этого нового религиозного учения (экуменического в широком смысле).

Б.И. Берман убедительно обосновал вывод, что в образе Николеньки Толстой имплицитно подразумевает самого себя. Смысл последней сцены «Войны и мира» уточняется исследователем: «Князь Андрей, “отец”, посылает в грядущее, в жизнь, своего, подобного себе сына, то есть, как мы понимаем теперь, духовную ипостась Толстого – самого Толстого» [Берман, 1992, с. 190]. Обретенный во время писания «Войны и мира» духовный опыт Толстой

обобщает в «Эпилоге», рисуя не просто «завершающий детский образ», а завершающий образ ребенка с пером, т. е. символ создания в будущем нового «священного писания».

Близкий подходу Б.И. Бермана метод интерпретации «суб-текста» («текста в тексте», представляющего собой сочинения героя, его сны, видения) демонстрирует болгарский исследователь Л. Димитров, анализируя гимн Вальсингама («Пир во время чумы» А.С. Пушкина): «Эти суб-тексты функционируют как “локусы” для трансфера общих для всего цикла мотивов. Можно сказать, что в “творческом акте” персонажа автор имплицитно себя, дублирует свою креативную миссию, предоставляя возможность “Сыну” уподобиться “Отцу”» [Димитров, 1999, с. 177]. Ночное вдохновение Вальсингама (гимн – это жанр сакральный) исследователь относит к «архетипной модели творческого акта» [Димитров, 1999, с. 177]. «Эпилог» толстовской *книги* построен похожим образом, однако в сакральном пространстве «Эпилога» автор отождествляет себя именно с «сыном», Николенькой, предписывая самому себе выполнение и креативной, и сотериологической миссии, которой «даже Он», князь Андрей, «Отец», был бы доволен.

Выводы

Итак, «завершающий детский образ» в открытом финале «Войны и мира» отвечает эпической идее бесконечности времени, «вечного возвращения» и эпическому закону итеративности «основного события». Но кроме того, в финале выясняется, что это магистральный образ. Ребенок с пером еще и символизирует не просто будущее развитие, а необходимость создания нового «священного писания», нового учения (по мысли адептов юнгианской психологии, вероятный прогресс в будущем разрешении конфликтов может основываться на создании такой этической и/или религиозной установки, которая переводила бы конфликт в иную, трансцендентную по отношению к конфликтующим сторонам плоскость). Рассказ Плутарха о Сцеволе, как ни странно, вполне отвечает такой модели: совершенно неожиданные для Порсены откровенность и жертва Сцеволы привели к тому, что война этрусков с Римом сменилась миром и даже сотрудничеством. Точно так же, по логике толстовской историософии, полководец-непротивленец Кутузов и весь русский народ побеждает завоевателя всей Европы Наполеона. В связи с этим нельзя не вспомнить тезис К.Г. Юнга: «Философия внутренне – не что иное, как утонченная сублимированная мифология» [Юнг (а), 2009, с. 657].

Сломанные, не пригодные для писания перья символизируют тайное, бессознательное, они даже сняты Николеньке, но из сновидческого, бессознательного приходит и просветление, решение проблемы. (Как и его отец, Николенька никогда не остается в темноте: «Мальчик боялся темноты, и его не могли отучить от этого недостатка» [Толстой, 1981, т. 7, с. 307].)

Конфликт войны и мира (во всех значениях этого слова) снимается явлением Отца и осознанием будущего самопожертвования, горящая лампада выступает сигнализатором будущего творческого вдохновения. Николенька предчувствует, а автор, создавая строки о пробуждении юного Болконского, творит новое священное писание. Вещий сон и пробуждение Николеньки – это метаситуация осознания проповедником своей сотериологической миссии. В детстве братья Толстые искали зеленую палочку, в 1855 году молодой Толстой в Севастополе мечтал об обновлении мира и пришел к идее создания новой, «практической религии». В 1863 году Толстой начал работать над воплощением этого замысла в «Войне и мире». Детский образ в финале – это рекурсия к самому началу создания «Войны и мира», а образ Николеньки – это образ и самого Толстого, тайное «я» автора, еще в детстве получившего те впечатления, которые позже обернулись импульсом к написанию великой книги.

Подобно уроборосу, «Война и мир» заканчивается (финал первой части «Эпилога») той ситуацией, с которой ее создание начиналось.

Источники

Геродот. История. М.: Академический проект, 2014. 599 с.

Дао дэ Цзин / Пер. с кит. Ян Хин-шуна. СПб.: Азбука, 1998. 96 с.

Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 тт. М.: Художественная литература, 1978–1985.

Литература

Берман Б.И. Сокровенный Толстой. М.: Гендальф, 1992. 207 с.

Бочаров С.Г. «Война и мир» Л.Н. Толстого // Три шедевра русской классики. М.: Художественная литература, 1971. С. 7–104.

Велецкая Н.Н. Символы славянского язычества. М.: Вече, 2009. 316 с.

Виноградова О.Н. Система мифомотивов романа Л.Н. Толстого «Воскресение». Новокузнецк: Знание-М, 2024. 204 с.

Гивенс Дж. Образ Христа в русской литературе / Пер. с англ. О. Бараш. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2021. 351 с.

Горичева Т.М. О кенозисе русской культуры // Христианство и русская литература: сб. ст. СПб.: Наука, 1994. С. 50–88.

Димитров Л. Чума – другое имя розы (мифопоэтика пушкинской маленькой трагедии «Пир во время чумы») // Университетский пушкинский сборник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 176–183.

Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.

Мак-Ким Д.К. Вестминстерский словарь теологических терминов. М.: Республика, 2004. 503 с.

Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Академия исследований культуры; Традиция, 2005. 240 с.

Полтавец Е.Ю. Мифопоэтика «Войны и мира» Л.Н. Толстого. М.: ЛЕНАНД, 2015. 224 с.

Тамарченко Н.Д. Структура сюжета в большой эпической форме // Литературоведение как литература: сб. в честь С.Г. Бочарова / Отв. ред. И.Л. Попова. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-Традиция, 2004. С. 313–320.

Франц М.-Л. фон. Феномены тени и зла в волшебных сказках / Пер. с англ. В. Мершавки. М.: Класс, 2010. 360 с.

Хайнади З. Искусство и метафизика смерти. Лев Толстой и Мартин Хайдеггер // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 304–332.

Юнг К.Г. К пониманию психологии архетипа младенца // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе: сб. / Пер. с нем. С.С. Аверинцева. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 119–129.

Юнг К.Г. Символы матери и возрождения // Между Эдипом и Озирисом: становление психоаналитической концепции мифа: сб. / Пер. с нем.; сост. В. Менжулин. Львов: Инициатива; М.: Совершенство, 1998. С. 313–378.

Юнг К.Г. (а). Символы трансформации / Пер. с англ. М.: АСТ, 2009. 731 с.

Юнг К.Г. (б). Структура психики и архетипы / Пер. с нем. Т.А. Ребеко. М.: Академический проект, 2009. 303 с.

References

Sources

Gerodot. *Istoriya* [History]. М.: *Akademicheskij proekt* Press, 2014. 599 p.

Dao de Czin [Dao de Czin] / *Per. s kit. Yan Hin-shuna*. SPb.: *Azbuka* Press, 1998. 96 p.

Tolstoy L.N. *Sobr. soch.: v 22 tt.* [Collected Works: in 22 vols.]. М.: Art Literature Publishing House, 1978–1985.

Literature

Berman B.I. *Sokrovennyj Tolstoy* [Internal Tolstoy]. М.: *Gendalf* Press, 1992. 207 p.

Bocharov S.G. «*Vojna i mir*» L.N. Tolstogo [“War and Peace” by Leo Tolstoy] // *Tri shedevra russkoj klassiki* [Three Centuries of Russian Classics]. М.: Art Literature Publishing House, 1971. Pp. 7–104.

Veletskaya N.N. *Simvolj slavyanskogo yazychestva* [Symbols of Slavic Paganism]. М.: *Veche* Press, 2009. 316 p.

Vinogradova O.N. *Sistema mifomotivov romana L.N. Tolstogo «Voskresenie»* [The System of Mythomotifs of L.N. Tolstoy’s Novel “Resurrection”]. Novokuznetsk: *Znanie-M* Press, 2024. 204 p.

Givens J. *Obraz Hrista v russkoj literature* [The Image of Christ in Russian Literature] / Translation from English by O. Barash. Boston; SPb.: Academic Studies Press; *Bibliorossika* Press, 2021. 351 p.

Goricheva T.M. *O kenozise russkoj kul'tury* [On the Kenosis of Russian Culture] // *Hristianstvo i russkaja literatura: Sb. statej* [Christianity and Russian Literature: Collection of Articles]. SPb.: Nauka Publishing House, 1994. Pp. 50–88.

Dimitrov L. *Chuma – drugoe imya rozy (mifopoetika pushkinskoj malen'koj tragedii «Pir vo vremya chumy»)* [Plague Is Another Name for a Rose (Mythopoeitics of Pushkin's Little Tragedy "A Feast During the Plague")] // *Universitetskij pushkinskij sbornik* [University Pushkin Collection]. M.: Moscow State University Press, 1999. Pp. 176–183.

Kerlot H.E. *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. M.: REFL-book Press, 1994. 608 p.

McKim D.K. *Vestminsterskij slovar' teologicheskikh terminov* [Westminster Dictionary of Theological Terms]. M.: Respublika Press, 2004. 503 p.

Meletinsky E.M. *Geroj volshebnoj skazki* [The Hero of a Fairy Tale]. M.; SPb.: Akademiya issledovanij kul'tury Press; Tradiciya Press, 2005. 240 p.

Poltavets E.Yu. *Mifopoetika «Vojny i mira» L.N. Tolstogo* [Mythopoeitics of "War and Peace" by L.N. Tolstoy]. M.: LENAND Press, 2015. 224 p.

Tamarchenko N.D. *Struktura syuzheta v bol'shoj epicheskoi forme* [The Structure of the Plot in a Large Epic Form] // *Literaturovedenie kak literatura: Sbornik v chest' S.G. Bocharova / Otv. red. I.L. Popova* [Literary Criticism as Literature: Collection in honor of S.G. Bocharov / Ed. I.L. Popova]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury Press; Progress-Tradiciya Press, 2004. Pp. 313–320.

Franz M.-L. von. *Fenomeny teni i zla v volshebnykh skazkakh* [Shadow and Evil in Fairy Tales] / *Per. s angl. V. Mershavki* [Translated from English by V. Mershavka]. M.: Class Press, 2010. 360 p.

Khainadi Z. *Iskusstvo i metafizika smerti. Lev Tolstoj i Martin Hajdegger* [Art and the Metaphysics of Death. Leo Tolstoy and Martin Heidegger] // *Voprosy literatury* [Literary Studies]. 2009. № 5. Pp. 304–332.

Jung K.G. *K ponimaniyu psihologii arhetipa mladenca* [Toward an Understanding of the Psychology of the Archetype of the Infant] // *Samosoznanie evropejskoj kul'tury XX veka / Sbornik. Per. s nem. S.S. Averinceva* [Self-awareness of European Culture in the XX-th century: Collection / Translated from German by S.S. Averintsev]. M.: Political Literature Press, 1991. Pp. 119–129.

Jung K.G. *Simvoly materi i vozrozhdeniya* [Symbols of Mother and Rebirth] // *Mezhdru Edipom i Ozirisom: stanovlenie psihoanaliticheskoj koncepcii mifa. Sbornik / Per. s nem.; sost. V. Menzhulin. L'vov: Inicijativa; M.: Sovershenstvo* [Between Oedipus and Osiris: the Formation of the Psychoanalytic Concept of Myth: Collection / Translated from German; compiled by V. Menzhulin]. Lvov: Initiative Press; M.: Perfection Press, 1998. Pp. 313–378.

Jung K.G. (a). *Simvoly transformacii* [Symbols of Transformation]. M.: AST Press, 2009. 731 p.

Jung K.G. (b). *Struktura psihiki i arhetipy* [Structure of the Psyche and Archetypes] / *Per. s nem. T.A. Rebeko* [Translated from German by T.A. Rebeko].

М.: *Akademicheskij proekt* Press, 2009. 303 p.

Сведения об авторе

Полтавец Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: русская литература XIX века, творчество Л. Толстого.

Information about the Author

Elena Yu. Poltavets – PhD (Philology), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: Russian Literature of the XIX-th century, Leo Tolstoy's works.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА: МАГИСТРАЛЬНЫЕ И ЛАТЕРАЛЬНЫЕ ГРАНИ РАЗВИТИЯ

Научно-исследовательская статья
УДК 821.161.1-1Хлебников041
DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-132-141

«ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС» В СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ В. ХЛЕБНИКОВА: ТРАДИЦИИ ПОЭТИКИ

Гиниятуллин Артём Маратович

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
GiniyatullinAM@mgpu.ru, AuthorID: 1264504

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотнесения различных по своей культурно-исторической специфике художественных явлений: древнерусской поэтики «плетения словес» Епифания Премудрого и поэтической манеры представителя кубофутуризма Велимира Хлебникова. *Научная новизна* работы обусловлена тем, что в ней посредством мифопоэтического, интерпретационного и сравнительно-сопоставительного анализа впервые исследовано влияние средневековой стилистической традиции на творчество писателя-модерниста в рамках такой особой литературной формы как стихотворение в прозе. *Цель* статьи заключается в выявлении специфики художественных связей между обозначенными стилевыми традициями.

Ключевые слова: стихотворение в прозе, орнаментальность, стилизация.

Для цитирования: Гиниятуллин А.М. «Плетение словес» в стихотворениях в прозе В. Хлебникова: традиции поэтики // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 132–141. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-132-141.

Original research article

“WEAVING OF WORDS” IN THE PROSE POEMS OF V. KHLEBNIKOV: TRADITIONS OF THE POETICS

Artyom M. Giniyatullin

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;
GiniyatullinAM@mgpu.ru, AuthorID: 1264504

Abstract. The problem of correlating artistic phenomena that differ in their cultural and historical specificity: the Old Russian poetics of “word weaving” by Epiphanius the Wise and the poetic manner of the representative of Cubo-Futurism Velimir Khlebnikov

is described in the article. *The scientific novelty* of the work is due to the fact that it is the first to study the influence of the medieval stylistic tradition on the work of a modernist writer within the framework of such a special literary form as a prose poem using mythopoetic, interpretative and comparative analysis. *The purpose* of the article is to identify the specificity of artistic connections between the designated stylistic traditions.

Keywords: prose poem, ornamentality, stylization.

For citation: Giniyatullin Artyom M. “Weaving of Words” in the Prose Poems of V. Khlebnikov: Traditions of the Poetics // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD “Zertsalo-M” Press; MCU Press, 2024. Pp. 132–141. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-132-141.

© Гиниятуллин А.М., 2024

Введение

Яркое определение креативной манеры письма Велимира Хлебникова и ее значимости в литературе было дано другим поэтом-современником: «Хлебников возится со словами, как крот, – между тем он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие» [Мандельштам, 1999, с. 222]. Творчество Хлебникова, расширяя границы поэтического языка, восходило к литературным традициям прошлых столетий – к фольклору, русскому барокко, поэтической «школе гармонической точности». Приведённое перечисление следует дополнить указанием на «плетение словес» – стиль, активно реализовавшийся в период расцвета орнаментальной прозы на рубеже XIV–XV веков; в истории древнерусской литературы он проявился в творчестве агиографа Епифания Премудрого.

В научном поле зрения особенности данного стиля – его черты и приёмы – были описаны в ряде монографий и статей [Лихачёв, 1979; Коновалова, 1966 и др.]. Отдельного внимания заслуживает работа современного исследователя: применяя нетрадиционный подход к рассмотрению художественной речи Хлебникова, словесно-звуковой образности в его произведениях (в частности, при рассмотрении поэм «Ладомир», 1920; «Лесная тоска», 1919, 1921; «Уструг Разина», 1922; стихотворения «Ласок...», 1916 и др.), автор отмечает преемственный характер поэтики писателя, в которой наблюдается соотнесение с литургическими текстами, церковно-книжной традицией [Васильев, 2015, с. 133–150]. Отвечая на вопрос о правомерности этого суждения, автор монографии указывает на значимую тенденцию в искусстве Серебряного века: «Различие культурных эпох стиля “плетения словес” и стиля поэта-модерниста начала XX века отнюдь не препятствует их сопоставлению. Отмеченный свойственный эпохе рубежа XIX–XX веков литургический синтез сделал древнерусскую литературу дополнительно и, возможно, несколько неожиданно востребованной» [Васильев, 2015, с. 147]. Также в указанном исследовании обосновывается корректность

соотнесения орнаментальной прозы и поэзии начала XX века.

Кроме того, в научной практике анализа раннего творчества Хлебникова, не без упоминания символистской установки на стирание границы между прозой и стихом, подчеркивалось: «Проза Хлебникова была прозой поэта. Да он и сам обычно не отделял её от своих поэтических произведений» [Степанов, 1975, с. 54].

Исчерпывающее рассмотрение в данной работе всех произведений Хлебникова, содержащих в себе стилизацию заявленной поэтики, не входит в рамки нашей задачи, поэтому *ограничимся рассмотрением лишь жанра «стихотворение в прозе»*. Анализ указанного аспекта осуществляется посредством использования *мифопоэтического, интерпретационного и сравнительно-сопоставительного методов*.

Основная часть

Многоплановость творческого наследия Хлебникова тонко определена О.Э. Мандельштамом, что засвидетельствовано Н.И. Харджиевым при вручении поэту первого тома собрания произведений будетлянина: «В Хлебникове есть всё!» [Харджиев, 2006, с. 336].

Стихотворение в прозе «Быль тьма...» (1905), напоминающее по содержанию притчу, создано на основе концептуального принципа бинарной оппозиции *тьма – свет*. Произведение ориентировано на приемы художественного перефразирования, свойственного евангельской образности. Изображение существ, пребывающих во тьме и «неотличимых от земли» (что в определённой степени напоминает хтонический мир), – это аллегорическое отражение духовной жизни иудейского народа до пришествия Спасителя [здесь и ниже: Хлебников, 2004, с. 8]. Мессианскую функцию возлагает на себя «святлячок», который, благодаря сакральному самопожертвованию, не просто излучением «света» избавляет людей от «скуки жизни», но способствует их прозрению и, наконец, познанию этой силы¹. В реализации оппозиции, заложенной в словесной ткани произведения, представлен постепенный переход слов от прямого их значения к метафорическому, от материального плана изображения к духовному. Эта черта характерна для церковных текстов. (См., например, сопоставление прямого и символического значений слова «хлеб» в «Акафисте благодарственном по причащении святых Христовых тайн».)

В этом стихотворении в прозе, наравне с преломлением традиции литургической поэзии, автор использует прием древнерусского стиля – «извитие словес». Это семантический повтор, выраженный в совокупности повторяемых слов, наделённых одинаковой семой, – так называемое «нанизывание синонимов» (что не предполагает их тесного расположения):

¹ Здесь и ниже курсив в цитатах из произведений Хлебникова, использование полужирного шрифта, выделение частей слов, отдельных букв / звуков и иные акценты – мои. А.М. Гиниятуллин.

«И в этой тьме ползали чьи-то *невзрачные*, липкие, неотличимые от земли существа, чьи-то *незаметные, скучные, тихие жизни*». В дальнейшем в тексте произведения автором использован приём стилистической бинарности «подъём – спад»: «Чего-то им не доставало, чего-то им не хватало, к чему-то они порывались, но они не знали, *что это жизнь скучна, что это скука – жизнью подымается* в них порой и жадно и долго дышит, как чахоточный, и *падает*, схватившись за впалую грудь». Отмеченный приём выполняет функцию не столько противопоставления, сколько всеохватного отражения двойственной природы в ощущении жизненных процессов. По мысли Д.С. Лихачёва, «стилистическая бинарность нужна не только для противопоставления, но и для объединения, для того чтобы подчеркнуть всеобщность, полное распространение явления или понятия на всю область чувств, естества человека, на всю вселенную и т. д.» [Лихачёв, 1979, с. 127].

Частотное употребление в словосочетаниях нескольких лексем, таких как «тьма», «скука» (и однокоренных «скучный», «скучна», «скучно»), «жизнь», «свет», не является стилистической игрой. На этой основе возникает тема самопожертвования во имя блага общества. В произведении значим не только мотив победы света над тьмой (в материальном и духовном толковании), но и мотив символический, заключенный в победе жизни над смертью – как радости жизни над скукой. Такого рода отражение действительности отправляет к орнаментальной прозе: «В изложении может перекрещиваться несколько повторяющихся ключевых слов, создавая сложную “плетёнку” <...> “плетёнка” эта “смысловая”, а не просто орнаментальная» [Лихачёв, 1979, с. 122].

Стихотворение в прозе «Искушение грешника» (1908) было литературным дебютом Хлебникова в журнале «Весна». Его содержание связано с историей жизни Преподобного Антония Великого. Текст произведения, начиная с первого предложения, воспринимается как отзвук древнерусского памятника, напоминающего или житие, или апокриф: «И были *многие и многия*: и были *враны* с голосом “смерть!” и крыльями ночей, и *правдоцветиковый* папоротник, и *временная* избушка, и *лицо* старушонки в кичке вечности» [Хлебников, 2004, с. 35]. Данный эффект создаётся за счёт многочисленного использования союза «и», что актуализирует перечень всего, оказавшегося в поле зрения лирического героя. В дальнейшем эффект наращивается при помощи причастных оборотов. Образная система воплощена настолько вычурно, что перед читателем «открывается типично хлебниковский мир, который существует только в языке, только в слове, мир, который нельзя изобразить, нельзя нарисовать» [Старкина, 2005, с. 74].

Хлебникову близко введение слововых новшеств, представленных в церковной гимнографии, – например, «*Разум недоразумеваемый разумёти* Дёва ищущи, возопи к служащему» [Акафист Пресвятой Богородицы с комментариями]. Этот приём «извития словес» в немногочисленных произведениях Хлебникова в жанре «стихотворение в прозе» представлен фрагментарно: он

проявляется в отдельных стилизаторских фрагментах текстов. Характерной чертой такой организации текста оказывается наличие корневого повтора – как расположенных рядом тавтологических словесных элементов. Благодаря данному приёму осуществляется не только абстрактно выраженная устойчивая характеристика объекта изображения (как усиление его значения в тексте), но при этом создаётся и эвфонический словесно-звуковой образ, сформированный на основе ассонанса и аллитерации. Обратимся к примерам [ниже: Хлебников, 2004, с. 15, 40, 25, 17, 19–20]: «**Бельмо-белючая-белючая беля<вой> белины** плывёт **лебе**дь на синьме-синючем-синючем озере, где зеленючи тростники» («Бельмо-белючая-белючая...»; 1907–1908); «и **грезилщица грезней и грезонь грезючая в грёзах** и грезей грезильно грезит, грезве никнет, грезлями веет»; «Миляльно милеются мильные милюньи» («Белорукая, тихорукая...»; 1908); «**Слезатая слезиня**, от неё ушла навсегда весёлость» («Песнь Мирязя»; 1908, 1912) и др. Стихотворение в прозе «Симфония “Любь”» (1907–1908, 1912) целиком создано средствами словоновшеств, происходящих из одного корня.

Такая музыкальность, благозвучие напоминают древнерусский стиль [ниже: Хлебников, 2004, с. 14, 16, 55, 51]: «**Вымранных вышней волей народов ветка** черёмухи подаётся в окно узкое, узкое!» («Морных годин...», <1907–1908>); «**Водяные бороды блещут каплями и блескавица голубая стру<ит> вольно**» («Любава», <1907–1908>) и др. Отдельного внимания заслуживает пример, иллюстрирующий в качестве ассонанса не один звук «с», а слог «со»: «Погоня за мировой **соистин<ой>**, за **сочумным** трудом, за **соцелью** и общим **сочалом** всех племён» («Неговольцы...», <1921>). Контрастной ситуацией является реплика лирической героини Чао, основанная на словообразовательной аллитерации со звуком «з»: «**Звучобны звукотные** дали, зой, зой, знарь: **зов званного зира**» («Чао. 13 танка», <1915>).

Морфологической квазификсальной рифмой (в ряде случаев ассонансом) подчёркнуто парное сочетание слов [ниже: Хлебников, 2004, с. 50, 55, 56, 33, 57]: «И тогда я славил **гОсударствОкОсых** и **гОсударствООких**» («И тогда я славил...», 1914); «Века **едИнОжИзня** и **едИнОслоВия** отворили ворота: показ кровавых ран», «Рёв **нЕхотяев** быть **нЕрАтАями** и **нЕлАтАями**», «**Вопяки** и **кричаки** про лоскутья земного шара умолкнул» («Неговольцы...»); «И **мучины страдязя** и **бой юнязя**» («Песнь Мирязя»). Подобную функцию выполняет корневая рифма: «Всеустый язык правее, оправды и сверхправды, всегорлый ор равви» («Неговольцы...»). Есть редкие, но броские примеры сверхсинтаксических предложений, в которых представлен спектр различных вышеупомянутых художественных приемов [ниже: Хлебников, 2004, с. 23, 34]: «И **вОльнва** и **вОлнва вОлнистой** и **вОльной нивы вОль**» («И, всееня, ховун...», 1907–1908); «И **земва** и **небесва** негасючин **иёпотом переиёптывались**; и **многозвугодье** и **инозвучица звучобо особь**» («Песнь Мирязя»).

Противопоставление у Хлебникова подчёркнуто разными способами. Один осуществляется при помощи приставки, объединяющей разнокорневые

антонимы, и при этом слова находятся в тесной близости с однокорневыми: «Этот тёмный, чёрный, очень чёрный <Путь> – охватить наибольшее нечто, *наибольшее равенство наименьшим неравенством*, вздёрнуть вселенную на дыбы» («Это был великий числяр», 1922) [здесь и ниже: Хлебников, 2004, с. 58, 59]. В другом случае – в стихотворении в прозе «Я умер и засмеялся...» (1922) – смысл высказывания усиливается за счёт одинакового грамматического построения обеих частей суждения, организованного, несмотря на эллиптичность предложения, по принципу хиазма: «Просто большое стало малым, малое большим».

Д.С. Лихачёв отмечал, что наличие в XIV–XV веках в церковной (в частности – житийной) литературе неологизмов не определялось тяготением писателей к введению оригинальных языковых выражений: они «воспринимаются не как нечто новое в языке, а как выражения учёные, усложнённые и “возвышенные”» [Лихачёв, 1979, с. 109]. В случае же с текстами Хлебникова, учитывая как специфику его словотворчества, так и художественные намерения поэта по отношению к слову, наблюдается обратная тенденция – стремление к обновлению и одновременно к обогащению поэтического слова. Истоком данного намерения является поглощённость начинающего Хлебникова идеей, высказанной в статье Вяч. Иванова «О весёлом ремесле и умном веселии» (1907): «Чрез толщу современной речи язык поэзии – наш язык – должен прорасти и уже прорастает из подпочвенных корней народного слова, чтобы загудеть голосистым лесом всеславянского слова» [Иванов, 1979, с. 76]. На творческую природу нововведённых, но при этом «довременных» слов указал Б. Лившиц, сравнивая поэта с В.И. Далем. Примечателен его комментарий к рукописям Хлебникова, в котором написанное поэтом определено как вязь (исторически особый вид декоративного письма, появившийся у восточных славян в конце XIV – начале XV веков, где буквы, тесно соединяясь друг с другом, образуют красивый орнамент): «эта бисерная вязь на контокоррентной бумаге обращала в ничто все мои речевые навыки, отбрасывала меня в безглагольное пространство, обрекала на немоту» [Лившиц, 1989, с. 336].

Хлебниковская речевая вязь, представленная в его стихотворениях в прозе, напоминает сложные слова в древних текстах, оформленные на основе старославянских словообразовательных моделей. Количество таких примеров велико: «небозобый голубь», «ожиданиевласа девушка», «желаниегривые комони»; «беловыпуклая грудь»; «изогнутогорлые цапли»; «рукозвученница», «вечеротело», «чайкошёрстная рука»; «отсутствиоекая мать», «звоногрёзные каменья», «девовласый онел»; «народоструйные воды», «вечностекафтаный муж», «пожарокудрые личики»; «смертнобровый тетерев», «морезыбейная чешуя»; «правдоцветиковый папоротник», «младенцекаменное ложе»; «осеннеликий милень», «немолиственное деревцо»; «государстворукая»; «числокаменные капища» и др. [Хлебников,

2004, с. 11, 14, 15, 16, 21, 23, 25, 29, 35, 39, 50, 56].

В отношении немалого числа неологизмов, подробно исследованных в ряде трудов [Григорьев, 2000; Перцова, 1995], справедливо утверждение: «“прибавочный элемент” борется с отдельным словом, стремится преодолеть смысловую и эмоциональную изолированность слова, создаёт “сверхзначения”, объединяющие всю поэтическую речь, составляющие её художественное единство» [Лихачёв, 1979, с. 113]. Стихотворения в прозе Хлебникова при первом к ним обращении воспринимаются как набор выражений с неясным смыслом, механически нарочитых. Это во многом объясняется спецификой орнаментальной поэтики, в основе которой лежат принципы «ассоциативности и синтетичности» в отражении изображаемой действительности [Кожевникова, 1976, с. 66], в силу чего реконструировать «сверхсмысл» произведений Хлебникова непросто.

Заключение

Художественный материал, рассмотренный в настоящей статье, позволяет сделать вывод о том, что разноплановые в типологическом отношении древнерусская орнаментальная поэтика «плетения словес» и индивидуальный поэтический стиль представителя модернизма Хлебникова имеют явно различимые точки изобразительно-выразительного соприкосновения, несмотря на специфику каждой отдельно взятой эпохи.

Отмеченное схождение осуществляется в стихотворениях в прозе Хлебникова на многих уровнях текста, прежде всего жанровом (поскольку это факт пограничной родовой формы: лирики и прозы) и образно-речевом (как фонетической, морфологической и синтаксической общности). Соотнесение двух стилей оправдано по той причине, что в наследии поэта XX века они реализуют в первую очередь эстетическую функцию, воздействуя определённым образом на слушателя («И была тьма...», «Симфония “Любовь”», «Искушение грешника» и др.). В отдельных случаях поэтика «плетения словес», с точки зрения формальных признаков, стилистически маркирована слабо и выражена нерегулярно, поэтому обнаруживается лишь во фрагментах текста. Как правило, она ограничивается риторическим единоначатием («Песнь мраков», «Суровая прелесть гор...», «Чао», «Зверинец», «Это было старое озеро...», «Это был великий числяр...», «Я умер и засмеялся...» и др.). Стихотворения в прозе Хлебникова изощённо выстроены, экспрессивны; ткань этих текстов отличается эмоционально-насыщенным смыслом, что соответствует средневековому литературному стилю.

Источники

Акафист Пресвятой Богородицы с комментариями. Молитвослов [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/akafist-presvyatoj-bogorodice-s-kommentariyami.html> (дата обращения 08.02.2024).

Хлебников В. Стихотворения в прозе // Хлебников В. Собр. соч.: в 6 тт. / Под общ. ред. Р.В. Дуганова. М.: Наследие, 2004. Т. 5. С. 7–59.

Литература

Васильев С.А. «Воин не наступившего царства...» (Поэтический стиль Велимира Хлебникова): монография. М.: МГПУ, 2015. 320 с.

Григорьев В.П. Будетлянин: сб. науч. трудов. М.: Языки русской культуры, 2000. 814 с.

Иванов Вяч. И. О веселом ремесле и умном веселии // Иванов Вяч. И. Собр. соч.: в 4 тт. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. С. 61–77. URL: https://www.v-ivanov.it/brussels/vol3/01text/02papers/3_075.htm (дата обращения: 08.02.2024).

Кожевникова Н.А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35, № 1. С. 55–66.

Коновалова О.Ф. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в.: (К вопросу о соотношении) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1966. Т. XXII. С. 101–111.

Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Советский писатель, 1989. 720 с.

Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979. 360 с.

Мандельштам О.Э. О природе слова // Мандельштам О.Э. Собр. соч.: в 4 тт. / Сост. и коммент. П. Нерлер и А. Никитаев. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999. Т. 1. С. 217–232.

Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 40. М.; Vien: Hansen-Liove, 1995. 557 с.

Старкина С.В. Велимир Хлебников: Король времени. Биография. СПб.: Вита Нова, 2005. 480 с.

Степанов Н.Л. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество. М.: Сов. писатель, 1975. 280 с.

Харджиев Н.И. От Маяковского до Кручёных: Избр. работы о русском футуризме / Сост. С. Кудрявцев. М.: Гилея, 2006. 557 с.

References

Sources

Akafist Presvyatoj Bogorodicy s kommentarijami. Molitvoslov [Akathist of the Most Holy Mother of God with commentaries. Prayer book] [*Elektronnyj resurs*] [electronic resource]. URL: <https://azbyka.ru/molitvoslov/akafist-presvyatoj-bogorodice-s-kommentarijami.html> (accessed: 08.02.2024).

Khlebnikov V. *Stihotvoreniya v proze* // Khlebnikov V. *Sobr. soch.*:

v 6 tt. / *Pod obshh. red. R.V. Duganova* [Collected Works: in 6 vols. / Edited by R.V. Duganov]. M.: *Nasledie Press*, 2004. V. 5. Pp. 7–49.

Literature

Vasilev S.A. «*Voin ne nastupivshogo carstva...*» (*Poeticheskij stil Velimira Hlebnikova*): *monografiya* [«Warrior of the Kingdom that Has Not Come...» (Velimir Khlebnikov's Poetic Style): monograph]. M.: Moscow City University Press, 2015. 320 p.

Grigorev V.P. *Budetlyanin: sbornik nauchnyh trudov* [Budetlyanin: Collection of Scientific Works]. M.: *Yazyki russkoj kul'tury Press*, 2000. 814 p.

Ivanov Vyach. I. *O vesyolom remesle i umnom veselii* [About a Fun Craft and Smart Fun] // *Ivanov Vyach. I. Sobr. soch.: v 4 tt. / Pod red. D.V. Ivanova i O. Deshart* [Collected Works: in 4 v. / Edited by D.V. Ivanov and O. Deshart]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1979. T. 3. Pp. 61–77. URL: https://www.v-ivanov.it/brussels/vol3/01text/02papers/3_075.htm (accessed: 08.02.2024).

Kozhevnikova N.A. *Iz nablyudenij nad neklassicheskoj («ornamental'noj») prozoy* [From Observations on Non-classical («Ornamental») Prose] // *Izvestiia AN SSSR. Serija literaturi i yazika* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language], 1976. T. 35, № 1. Pp. 55–66.

Konovalova O.F. «*Pletenie sloves*» i *pletenyj ornament konca XIV v.: (K voprosu o sootnoshenii)* [“Weaving of Words” and Wicker Ornament of the End of the 14s Century: (To the Question of Correlation)] // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. M.; L.: *Nauka Publishing House*, 1966. T. XXII. Pp. 101–111.

Livshits B. *Polutoraglazyj strelec: Stihotvoreniya, perevody, vospominaniya* [Half-eyed Sagittarius: Poems. Translations. Memoirs]. L.: *Soviet Writer Publishing House*, 1989. 720 p.

Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoj literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. 3rd edition. M.: *Nauka Publishing House*, 1979. 360 p.

Mandelstam O.E. *O prirode slova* // *Mandelstam O.E. Sobr. soch.: v 4 tt. / Sost. i komment. P. Nerler i A. Nikitaev* // Mandelstam O.E. [On the Nature of the Word // Mandelstam O.E. Collected Works: in 4 vols. / Composition and Comments of P. Nerler and A. Nikitaev]. M.: *Art-Business Center Press*, 1999. V. 1. Pp. 217–232.

Pertsova N.N. *Slovar' neologizmov Velimira Hlebnikova* [Velimir Khlebnikov's Dictionary of Neologisms] // *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 40*. M.; Vien: Hansen-Lewe, 1995. 557 p.

Starkina S. *Velimir Khlebnikov: Korol' vremeni. Biografija* [Velimir Khlebnikov: The King of Time. Biography]. SPb.: *Vita Nova Press*, 2005. 480 p.

Stepanov N. L. *Velimir Khlebnikov: Zhizn i tvorchestvo* [Velimir Khlebnikov: Life and Work]. M.: *Soviet Writer Publishing House*, 1975. 280 p.

Khardzhiev N.I. *Ot Mayakovskogo do Kruchenykh: Izbr. raboty o russkom*

futurizme [From Mayakovsky to Kruchenykh: Selected Works on Russian Futurism]
/ Compiled by S. Kudryavtsev. M.: *Gilea* Press, 2006. 557 p.

Сведения об авторе

Гиниятуллин Артём Маратович – магистрант департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: русский литературный авангард, индивидуальный стиль, В. Хлебников.

Information about the Author

Artyom M. Giniyatullin – Master’s Degree student of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: Russian literary avant-garde, individual style, V. Khlebnikov.

Научно-исследовательская статья
УДК 821.161.1-31Симонов.06
DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-142-156

ТРИЛОГИЯ К.М. СИМОНОВА «ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ» И ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ

Хлебцова Анастасия Витальевна

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
sizova.a.v@mail.ru; AuthorID 949551; <https://orcid.org/0009-0005-6776-9812>

Аннотация. Будучи в годы Великой Отечественной войны военным корреспондентом, К.М. Симонов во всем своем военном и послевоенном творчестве остался верен тем трагическим и героическим дням, которые прожил со своими современниками и соотечественниками в 1941–1945 годах. Читательский и научно-исследовательский интерес к стихам, прозе, драматургии, публицистике Симонова был высокоактивен в 1940–1980-х годах. На рубеже XX–XXI веков не столько его творческое наследие, сколько его деятельность в качестве литературного функционера подверглись неправомерной критике. Со 2-й половины 2000-х годов интерес к творчеству писателя начинает возрождаться. Однако главное его создание – романная трилогия «Живые и мертвые» («Живые и мертвые», 1959; «Солдатами не рождаются», 1962; «Последнее лето», 1971) – до сих пор не вошло в современный круг исследуемых материалов, хотя именно с этим жанровым образованием связано обновление эпической традиции в русской литературе. В статье проанализирована аксиологическая основа трилогии. Выявлено, что писатель развивает военную тему в единстве с социально-нравственными и философскими вопросами бытия. На первый план в романах выходят те вечные ценности, которые исповедуют в нашей стране: неоспоримая значимость человеческой жизни и понимание ответственности за судьбу каждого человека.

Ключевые слова: аксиология, литературная характерология, нравственно-философская проблематика в художественном произведении.

Для цитирования: Хлебцова А.В. Трилогия К.М. Симонова «Живые и мертвые» и ее осмысление в литературно-общественном процессе // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Серцало-М»; МГПУ, 2024. С. 142–156. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-142-156.

Original research article

K.M. SIMONOV'S TRILOGY "THE LIVING AND THE DEAD" AND ITS COMPREHENSION IN THE LITERARY AND SOCIAL PROCESS

Anastasiia V. Khlebtsova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

sizova.a.v@mail.ru; AuthorID: 949551; <https://orcid.org/0009-0005-6776-9812>

Abstract. As a war correspondent during the Great Patriotic War, K.M. Simonov, in all his wartime and post-war work, remained faithful to the tragic and heroic days he lived through with his contemporaries and compatriots in 1941–1945. Reader and research interest in Simonov's poetry, prose, drama, and journalism was intense from the 1940s to the 1980s. At the turn of the 20th and 21st centuries, it was not so much his creative legacy as his activities as a literary functionary that were subjected to unfair criticism. Since the second half of the 2000s, interest in the writer's work has begun to revive. However, his main creation – the novel trilogy "The Living and the Dead" ("The Living and the Dead", 1959; "People Are Not Born as Soldiers", 1962; "The Last Summer", 1971) – has not yet been included in the modern circle of studied materials, although it is precisely with this genre formation that the renewal of the epic tradition in Russian literature is associated. The axiological basis of the trilogy is analyzed in the article. It reveals that the author develops the military theme in conjunction with social, moral, and philosophical questions of existence. The novels highlight the eternal values professed in our country: the undeniable significance of human life and the understanding of responsibility for the fate of each person.

Keywords: axiology, literary characterology, moral and philosophical issues in a work of art.

For citation: Khlebtsova Anastasiia V. K.M. Simonov's Trilogy "The Living and the Dead" and Its Comprehension in the Literary and Social Process // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2024. Pp. 142–156. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-142-156.

© Хлебцова А.В., 2024

Введение

К.М. Симонов (1915–1979) всегда стремительно откликался на запросы времени. В его стихах, прозе, драматургии обнаруживается нераздельная крепкая связь с современными ему поколениями, застигнутыми одним из самых страшных испытаний в истории страны – Великой Отечественной войной. Эти события и встречи с людьми, прежде всего на передовой, определили основную тему всего творчества писателя, о чем свидетельствует

его автобиография: «Почти весь материал <...> мне дала работа корреспондентом на фронте» [Симонов, 1979, с. 34]. Известный прежде всего как автор стихотворения «Жди меня...» (1941), Симонов получил всемирное признание как создатель романного жанрового образования – трилогии «Живые и мертвые» (1959–1971).

Актуальность статьи определяется тем, что если при жизни писателя и в 1980-е годы его творчество активно изучалось, то на рубеже XX–XXI веков, начиная с 1990-х годов и в 2000–2010-х годах, обращение исследователей к произведениям писателя было сведено к минимуму, что стало одним из результатов негативных последствий эпохи «перестройки» в области литературы и литературоведения. *Цель* данной работы состоит в том, чтобы способствовать полномасштабному возвращению творческого наследия писателя в культурно-исторический, литературно-общественный, духовно-нравственный и художественно-эстетический процессы. *Конкретика задач* в достижении цели предполагает краткий обзор литературно-критических оценок творчества Симонова, включая суждения коллег из литературных кругов, прежде всего писателей-фронтовиков, а также освещение аксиологических основ главного создания Симонова – трилогии «Живые и мертвые». Исследовательская *методология* опирается на хронологически-интерпретационный принцип анализа как литературно-общественного процесса, так и художественного целого.

Основная часть

1. Литературное наследие К.М. Симонова в оценке литературоведения и критики

Литературный путь Симонова начался незадолго до Великой Отечественной войны: в середине 1930-х годов были напечатаны его первые стихи, к концу этого десятилетия написаны первые пьесы («История одной любви», 1940; «Парень из нашего города», 1941). Боевое же крещение Симонов получил на Халхин-Голе, куда в 1939 году был направлен в качестве военного корреспондента газеты «Героическая красноармейская».

С началом Великой Отечественной войны Симонов становится военкором газеты «Известия», а затем вскоре был переведен спецкором газеты «Красная звезда». При этом его литературная деятельность не приостанавливалась, а, напротив, активно развивалась: в годы войны Симонов пишет пьесы («Русские люди», 1942; «Так и будет», 1944 и др.), повесть «Дни и ночи» (1943–1944), многочисленные очерки (вошедшие в сборник «От Черного до Баренцева моря. Записки военного корреспондента», 1944) и др. Люди передавали друг другу стихотворения Симонова в списках («Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», «Майор привез мальчишку на лафете...» и др.), а строчки «Жди меня, и я вернусь...» твердили и на передовой, и в тылу.

На рубеже 1940-1950-х годов начинает формироваться научно-критический

интерес к изучению творчества Симонова. Исследователями были защищены первые кандидатские диссертации (А.А. Новикова, 1950; А.М. Саббатовская, 1954; Е.Г. Колпакова, 1954; Л.И. Шиндель (Лазарев), 1954). С выходом в свет первого романа — «Товарищи по оружию» (1952), материал которого был собран Симоновым еще на Халхин-Голе, этот интерес еще больше усилился.

Однако Симонова не отпускала Великая Отечественная война. Ее трагические и героические грани общенационального и личного бытия, людские судьбы в горниле страшного испытания – то, что определило дальнейший жизненный и литературный путь Симонова. Главным его трудом стало трехчастное жанровое образование – романы «Живые и мертвые» (1959), «Солдатами не рождаются» (1962) и «Последнее лето» (1971), объединенные под общим названием первого из произведений: «Живые и мертвые». В этой связи появляются, одна за другой, монографии, в которых творчество писателя, включая поэзию, прозу, драматургию, рассматривается комплексно (И.Л. Вишневская, 1966; С.Я. Фрадкина, 1968; Л.А. Финк, 1979 и др.). «Боковым» аспектом изучаемого наследия Симонова стали повести 1957–1963 годов, материал которых был отсечен автором от трилогии, – «Пантелеев», «Левашов», «Иноземцев и Рындин», «Жена приехала».

К середине 1980-х годов совокупным сводом симоноведческих публикаций стал перечень из 4259 статей и книг, посвященных рассмотрению произведений писателя, а также содержащий воспоминания современников о Симонове [Берман и др., 1985].

До конца 1980-х годов интерес к творчеству Симонова продолжает сохраняться. В частности, выходит монография В.С. Синенко «Трилогия К. Симонова “Живые и мертвые”» (1986), в которой рассмотрено движение авторского сознания в замысле романов, их концепции и художественной организации, прослежено становление центральных характеров. Однако приоритетной тенденцией во внимании к Симонову становится интерес к его публицистике и мемуаристике, что расширяет границы в изучении творчества писателя: с рядом статей выступает Л.А. Финк (1983; 1988), анализ воспоминаний Симонова о Великой Отечественной войне предпринимает И.Я. Биск (1985).

На рубеже XX–XXI веков исследовательское внимание к творчеству Симонова существенно снизилось (исключением является объемная беллетризованная биография «Четыре “Я” Константина Симонова» [Панкин, 1999]). Более того: в этот период работа классика отечественной литературы подвергалась жесткой и несправедливой критике [Поль, 2015, с. 21]. Причем речь шла не о мастерстве и значении творчества: недовольство выступавших устно и в печати было связано с затаенными обидами на Симонова как функционера в Союзе писателей СССР, секретарем которого он являлся в 1946–1959 и затем в 1967–1979 годах. И это несмотря на массу конструктивно проведенных Симоновым решений и общественно

важных действий и поступков, требующих полноты гражданской совести. Так, следует вспомнить ключевую роль Симонова в выходе в свет романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», повести В.Л. Кондратьева «Сашка» и др.; его помощь кинематографистам и художникам; многочисленные хлопоты в помощь фронтовикам и проч. Такого рода недостойные выступления были вызваны тем, что на рубеже XX–XXI веков намечался слом традиций, сопровождавшийся по сути отказом от многовековой системы ценностей и ориентиров: с началом «перестройки» некоторые околολитературные деятели пытались переосмыслить и даже во многом исказить то, что имело неоспоримое значение для Симонова и поколений, застигнутых Великой Отечественной войной. Творчество же писателя, особенно романное, оказалось у порога забвения.

Только с середины 2000-х годов в исследовательские круги возвращается интерес к творчеству писателя. Однако работы, выходящие с тех лет, связаны в основном с обращением к поэзии и публицистике Симонова, а также к вопросам его биографии как обстоятельств личной жизни. К крупным исследованиям относятся две литературоведческие диссертационные работы, и обе они по вопросам поэтического наследия Симонова [Герасимова, 2008; Коржова, 2023], а также книга с освещением военно-исторических аспектов в творчестве писателя [Гареев, 2006]. В последние годы наметилась активизация филологического интереса к романам и повестям писателя [Алексеева, 2022; Хлебцова, 2022; Лоскутникова, 2024], а также вновь исторического – к очеркам и дневникам Симонова [Сенявская, 2010].

2. Суждения писателей-фронтовиков и военных журналистов о личности и творчестве К.М. Симонова

Особым вниманием жизненный путь и творчество писателя одарено со стороны представителей одного с ним поколения: это внимание тех людей, что были воспитаны в системе неделимо-понимаемых принципов и идеалов, тех, что прошли Великую Отечественную войну в одном строю с Симоновым. Прежде всего можно говорить о репрезентантах цеха «пишущих» – писателях, драматургах и сценаристах, поэтах, литературных критиках, публицистах и др.

В своем творчестве Симонов всегда руководствовался принципом историзма. По словам писателя и военкора Л.И. Славина, он «обладал свойством для писателя драгоценным: острым ощущением политического и исторического смысла событий, совершающихся в каждый данный момент» [Славин, 1984, с. 82]. Интерес к творчеству Симонова можно во многом объяснить и присущим ему индивидуально-авторским и граждански-человеческим убеждением, что нужно писать о событиях, существенных и важных для людей, – для своих соотечественников и для единомышленников во всем мире. При этом близкий друг Симонова – главный редактор газеты «Красная звезда» Д.И. Ортенберг – подчеркивал: «Симонов стремился избежать

всякой парадности, выпренности, газетных штампов. Он писал о войне как о тяжелом и опасном труде народа, показывая, каких усилий и жертв стоил нам каждый день. Писал с суровой беспощадностью и откровенностью человека, видевшего войну как она есть» [Ортенберг, 1984, с. 101–102]. По словам этого мемуариста, изо дня в день, из месяца в месяц наблюдавшего Симонова в качестве военного корреспондента в 1941–1945 годах, молодой тогда автор никогда не писал о том, что не видел своими глазами, что не было пережито им самим. В этом проявляется главный жизненный и творческий принцип Симонова: говорить о войне надо только правду.

Вышедшая в свет трилогия «Живые и мертвые» была оценена солидарно (в равной мере читателями, и прежде всего фронтовиками, а также литературными критиками и литературоведами) как выдающейся факт культуры и исторической памяти. Современники Симонова единодушно отмечали поражающую глубину и правдивость в раскрытии образов военных, а также подчеркивали, что писатель смог обнажить самую суть, психологическую основу их пребывания на фронте. Симонову удалось прочувствовать и осознать мысль о незаметном, но незаменимом ежедневном вкладе простых солдат и офицеров в победу на полях сражений с врагом. Эту тему Симонов впервые затрагивает еще в повести «Дни и ночи» (1944), а, по признанию писателей-фронтовиков, она сыграла в их творчестве большую роль. Как справедливо отмечал участник войны, литературный критик Л.И. Лазарев, «тема, разработку которой Симонов начал одним из первых, затем дала “В окопах Сталинграда” Виктора Некрасова, “Батальоны просят огня” Юрия Бондарева, “Пядь земли” Григория Бакланова» [здесь и ниже: Лазарев, 1974, с. 74]. По мнению критика, к данной теме писателей вел прежде всего, конечно, их собственный жизненный опыт, однако «нельзя не видеть, что у истоков этой, ставшей в послевоенные годы столь мощной тенденции стоял Симонов».

Для писателей-фронтовиков творчество Симонова было необходимым им высоким идейно-художественным ориентиром. Например, Е.З. Воробьев, близко знавший Симонова, отмечал его неутомимость и величайшую работоспособность – как умение «вживаться» в книгу, над которой работал: «Чем глубже он погружался в будущую книгу, чем интимнее знакомился с ее персонажами, тем решительнее отрешался от околотрудовой сутолоки, от будничных хлопот и забот, тем больше был одержим своими замыслами, записями, рукописью, предчувствием романа» [Воробьев, 1984, с. 476]. Такой самозабвенный труд Симонова над познанием психологии человека на войне и художественно-образным ее освещением стал образцом для многих писателей, пришедших в литературу позже Симонова.

В.П. Астафьев, прошедший войну рядовым, в своих воспоминаниях отмечал, что опыт работы Симонова «в литературе, в том числе и документальной, неизмеримо больше» его собственного, поэтому «надеяться можно было и на добрые советы» со стороны Симонова, «и на поправки

каких-либо неточностей» [Астафьев, 1984, с. 583]. В послевоенные годы при создании своих произведений Астафьев часто повторял фразу, которую впервые услышал от Симонова: «Всю правду о войне знает только народ». В конце 1990-х годов в комментариях к своему роману «Прокляты и убиты» Астафьев философски уточнил эту мысль: «теперь я знаю, что всю правду о войне знает только Бог» [Астафьев, 1997, с. 747].

С восхищенным уважением воспринимал Симонова классик башкирской литературы Мустай Карим (М.С. Каримов): «Константин Симонов один из редчайших наших писателей, который за все четыре с лишним десятилетия своим словом и сущностью своей личности имел неопределимое влияние на нравственное усовершенствование, на рост гражданского самосознания соотечественников нескольких поколений. Константин Симонов, как непреходящее достояние Отечества, принадлежит не только литературе. Он принадлежит эпохе, принадлежит всем» [Карим Мустай, 1984, с. 365]. Мустай Карим в самом проникновенном духе рассказывает и о Симонове-человеке – рассказывает о том, как тот спас его от неизлечимого тогда еще туберкулеза, развившегося после тяжелого ранения, добившись помещения Мустая Карима в специализированное медицинское учреждение, где потребовалось около года, чтобы он получил реальную возможность для дальнейшей жизни. Помимо пережитого им самим, башкирский писатель указывает и на множество известных ему подобных историй.

Приведенные свидетельства писателей-фронтовиков и фронтовых журналистов безусловно являются объективно-достоверной характеристикой Симонова и как писателя (в т. ч. функционера в системе Союза писателей СССР), и как человека.

3. Объективно-субъективные трудности при создании К.М. Симоновым трилогии «Живые и мертвые»

После Великой Отечественной войны в обществе сформировалось понимание того, что для создания масштабного произведения о событиях 1941–1945 годов должно пройти время, чтобы люди могли осмыслить случившееся, понять ход истории. Было необходимо глубоко проанализировать изменения, которые война внесла в государственно-идеологические процессы, а также осознать то, как эти перемены повлияли на социально-культурное развитие страны. Писатели склонялись к тому, что необходимо взглянуть в новые тенденции в развитии общества и со временем отразить их в литературно-художественных произведениях.

На рубеже 1940–1950-х годов Симонов задумывает цикл романов о Великой Отечественной войне. Согласно первоначальному замыслу, стартовым произведением должен был стать роман «Товарищи по оружию» (который и был написан и издан в 1952 году). Это произведение было обращено к предтече Великой Отечественной войны – вооруженному советско-японскому конфликту

на Халхин-Голе. Однако в ходе дальнейшей работы Симонов выводит данный роман за рамки задуманного цикла, поскольку события на Халхин-Голе оказались за гранью самого страшного испытания в мировой истории.

Анализируя, уже после выхода в свет романа «Живые и мертвые», свою работу над ним на первой стадии написания произведения, Симонов не скрывал своих художественных просчетов. Больше того – всесторонне освещал их. Так, исходной ошибкой, которую называет писатель, стал «первоначальный план книги»: «Поначалу я вздумал писать ее как прямое продолжение моего предыдущего романа “Товарищи по оружию”» [здесь и ниже: Симонов, 1961]. Второй просчет, по словам романиста, вытекал «из слишком широко задуманной географии» произведения, поскольку изображение металось в разных пространственных направлениях: «Мурманск, Белоруссия, Крым, Одесса». С данной рассогласованностью Симонов связал и третью свою ошибку: «Я в начале войны довольно много видел и многое записал, но когда я построил первоначальный план романа только на личном материале, то этот материал оказался все же слишком бедным для повествования о таком громадном героическом и трагическом событии, как 1941 год».

Приступая, в результате, к работе над трилогией в соответствии с принципиально расширенным за счет различных источников (материалов государственных архивов, исторических документов, мемуаров и др.) мировидением, Симонов тем не менее сохранил имена и «биографию» нескольких героев из романа «Товарищи по оружию». Однако для ядра характерологии в трилогии «Живые и мертвые» выбраны новые фигуры. Это прежде всего два героя – генерал Федор Серпилин, в лице которого писатель запечатлел, в терминологии того времени, правду «карты-глобуса» – как возможность и необходимость стратегической разработки задач для достижения победы, и молодой еще человек – Иван Синцов, до войны секретарь редакции армейской газеты, политрук, ставший солдатом, т. е. фронтовик с безусловным знанием окопной правды и «карты-двухверстки». Симонов не мог обойти и судьбы женщины на войне, в силу чего третьим главным героем трилогии становится Таня Овсянникова – «маленькая докторша», зубной врач по специальности.

4. Аксиологические основы авторского мировидения в трилогии К.М. Симонова «Живые и мертвые»

В образе генерала Серпилина Симонов объединяет обобщенно-типические качества советского военачальника с индивидуальными чертами личности. Серпилин изображен в романе как стратег и тактик, но при этом в нем сильно нравственное начало. Именно ему Симонов доверяет рассуждения о том, что ценность жизни на войне первостепенна. Раскрывая мировосприятие Серпилина, романист транслирует мысль о том, что «военное искусство» состоит в необходимости «сделать так, чтоб добиться победы и действительно

сберечь людей» [Симонов, 1989, кн. 3, с. 305]. Серпилин осознает свою ответственность не только за тех, кто находится у него в прямом подчинении, но и за семьи этих людей: «не за девять тысяч человек ответственность, а, считая детей, и жен, и матерей, <...> пожалуй, за все сорок тысяч человек, если не больше» [Симонов, 1989, кн. 2, с. 45].

На войне особенно жестко проявляется то, что составляет сущность человека, поскольку война закаляет людей, являясь границей между жизнью и смертью. Симонов показывает, что в годы войны нарушается привычная цепь существования. Но неизменно одно: главной в системе ценностей является человеческая жизнь – что и стало смысловым фокусом в трилогии «Живые и мертвые». В частности, писатель раскрывает обыденность войны: на фронте жизнь человека зависит не только от его поведения, но и от приказов, которых солдат не вправе ослушаться. Симонов фиксирует ситуации, когда неверные, торопливые и необдуманные действия военачальников и командиров могут разделить людей на «живых» и «мертвых». Так, противоречивые и опрометчивые приказы генерал-лейтенанта Козырева стоили жизни многим летчикам, а безрассудное в условиях войны распоряжение майора Данилова в отношении людей, вышедших из окружения, о сдаче трофейного оружия привело к трагическим последствиям.

Синцов, став командиром своего подразделения, также осознает свой долг перед вверенными ему людьми: он в полной мере понимает, что нельзя бездумно рисковать чужими жизнями. Используя прием несобственно-прямой речи, Симонов передает размышления Синцова о значимости каждого человека: «Это – чувство общности со всеми, кого убивают у нас, это – чувство вины, и стыда, и боли, и бешенства за все, что у нас не получается, и радости за все, что у нас выходит. <...> И люблю себя за хорошее и ненавижу и упрекаю за все, что делаю не так, – не только я сам, но и все другие люди. Оно у меня и в душе, и за душой, и в голове <...>. И кто его знает, может, это и есть чувство Родины, может, его и имеем в виду, когда, каждый про себя, думаем, что мы – советские люди?» [Симонов, 1989, кн. 2, с. 300]. Если для поколения сверстников и единомышленников Симонова значение Отечества в жизни каждого было несомненно, то в годы войны великая роль своей страны стала особенно сильно ощущаться советским народом. Неслучайна в этом отношении и кольцевая композиция всего жанрового образования: Симонов завершает трилогию событиями лета 1944 года – освобождением Белоруссии, когда Красная Армия вышла к границам Центральной Европы.

В образе Тани Овсянниковой Симонову особенно дорога ее совестливость. Так, оказавшись беспомощной в самом начале войны, в июле 1941 года, когда, находясь в окружении, «маленькая докторша» вывихнула ногу и Синцов вместе с красноармейцем Золотаревым, случайно вышедшим к нему, по очереди несут Таню, взвалив ее «себе на спину», молодая женщина, уже пребывая в жару и полубреду, тем не менее всё повторяет: «Бросьте меня!.. Слышите,

бросьте... Мне хуже, что вы из-за меня мучаетесь!.. Мне легче, если я одна останусь...» [здесь и ниже: Симонов, 1989, кн. 1, с. 198]. Повествователь, как бы вслушиваясь в слова героини, в своем комментарии подчеркивает: «она говорила правду и даже сейчас думала о других больше, чем о себе».

Симонов определяет ценность человеческой личности в категориях нравственной ответственности, которую в трилогии раскрывает на разных уровнях: общегосударственном (Сталин), фронтовом (Серпилин) и солдатском (Синцов) [Синенко, 1986, с. 26]. Акцентируемым началом в романе является растущее в сознании героев чувство прямой причастности к судьбе каждого, к судьбе страны, поскольку «“умение воевать” стало в ходе войны связываться со все более высокими требованиями к себе и другим людям» [Бочаров, 1978, с. 131]. Вынеся в название трилогии знаки жизни и смерти, писатель наделил их «экзистенциально-сакральным смыслом» [Лоскутникова, 2024, с. 105].

Создание трилогии «Живые и мертвые», посвященной поворотным событиям Великой Отечественной войны, оказалось значимым шагом в обновлении эпической традиции русской литературы, поскольку Симонов, по мнению Н.Л. Лейдермана, стал основоположником эпического романа-хроники [Лейдерман, 2010]. Художественная миссия писателя сформировалась в подходе к истории как неуклонному движению, что требовало осмысления этих процессов. Во взгляде Симонова на войну можно отметить глобальное историософское к ней отношение. Как справедливо отмечала Г.А. Белая, благодаря писателю «тема войны во многих произведениях советской литературы стала решаться неотрывно от философских размышлений о ценности человеческой личности» [Белая, 1987, с. 151].

Таким образом, аксиологическое наполнение романного мира, высвечивающего события Великой Отечественной войны и судьбы оказавшихся в этом трагическом и героическом водовороте советских людей, основано на принципах предельной верности Симонова исторической правде – во всех детерминантах сюжетного построения трилогии в ее документально-реальной хронологии. Нравственный спектр мотивной организации художественного целого полномасштабно представлен в системной расстановке героев и персонажей, отражающей творческий ритм в романной характерологии.

Выводы

Активное изучение творчества Симонова осуществлялось в 1950–1980-е годы исследователями, жизнь которых определила Великая Отечественная война и которые разделяли жизненные взгляды писателя, поскольку были воспитаны в одной с ним системе ценностей.

Неправомерные оценки деятельности Симонова как секретаря Союза писателей СССР и последующее забвение имени Симонова в 1990-е – начале 2000-х годов, вызванное волнами перемен в общественном мировосприятии, ушли в прошлое, о чем свидетельствует ряд исследований и статей о творчестве

писателя, уже появляющихся в последние годы. Возрождающийся интерес к творчеству Симонова связан с тем, что в современном мире с его сложностями и противоречиями крепнет потребность в сохранении памяти о трагических и героических событиях нашей истории.

Особое внимание заслуживает трилогия Симонова «Живые и мертвые», в которой писатель развивал тему войны в тесной взаимосвязи с социальными и философскими вопросами времени. В этом романном цикле Симонов последовательно утверждал мысль о том, что первостепенной ценностью – даже в условиях войны – является жизнь человека. Автор трилогии настаивал на неуклонном требовании ответственного отношения не только к судьбам людей в тылу, но и к жизни солдат в условиях фронта, в силу чего все члены командного состава при отдаче приказов должны помнить, что им вверены не только подчиненные, но и кровно связанные с ними их семьи. Для романов Симонова характерно не просто изображение отдельных судеб в годы войны, а воссоздание общности людей, близких по духу и представлениям о нормах нравственности. Сквозной в трилогии стала тема единства фронта и тыла, морально-этической сплоченности всей страны.

Источники

Трилогия К.М. Симонова «Живые и мертвые»

Симонов К.М. Живые и мёртвые: роман в 3-х кн. Кн. 1. Живые и мертвые. М.: Художественная литература, 1989. 479 с.

Симонов К.М. Живые и мёртвые: роман в 3-х кн. Кн. 2. Солдатами не рождаются. М.: Художественная литература, 1989. 704 с.

Симонов К.М. Живые и мёртвые: роман в 3-х кн. Кн. 3. Последнее лето. М.: Художественная литература, 1989. 589 с.

К.М. Симонов: Автобиография. Публицистика

Симонов К.М. Автобиография // Симонов К.М. Собр. соч.: в 10 тт. М.: Художественная литература, 1979. Т. 1. С. 28–36. URL: <https://traumlibrary.ru/book/simonov-ss10-01/simonov-ss10-01.html#s003>

Симонов К.М. Перед новой работой // Вопросы литературы. 1961. № 5. С. 161–173. URL: <https://voplit.ru/article/pered-novoj-rabotoj-2/>

К.М. Симонов в мемуарах фронтовиков – писателей, литературных критиков, журналистов

Астафьев В.П. По горячим следам // Константин Симонов в воспоминаниях современников. М.: Советский писатель, 1984. С. 583–590.

Астафьев В.П. Комментарии // Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 тт. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 10. С. 745–767.

Воробьев Е.З. «Дописать раньше, чем умереть...» // Константин Симонов в воспоминаниях современников. М.: Советский писатель, 1984. С. 474–484.

Карим Мустай. Воспоминания у кромки моря // Константин Симонов в воспоминаниях современников. М.: Советский писатель, 1984. С. 364–371.

Лазарев Л.И. Военная проза Константина Симонова. М.: Художественная литература, 1974. 240 с.

Оргенберг Д.И. Каким я его знал // Константин Симонов в воспоминаниях современников. М.: Советский писатель, 1984. С. 86–112.

Славин Л.И. Штрихи к портрету // Константин Симонов в воспоминаниях современников. М.: Советский писатель, 1984. С. 77–85.

Литература

Алексеева Л.Ф. Мужество защитников Сталинграда в художественном освещении Константина Симонова: повесть «Дни и ночи» (1944) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 3. С. 268–272.

Белая Г.А. Солдатами рождаются (Константин Симонов) // Белая Г.А. Путешествие в поисках истины: статьи о советских писателях. Тбилиси: Мерани, 1987. С. 143–156.

Берман Д.А., Толочинская Б.М. К.М. Симонов: библиографический указатель. М.: Книга, 1985. 456 с.

Бочаров А.Г. Человек и война: Идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне. 2-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1978. 479 с.

Гареев М.А. Константин Симонов как военный писатель: история Великой Отечественной войны в творчестве Симонова и ее современные толкования. М.: ИНСАН, 2006. 322 с.

Герасимова И.Ф. Человек и время: поэзия К.М. Симонова периода Великой Отечественной войны в контексте литературной эпохи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 189 с.

Коржова И.Н. Поэзия К.М. Симонова как художественная система: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2023. 467 с.

Лейдерман Н.Л. Опыт несостоявшегося синтеза (Трилогия К. Симонова «Живые и мертвые») // Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 294–307.

Лоскутникова М.Б. Волжские рубежи как символ России в трилогии К.М. Симонова «Живые и мертвые» // Среда. Культура. Текст: сб. материалов II Всероссийской научно-практической междисциплинарной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 99–107.

Панкин Б.Д. Четыре «Я» Константина Симонова: роман-биография. М.: Воскресенье, 1999. 454 с.

Поль Д.В. Константин Симонов в начале XXI века: к столетию со дня рождения // Вестник МГУКИ. 2015. № 4 (66). С. 15–22.

Сенявская Е.С. Время и пространство в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3, № 1. С. 5–17.

Синенко В.С. Трилогия К. Симонова «Живые и мертвые»: монографическое исследование. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1986. 165 с.

Хлебцова А.В. Москва как особый знак в аксиологии романа К.М. Симонова «Живые и мертвые» // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. 2022. № 5 (40). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-40/literary-studies/moscow-as-special-sign.html>

References

Sources

“The Living and the Dead”: Trilogy of K.M. Simonov

Simonov K.M. *Zhivye i mjortvye: roman v 3-h kn. Kn. 1.* [The Living and the Dead: The Novel in 3 books. Book 1. The Living and the Dead]. M.: Art Literature Publishing House, 1989. 479 p.

Simonov K.M. *Zhivye i mjortvye: roman v 3-h kn. Kn. 2. Soldatami ne rozhdajutsja* [The Living and the Dead: The Novel in 3 books. Book 2. People Are Not Born as Soldiers]. M.: Art Literature Publishing House, 1989. 735 p.

Simonov K.M. *Zhivye i mjortvye: roman v 3-h kn. Kn. 3. Poslednee leto* [The Living and the Dead: The Novel in 3 books. Book 3. The Last Summer]. M.: Art Literature Publishing House, 1989. 589 p.

K.M. Simonov: Autobiography. Journalism

Simonov K.M. *Avtobiografija* [The Autobiography] // Simonov K.M. *Sobranie sochinenij: v 10 tt.* [Collected Works: in 10 vols]. M.: Art Literature Publishing House, 1979. V. 1. URL: <https://traumlibrary.ru/book/simonov-ss10-01/simonov-ss10-01.html#s003>

Simonov K.M. *Pered novoj rabotoj* [Before the New Creative Work] // *Voprosy literatury* [Literary Issues]. 1961. № 5. Pp. 161–173. URL: <https://voplit.ru/article/pered-novoj-rabotoj-2/>

K.M. Simonov in the Memoirs of Frontline Soldiers –

Writers, Literary Critics, Journalists

Astafiev V.P. *Po gorjachim sledam* [Follow Hot on the Trail] // *Konstantin Simonov v vospominanijah sovremennikov* [Konstantin Simonov in the Memoirs of Contemporaries]. M.: Soviet Writer Publishing House, 1984. Pp. 583–590.

Astafiev V.P. *Kommentarii* [Commentaries] // Astafiev V.P. *Sobranie sochinenij: v 15 tt.* [Collected Works: in 15 vols]. Krasnoyarsk: Ofset Press, 1997. T. 10. Pp. 745–767.

Vorobyov E.Z. «Dopisat ran»she, chem umeret...» [“Finish before I Die...”] // *Konstantin Simonov v vospominanijah sovremennikov* [Konstantin Simonov in the Memoirs of Contemporaries]. M.: Soviet Writer Publishing House, 1984. Pp. 474–484.

Karim Mustai. *Vospominanija u kromki morja* [Memories at the Sea’s Edge] // *Konstantin Simonov v vospominanijah sovremennikov* [Konstantin Simonov

in the Memories of Contemporaries]. M.: *Soviet Writer Publishing House*, 1984. Pp. 364–371.

Lazarev L.I. *Voennaja proza Konstantina Simonova* [Military Prose of Konstantin Simonov]. M.: Art Literature Publishing House, 1974. 240 p.

Ortenberg D.I. *Kakim ja ego znal* [How I Knew Him] // *Konstantin Simonov v vospominanijah sovremennikov* [Konstantin Simonov in the Memories of Contemporaries]. M.: *Soviet Writer Publishing House*, 1984. Pp. 86–112.

Slavin L.I. *Shtrihi k portretu* [Touches to the Portrait] // *Konstantin Simonov v vospominanijah sovremennikov* [Konstantin Simonov in the Memories of Contemporaries]. M.: *Soviet Writer Publishing House*, 1984. Pp. 77–85.

Literature

Alekseeva L.F. *Muzhestvo zashhitnikov Stalingrada v hudozhestvennom osveshhenii Konstantina Simonova: povest' «Dni i nochi» (1944)* [The Courage of the Defenders of Stalingrad in the Artistic Portrayal of Konstantin Simonov: the Story “Days and Nights” (1944)] // *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of the Novgorod State University]. 2022. № 3. Pp. 268–272.

Belaya G.A. *Soldatami rozhdajutsja (Konstantin Simonov)* [Soldiers Can Be Born (Konstantin Simonov)] // Belaya G.A. *Puteshestvie v poiskah istiny: stat'i o sovetskih pisateljah* [Journey in Search of Truth: Articles on Soviet Writers]. Tbilisi: *Merani Press*, 1987. Pp. 143–156.

Berman D.A., Tolochinskaya B.M. *K.M. Simonov: bibliograficheskij ukazatel'* [K.M. Simonov: Bibliographic Index]. M.: *Kniga Press*, 1985. 456 p.

Bocharov A.G. *Chelovek i vojna: Idei socialisticheskogo gumanizma v poslevoennoj proze o vojne* [Man and War: Ideas of Socialist Humanism in Postwar Prose about the War]. 2nd edition, suppl. M.: *Soviet Writer Publishing House*, 1978. 479 p.

Gareev M.A. *Konstantin Simonov kak voennyj pisatel': istorija Velikoj Otechestvennoj vojny v tvorchestve Simonova i ee sovremennye tolkovanija* [Konstantin Simonov as a Military Writer: History of the Great Patriotic War in Simonov's Works and Its Modern Interpretations]. M.: *INSAN Press*, 2006. 322 p.

Gerasimova I.F. *Chelovek i vremja: poezija K.M. Simonova perioda Velikoj Otechestvennoj vojny v kontekste literaturnoj jepohi* [Man and Time: K.M. Simonov's Poetry of the Great Patriotic War in the Context of the Literary Epoch]: dis. ... Cand. of Philological Sciences. M., 2008. 189 p.

Korzhova I.N. *Poezija K.M. Simonova kak hudozhestvennaja Sistema* [Poetry of K.M. Simonov as the Artistic System]: dis. ... Doctor of Philological Sciences. M., 2023. 467 p.

Leiderman N.L. *Opyt nesostojavshegosja sinteza (Trilogija K. Simonova «Zhivye i mertvye»)* [The Experience of Failed Synthesis (K. Simonov's Trilogy “The Living and the Dead”)] // Leiderman N.L. *Teorija zhanra* [Theory of Genre].

Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Press, 2010. Pp. 294–307.

Loskutnikova M.B. *Volzhskie rubezhi kak simbol Rossii v trilogii K.M. Simonova «Zhivye i mertvye»* [The Volga Borders as a Symbol of Russia in K.M. Simonov's Trilogy "The Living and the Dead"] // *Sreda. Kultura. Tekst: sb. materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy mezhdisciplinarnoj konferencii* [Environment. Culture. Text: Collection of Materials from the II All-Russian Scientific and Practical Interdisciplinary Conference]. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Press, 2024. Pp. 99–107.

Pankin B.D. *Chetyre «Ja» Konstantina Simonova: roman-biografija* [Four 'I' of Konstantin Simonov: the Novel-biography]. M.: Voskresenye Press, 1999. 454 p.

Paul D.V. *Konstantin Simonov v nachale XXI veka: k stoletiju so dnja rozhdenija* [Konstantin Simonov at the Beginning of the XXIst century: to the Centenary of His Birth] // *Vestnik MGUKI* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015. № 4 (66). Pp. 15–22.

Senyavskaya E.S. *Vremja i prostranstvo v vosprijatii cheloveka na vojne: jekzistencial'nyj opyt uchastnikov boevyh dejstvij* [Time and Space in Human Perception at War: Existential Experience of Combatants] // *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii* [Historical Psychology and Sociology of History]. 2010. V. 3, № 1. Pp. 5–17.

Sinenko V.S. *Trilogija K. Simonova «Zhivye i mertvye»: monograficheskoe issledovanie* [Simonov's Trilogy "The Living and the Dead": Monographic Research]. Ufa: Bashkir Book Presse, 1986. 165 p.

Khlebtsova A.V. *Moskva kak osobyj znak v aksiologii romana K.M. Simonova «Zhivye i mertvye»* [Moscow as a Special Sign in the Axiology of K.M. Simonov's Novel "The Living and the Dead"] // *Science in a Megapolis*. 2022. № 5 (40). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-40/literary-studies/moscow-as-special-sign.html>

Сведения об авторе

Хлебцова Анастасия Витальевна – аспирант департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: творчество К.М. Симонова, военная проза.

Information about the Author

Anastasiia V. Khlebtsova – Postgraduate Student of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: works by K.M. Simonov, the War prose.

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРЫ: СЕМАНТИКА ТВОРЧЕСКИХ ВЛИЯНИЙ

Научно-практическая статья

УДК 82.091

DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-157-169

ТЕМА ДВОЙНИЧЕСТВА В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ДВОЙНИК» И В РОМАНЕ О. ПАМУКА «БЕЛАЯ КРЕПОСТЬ»

Иванова Елена Радифовна

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
Ivanova-656@mgpu.ru, AuthorID: 502189, <https://orcid.org/0000-0001-5843-4985>

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу произведений Ф.М. Достоевского и современного турецкого писателя О. Памука. Сопоставление основано на схожести художественного воплощения темы двойничества в повести Достоевского «Двойник» и в романе Памука «Белая крепость». Более того, турецкий автор неоднократно подчеркивал влияние русского писателя на его творчество, что также подтверждает обоснованность предпринятого сопоставления произведений столь разных авторов. Двойничество как востребованный «ключ» к поэтике русской и зарубежной литературы остается предметом исследований литературоведов, которые открывают новые грани феномена. Потенциал темы двойничества в художественной литературе позволяет авторам внести в ее интерпретацию современные проблемы. Памук, опираясь на созданный Достоевским вариант двойничества, задается вопросом о необходимости идентичности и культурной самобытности в современном мире. Турецкий писатель утверждает свою модель мира, основанную на открытости, на переплетении культур и традиций. Именно поэтому его двойники не противопоставлены, а дополняют друг друга, становясь единым целым.

Ключевые слова: двойничество, Ф.М. Достоевский, постмодернизм, турецкая литература, О. Памук.

Для цитирования: Иванова Е.Р. Тема двойничества в повести Ф.М. Достоевского «Двойник» и в романе О. Памука «Белая крепость» // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 157–169. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-157-169.

Original scientific and practical article

THE THEME OF DUALITY IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVELLA "THE DOPPELGANGER" AND O. PAMUK'S NOVEL "THE WHITE FORTRESS"

Elena R. Ivanova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

Ivanova-656@mgpu.ru, AuthorID: 502189, <https://orcid.org/0000-0001-5843-4985>

Annotation. The article is devoted to a comparative analysis of the works of F.M. Dostoevsky and the modern Turkish writer O. Pamuk. The comparison is based on the similarity of the artistic embodiment of the theme of duality in Dostoevsky's novella "The Doppelganger" and O. Pamuk's novel "The White Fortress". Moreover, the Turkish author has repeatedly emphasized the influence of the Russian writer on his work, which also confirms the validity of the attempted comparison of the works of such different authors. Duality as a sought-after "key" to the poetics of Russian and foreign literature remains the subject of literary critics' research, which reveals new facets of the phenomenon. The potential of the theme of duality in fiction allows the authors to introduce modern problems into its interpretation. Pamuk, relying on the version of duality created by Dostoevsky, wonders about the need for identity and cultural identity in the modern world. The Turkish writer asserts his model of the world based on openness, on the interweaving of cultures and traditions. That is why his doppelgangers are not opposed, but complement each other, becoming a single whole.

Keywords: duality, F.M. Dostoevsky, postmodernism, Turkish literature, O. Pamuk.

For citation: Ivanova Elena R. The Theme of Duality in F.M. Dostoevsky's Novella "The Doppelganger" and O. Pamuk's Novel "The White Fortress" // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2024. Pp. 157–169. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-157-169.

© Иванова Е.Р., 2024

Введение

Творчество лауреата Нобелевской премии за 2006 год Орхана Памука стало своеобразным прорывом в современной турецкой литературе, открывшим для читателей неповторимый мир художественной словесности Турции. Пройдя довольно сложный и стремительный путь развития, турецкая литература вобрала в себя традиционные черты европейской литературы реализма и модернизма, создав при этом особый национальный стиль. Во многом турецкий литературный процесс был обусловлен непростой социально-политической жизнью страны, что нашло отражение в творчестве современных писателей Турции.

Произведения Памука стали объектом пристального внимания литературоведов, рассматривающих его творчество с самых разных точек зрения, но все они отмечают постмодернистскую природу романов писателя [Сулейманова, 2007; Репенкова, 2010; Посохова, 2016]. Так, подчеркивается, что в произведениях Памука «наиболее полно и талантливо нашли отражение постмодернистские тенденции в современной турецкой литературе» [Сулейманова, 2007, с. 3]. Анализ романистики Памука, осуществленный в контексте постмодернистской литературы Турции, приводит к утверждению, что именно он «ввел в турецкую литературу постмодернистское миропонимание» [здесь и ниже: Репенкова, 2010, с. 18]. Указывая на особенности творческой манеры Памука, исследовательница обозначает ее как «меланхолический» постмодернизм.

Сегодня произведения Памука известны всему миру. Его романы переводятся на русский язык и стали для российского читателя своеобразным «путеводителем» по Стамбулу в романах «Музей невинности», «Рыжеволосая женщина» и др. Интересны авторские экскурсии в историю и искусство Турции, например, в романе «Имя мне – красный» (1998). В 2016 году писатель стал лауреатом литературной премии «Ясная Поляна» в номинации «Иностранная литература» за книгу «Мои странные мысли».

20 февраля 2017 года Орхан Памук был удостоен звания почетного профессора Санкт-Петербургского государственного университета, и на торжественной церемонии вручения диплома и мантии он прочитал лекцию о творчестве Достоевского. «Турецкие романисты, – сказал Памук, – многому научились у великой русской литературы. Толстой, Достоевский, Чехов <...>. Эти три писателя стали для турецкой литературы XX века такими же важными ориентирами, как и французские писатели. Для меня Толстой и Достоевский – величайшие писатели на все времена <...>. Из двух русских писателей Достоевский оказывает на меня наибольшее воздействие» [Памук, 2021, с. 437]. Это заключение Памука дает основание для сравнительного анализа его романов с произведениями Достоевского.

Материалом для данного исследования послужили повесть Достоевского «Двойник» (1846) и роман Памука «Белая крепость» (1985). В исследовательской практике уже отмечалась интертекстуальная связь романа «Белая крепость» с творчеством русского писателя [Посохова, 2011, с. 220], однако это утверждение осталось без внимательного рассмотрения и сравнительного анализа произведений. *Основой для сопоставления* названных произведений стал представленный в них особый тип двойничества, при котором в тексте повести и романа появляются двойники в буквальном смысле слова, а не герои, схожие внутренним обликом, мировоззрением, судьбой.

Цель исследования – более четко обозначить, какие именно черты поэтики Достоевского были творчески восприняты турецким писателем и как они были переосмыслены в контексте его художественного мира. Для достижения

поставленной цели необходимо реализовать *следующие задачи*: рассмотреть, как тема двойничества воплощена в романе Памука; установить интертекстуальные и эстетические связи повести Достоевского и романа турецкого писателя; определить, какие черты психологизма Достоевского привнесены в изображение внутреннего мира героев Памука. Основой предпринятого исследования является *сравнительный метод*, позволяющий установить связь между творчеством писателей, принадлежащим к разным историческим эпохам и национальным культурам.

Основная часть

Повесть «Двойник» – одно из ранних произведений Достоевского, опубликованное в феврале 1846 года. Интерес к нему не ослабевает и в современном литературоведении [Ким, 2003; Евлампиев, 2010 и др.]. Главы, прочитанные автором ряду лиц в ходе работы, вызвали одобрение друзей писателя. Но после публикации окончательного варианта на Достоевского обрушился поток критики, о чем он писал своему брату М.М. Достоевскому 1 апреля 1846 года: «Но вот что гадко и мучительно: свои, наши, Белинский и все, мною недовольны за Голядкина. Первое впечатление было безотчетный восторг, говор, шум, толки. Второе – критика. Именно: все, все с общего говору, то есть наши и вся публика, нашли, что до того Голядкин скучен и вял, до того растянут, что читать нет возможности» [Достоевский, 1985, с. 119]. К работе над повестью писатель вернулся в 1866 году, тогда же появился подзаголовок «Петербургская поэма».

История титулярного советника Якова Петровича Голядкина в «Двойнике» Достоевского изначально содержала аллюзии к «Петербургским повестям» Н.В. Гоголя, на что указывает и появившийся позже подзаголовок. Совершенно очевидна отсылка к повестям «Нос» (1832–1833), «Портрет» (1833–1834), «Невский проспект» (1833–1834), в которых по-разному реализуется тема двойничества. С гоголевской повестью «Шинель» произведение Достоевского, помимо двойничества, связывает и образ «маленького» человека, черты которого присущи Голядкину. Сцена бала в доме статского советника Олсуфия Ивановича Берендеева, когда герой оказывается в оппозиции к обществу, частью которого себя считал, отсылает к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842).

Тема двойничества органично связывает творчество Достоевского и с наследием немецкого романтика Э.Т.А. Гофмана, который представил ее в повести «Двойники» (1814) и в романе «Эликсир сатаны» (1814–1816). Так, в литературоведческой практике утверждается, что «идея двойника как художественного воплощения противоречивой сущности личности, ее взаимоисключающих импульсов и устремлений, вполне возможно, возникла у Достоевского под влиянием немецкого романтика» [Ботникова, 1977, с. 158]. Определение истоков темы двойничества в поэтике Достоевского позволяет увидеть особенности ее авторской интерпретации, понять, какие новые смыслы

вкладывает писатель в этот феномен. Исследования современных филологов показывают, что интерес к теме двойничества в творчестве русского писателя не угасает, что открываются ее новые грани [Михалева, 2006].

Важно отметить, что сам Достоевский неоднократно подчеркивал свое особое отношение к повести «Двойник». В письмах и дневниках писатель много раз возвращался к этому произведению. Так, в издании «Дневника писателя», датируемого 1877 годом (Ноябрь. Глава первая, параграф II – «История глагола “стусhevаться”»), Достоевский пишет об «идее» повести «Двойник», называя ее «светлой» и утверждая: «серьезнее этой идеи я никогда ничего в литературе не проводил» [Достоевский, 1984, с. 65], а ранее, в письме к брату М.М. Достоевскому, датированному январем-февралем 1847 года, писатель воспроизводит оценку этого произведения публикой через год после ее издания: «Иные прямо говорят, что это произведение *чудо* и не понято» и «что ему [уготована] страшная роль в будущем» [Достоевский, 1985, с. 139]. Это означает, что феномен двойничества в данном произведении имеет сложную природу [Степанян, 2002], и ее творческому осмыслению писатель посвятил целый ряд своих известных романов. Двойничество в различных ипостасях предстает в романах «Преступление и наказание», «Подросток», «Братья Карамазовы» и в других произведениях. История интерпретации повести «Двойник» показывает, как от «социального» толкования образа Голядкина, рассматриваемого в контексте темы «маленького» человека, исследователи пришли к его философско-символистской и даже мистической трактовке. Справедливо утверждение о том, что «”пресмыкание” Голядкина имеет не социальный, а какой-то метафизический оттенок, он не просто ощущает низменность своего положения на иерархической лестнице чинов, но хочет стать ничем, вообще уничтожиться, исчезнуть как эта конкретная личность» [Евлампиев, 2010, с. 6].

Так, проезжая в экипаже по Невскому проспекту, Голядкин встречает своего начальника Андрея Филипповича, который с удивлением смотрит на подчиненного, позволившего себе такую роскошь, как экипаж. «Поклониться иль нет? Отозваться иль нет? Признаться иль нет? – думал в неопишваемой тоске наш герой, – или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно похожий со мною, и смотреть как ни в чем не бывало? Именно не я, не я, да и только! – говорил господин Голядкин, снимая шляпу пред Андреем Филипповичем и не сводя с него глаз. – Я, я ничего, – шептал он через силу, – я совсем ничего, это вовсе не я, Андрей Филиппович, это вовсе не я, не я, да и только» [Достоевский, 1972, с. 113].

Страстное желание героя спрятаться, стать незаметным, поставить вместо себя кого-то другого удивительным образом было исполнено. После скандала на балу в доме Берендеева, где Голядкину грубо указали на его место и выдворили вон, он чувствует себя убитым. Автор устами повествователя так описывал его состояние: «Скажем более: господин Голядкин не только

желал теперь убежать от себя самого, но даже совсем уничтожиться, не быть, в прах обратиться» [Достоевский, 1972, с. 139]. Достоевский не объясняет, какие силы откликнулись на желание героя «уничтожиться» и создали второго Голядкина, который устроился на ту же должность и в том же департаменте, а главное – почему никого из окружающих не удивило появление двойника Якова Петровича. Очевидно, что замена одного Голядкина другим происходит прежде всего потому, что первый отказался от себя самого, растоптал в себе личность, нивелировал свою индивидуальность, стал «пустотой». Именно поэтому его расторопный и хваткий двойник наглет и занимает все больше личного пространства Якова Петровича по мере того, как тот растерянно сдает свои позиции. В финале повести отношения Голядкина-старшего и Голядкина-младшего, как определяет их автор, кажутся очень запутанными. Достоевский окончательно переносит тему двойничества в сферу внутреннего мира главного героя. Становится ясно, что Голядкин-младший – это тот, кем хотел бы стать реальный титулярный советник Яков Петрович Голядкин, но так и не смог этого сделать. «Голядкин-младший – это не только материализация “темной” стороны личности героя, одновременно он представляет собой некий идеал интригана, без труда добивающегося успеха. Это своего рода мечта Голядкина об успехе, которого он никак не может добиться в реальной жизни в силу неразрешимой противоречивости своей натуры» [Евлампиев, 2010, с. 11].

* * *

Действие романа Памука «Белая крепость» разворачивается в Турции XVII века. В основу повествования, как это часто встречается в произведениях постмодернистской литературы, положена история из якобы найденной рукописи, в которой повествуется о жизни венецианца, попавшего в турецкий плен и прожившего на чужбине оставшуюся жизнь. Повествование от первого лица придает произведению атмосферу особой достоверности, вводя читателя в мир восточной культуры и истории, увиденных европейцем. Интересно, что мотив двойничества и зеркальности звучит еще в экспозиции к основному действию романа. Герой вспоминает свою прежнюю жизнь и видит себя со стороны совсем иначе: «В те времена я был другим человеком, которого мать, невеста и друзья называли другим именем. Мне и сейчас иногда снится тот, кто был мной, – или тот, о ком я сейчас так думаю, – и я просыпаюсь в холодном поту» [Памук, 2022, с. 19]. В этой структурной части произведения мотив двойничества развивается в рамках внутреннего мира героя, отражает его изменившийся взгляд на самого себя, подчеркивает кардинальные перемены в жизни и мировосприятии европейца, надолго оказавшегося в турецком плену.

Неожиданный импульс сюжет получает во второй главе романа, когда в ретроспективном повествовании герой рассказывает о том, что произошло с ним много лет назад. Пленник, очутившийся волею судьбы в Турции и испытавший множество лишений и бед, получает надежду на возвращение домой, но неожиданно оказывается рабом человека, приближенного ко двору

паши. Более того, рассказчик и его новый хозяин оказываются похожими как две капли воды. «Я взглянул ему в лицо и внезапно похолодел от страха! Человек, вошедший в комнату, был поразительно, невероятно похож на меня. Да это я и был! Такая мысль промелькнула у меня, едва я его увидел. Словно бы некто, желая сыграть со мной шутку, снова ввел меня в комнату через дверь прямо напротив той, в которую я недавно вошел, и сказал мне: посмотри, вот каким ты должен быть на самом деле, вот как ты должен был войти в дверь, вот какие у тебя должны быть жесты, вот как должен смотреть на тебя сидящий в комнате человек» [Памук, 2022, с. 31].

С таким же страхом и ужасом воспринимает появления двойника и герой Достоевского. «Господин Голядкин хотел закричать, но не мог, – протестовать каким-нибудь образом, но сил не хватило. Волосы встали на голове его дыбом, и он присел без чувств на месте от ужаса. Да и было от чего, впрочем. Господин Голядкин совершенно узнал своего ночного приятеля. Ночной приятель был не кто иной, как он сам, – сам господин Голядкин, другой господин Голядкин, но совершенно такой же, как и он сам, – одним словом, что называется, двойник его во всех отношениях» [Достоевский, 1972, с. 143]. Именно страх и ужас, а не удивление испытывают герои произведений Достоевского и Памука. Писатели одинаково интерпретируют феномен двойничества – как посягательство на личностное пространство и разрушение личностной целостности. Однако если образ Голядкина-младшего так и остается персонажем мистическим, вытеснившим из жизни Голядкина-старшего, то двойник в романе Памука вполне реален: у него есть имя – Ходжа; есть дом, работа; он связан с окружающим миром множеством нитей. При этом герою кажется, что окружающих ничуть не удивляет его поразительное сходство с Ходжой – или они этого просто не замечают. Происходящее беспокоит образованного рационалиста, впервые в жизни оказавшегося ввергнутым в события, которые он не может понять и объяснить. При этом Памук также не дает возможных версий встречи двойников, а причудливо переплетает их судьбы.

Особое внимание обращают на себя сходные эпизоды в произведениях Достоевского и Памука, в которых авторы акцентируют внимание на том, что герои-двойники оказываются за одним рабочим столом. Они делят не трапезу, а дела, выполнением которых заняты. Голядкин-старший, явившись в присутственное место, где служил титулярным советником, вдруг увидел своего двойника, сидящего напротив и перебирающего какие-то бумаги. Ходжа в романе «Белая крепость» не знает, что такое стол и с недовольством наблюдает за тем, как венецианец обустроивает свое рабочее место. Однако «потом Ходжа привык и к столу, и к стульям и даже говорил, что за столом ему лучше думается и пишется», в результате чего герой заключает: «В те первые месяцы наших ученых трудов мы сидели за столом друг напротив друга» [здесь и ниже: Памук, 2022, с. 55, 106]. В дальнейшем Ходжа выдвигает

беспрекословное требование «садиться за стол друг против друга и писать одновременно: только так можно <...> вселить друг в друга стремление к упорядоченной работе».

Возникает мотив зеркального отражения, который еще больше подчеркивает внешнее сходство героев в романе турецкого писателя. Этот мотив призван поставить перед гером-европейцем проблему идентичности и самопознания. Если Голядкин-старший видит в своем двойнике того, кем всегда желал стать, и поэтому более остро ощущается свою никчемность, то пленник-европеец в романе Памука, напротив, понимает, насколько Ходжа старается казаться умнее и образованнее его, и это внушает венецианцу чувство превосходства и уверенности в себе. В романе «Белая крепость» происходит и «обратное» влияние героя на своего двойника. Так, после одиннадцати лет совместной жизни и работы Ходжа задает вопрос своему рабу: «Почему я – это я?» [здесь и ниже: Памук, 2022, с. 144]. Пленник советует ему почаще смотреть в зеркало, чтобы понять, кто он есть. Этот совет приведет турка к глубоким философским размышлениям о том, что зеркало отражает «наружность» человека, а мысли – «самую сокровенную суть».

Более того, в сравниваемых произведениях важную роль играют эпизоды, в которых один из двойников присваивает себе заслуги и работу своего визави. Например, Голядкин-второй однажды вырвал из рук потрясенного Якова Петровича важный документ, над которым тот долго и усердно трудился, и преподнес бумагу его превосходительству от своего имени – и даже получил высокую похвалу начальства. Ходжа в романе Памука постепенно становится все более зависим от знаний своего раба, получившего образование в Европе. В конце концов он даже не сможет продолжить излагать свои мысли в собственных научных трудах, пока не получит одобрения венецианца. Здесь Голядкин-младший и Ходжа напоминают гофмановского Цахеса, который благодаря чарам получил возможность присваивать себе достижения других.

Важно, что двойник в повести Достоевского в итоге вытеснит и заменит несчастного Голядкина-старшего, которого в финале истории увезут в казенный дом, в то время как в романе Памука герои-двойники, по замыслу паши, должны были дополнить друг друга. Турецкий писатель разворачивает тему двойничества в традициях постмодернистской литературы: очевидны элементы «игры» с читателем, диалог разных культур и литератур, симуляционность. Герои романа «Белая крепость», исчерпав научные темы, начинают подробно описывать свою прежнюю жизнь, узнавая друг друга заново. Эти записи со временем превратились в исповеди венецианца и Ходжи, сделав их еще ближе. В драматические моменты жизни турок просит посмотреться в зеркало вместе. В такие минуты этот герой все больше осознает, насколько внешнее сходство изменило внутренний мир их обоих, их восприятие друг друга: «Тогда я видел перед собой человека, которым должен был стать; теперь же подумал, что это он должен стать таким, как я.

Мы – единое целое!» [здесь и ниже: Памук, 2022, с. 142, 144]. Каждое новое событие в судьбе героев доказывало это открытие. Они начинают понимать и чувствовать друг друга на интуитивном уровне. Это заставляет Ходжу заявить своему рабу-европейцу: «Я стал тобой!», а венецианцу смиренно признать, что «он и есть Ходжа».

Таким образом, Памук по-своему разрабатывает тему двойничества: изначальная враждебность героев-двойников и трагическое исчезновение одного из них, как это происходит в произведениях Э.Т.А. Гофмана, Э. По, Достоевского, «зеркально» изменяются, и герои становятся единым целым умственно и духовно. Своеобразным апофеозом такого формата двойничества в романе «Белая крепость» является представление лицедея во дворце султана, когда один актер играл роль человека, который был наполовину Ходжой, а наполовину – венецианцем. Очевидно, что именно так их видели все окружающие.

В повести Достоевского важную роль играет сон Якова Петровича Голядкина, в котором он видит, как Голядкин-второй буквально занимает все пространство вокруг, стремительно множась. Этот сон дублирует главную идею произведения, предвещает его развязку, раскрывает внутренний мир героя. В романе Памука героям также снятся сны. Особую роль играет сон венецианца, который привиделся ему, когда уже все воспринимали его как нечто единое и неразрывно связанное с Ходжой. Более того, Ходжа, словно устав от многолетних поисков самоидентификации, уступает лидерство своему рабу, которого оценивает как равного. Во сне герой-венецианец видит себя на бале-маскараде, где встречает свою мать и невесту. Он опускает маску, надеясь, что они узнают его, но этого не происходит. Тогда он замечает среди гостей Ходжу и направляется к нему. Тот снимает свою маску – и венецианец видит себя молодым, каким был, когда расстался с близкими и оказался в плену. Этот сон также становится одновременно пророческим и символическим. Позже, во время испытаний оружия, изобретенного героями-учеными, оба понимают, что их ждет неудача и казнь. Тогда венецианец отдает Ходже свою одежду и медальон, по которому его могут узнать близкие, и рассказывает о последних значимых подробностях своей прежней жизни. Ходжа уходит.

В эпилоге романа Памук вновь возвращается к «рукописи», обнаруженной на дне старого сундука в 1982 году, и к ее «создателю». Читатель узнает о последующей жизни героя-венецианца, который ассимилировался в Турции и вспоминает о Ходже с теплотой: «Я любил его, любил, словно собственный несчастный, жалкий образ, явившийся мне во сне» [здесь и ниже: Памук, 2022, с. 274, 279]. По замыслу писателя, эта «книга» и оказалась у рассказчика. Страницы рукописи повествуют о том, как однажды в его дом явился странник, которого якобы прислал Ходжа. Он рассказал о том, что Ходжа добрался до Венеции, нашел дом и семью своего двойника-христианина и даже женился на его бывшей невесте. «Европейский Ходжа» стал знаменитым ученым, известным писателем, а его книга «Турок, с которым я был близко знаком»

открыла европейцам мир Востока. Гость восхищается тем, насколько подробно герой когда-то рассказал о себе: «Как много вы ему [Ходже] о себе поведали!». Всё это создает вполне ожидаемую развязку истории двойников: один заменил другого, герои поменялись местами и судьбами. Ходжа, знавший всё о жизни европейца, воспользовался этим и устроился в Венеции, начал другую жизнь. Однако фраза гостя «Самое удивительное – это то, что он нисколько на вас не повлиял!» [Памук, 2022, с. 281] усложняет финал романа.

Памук использует прием смешения судеб героев-двойников, создавая эффект нераспознавания одного и другого, вводя целую систему вопросов: кто этот гость? Кем он видит своего знакомого итальянца и хозяина дома в Турции? Почему он замирает, увидев поднос с персиками и черешней, которые соотносятся с картинами прошлой жизни венецианца? Не сам ли Ходжа вернулся, чтобы вновь обрести свое второе «я»?

Вопросы, как и должно быть в постмодернистском романе, остаются без ответа. Также окончательно не решенной – открытой – остается и тема двойничества в романе «Белая крепость».

Выводы

Сравнительный анализ произведений Ф.М. Достоевского и О. Памука показал, что феномен двойничества воспринимается турецким писателем в совершенно ином культурном и историческом контексте, нежели Ф.М. Достоевским, который опирался на мотив двойничества, сложившийся в европейской литературе.

Принципиальные противоречия героев-двойников, основанные на религиозных взглядах, культурных традициях, которые всегда воспринимались как непреодолимые, О. Памук оценивает как весьма условные. Его герои разрешают эти противоречия: венецианец отказался стать мусульманином, и Ходжа оставил эту идею, принимая своего пленника таким, каков он есть. В свою очередь турецкий герой-мыслитель и изобретатель многому учится у героя-европейца, а оба они находят интересными и привлекательными многие черты культур, которые традиционно противопоставлялись друг другу. Таким образом О. Памук, интерпретируя тему двойничества, подчеркивает относительность любой идентичности в современном мире.

Источники

Художественная литература

Достоевский Ф.М. Двойник: Петербургская поэма // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. Т. 1. С. 109–229.

Памук О. Белая крепость. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 288 с.

Дневники. Письма. Лекции писателя

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877: Ноябрь. Глава первая, [параграф] II – История глагола «штушеваться» // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. Т. 26. С. 65–67.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. Т. 28. Кн. 1. Письма. 1832–1859. 552 с.

Памук О. Лекция о творчестве Ф.М. Достоевского, произнесенная на торжественной церемонии вручения диплома и мантии почетного доктора Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. Т. 18. Вып. 3. С. 436–443.

Литература

Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература. Воронеж: ВГУ, 1977. 204 с.

Евлампиев И.И. Повесть «Двойник» и метафизика «Двойничества» в творчестве Ф. Достоевского // Соловьевские исследования. 2010. № 2 (26). С. 4–17.

Ким Ю.К. Типология двойников в творчестве Ф.М. Достоевского и повесть «Двойник» (1846/1866): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 21 с.

Михалева А.А. Герой-двойник и структура произведения: Э.Т.<А.> Гофман и Ф.М. Достоевский: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 31 с.

Посохова Е.В. Идеальный диалогизм и интертекстуальность в романах Орхана Памука // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2011. № 3. С. 213–223.

Посохова Е.В. Символика цвета в романах Орхана Памука «Белая крепость», «Черная книга» и «Меня зовут Красный» // Ученые записки КФУ имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2016. № 3. С. 453–458.

Репенкова М.М. Постмодернизм в литературе Турции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 37 с.

Степанян К. Тема двойничества в понимании человеческой природы у Достоевского // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М.: Грааль, 2002. С. 177–190.

Сулейманова А.С. Постмодернизм в современном турецком романе (на примере творчества Орхана Памука): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 22 с.

References

Sources

Works

Dostoevsky F.M. *Dvojniki: Peterburgskaya poehma* [The Doppelgänger: The Petersburg Poem] // Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]: in 30 vols. L.: Nauka Publishing House. Leningrad Branch, 1972.

V. 1. Pp. 109–229.

Pamuk O. *Belaja krepost'* [The White Fortress]. SPb.: Azbuka Press, Azbuka-Attikus Press, 2022. 288 p.

Diaries. Letters. Lectures of the Writer

Dostoevsky F.M. *Dnevnik pisatelya. 1877: Noyabr'. Glava pervaya, [paragraf] II – Istoriya glagola «stushevat'sya»* [The Writer's Diary. 1877: November. Chapter One, [paragraph] II – The History of the Verb “to Fade Away”] // Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]: in 30 vols. L.: Nauka Publishing House. Leningrad Branch, 1984. V. 26. Pp. 65–67.

Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem* [Complete Works and Letters]: in 30 vols. L.: Nauka Publishing House. Leningrad Branch, 1985. V. 28. Book 1. Letters. 1832–1859. 552 p.

Pamuk O. *Lekcija o tvorchestve F.M. Dostoevskogo, proiznesennaja na torzhestvennoj ceremonii vruchenija diploma i mantii pochetnogo doktora Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Lecture on the Work of F.M. Dostoevsky Delivered at the Ceremony of Awarding the Diploma and Mantle of Honorary Doctor of St. Petersburg State University] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura* [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature]. 2021. V. 18, № 3. Pp. 436–443.

Literature

Botnikova A.B. *E.T.A. Gofman i russkaja literatura* [E.T.A. Hoffman and Russian Literature]. Voronezh: Voronezh State University Press, 1977. 204 p.

Evlampiev I.I. *Povest' «Dvojniki» i metafizika «Dvojnichestva» v tvorchestve F. Dostoevskogo* [The Novel “The Doppelgänger” and the Metaphysics of “Duality” in the Works of F. Dostoevsky] // *Solov'evskie issledovanija* [Solovyov's Research]. 2010. № 2 (26). Pp. 4–17.

Kim Ju.K. *Tipologija dvojnikov v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i povest' «Dvojniki» (1846/1866)* [The Typology of Doppelgängers in the Works of F.M. Dostoevsky and the Novel “The Doppelgänger” (1846/1866): abstract dis. ... Cand. of Philological Sciences]. M., 2003. 21 p.

Mikhaleva A.A. *Geroj-dvojniki i struktura proizvedenija: E.T.<A>. Gofman i F.M. Dostoevskij* [The Double Hero and the Structure of the Work: E.T.<A>. Hoffman and F.M. Dostoevsky: abstract dis. ... Cand. of Philological Sciences]. M., 2006. 31 p.

Posokhova E.V. *Idejnyj dialogizm i intertekstual'nost' v romanah Orhana Pamuka* [Ideological Dialogism and Intertextuality in Orhan Pamuk's Novels] // *Mirovaja literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij* [World Literature at the Crossroads of Cultures and Civilizations]. 2011. № 3. Pp. 213–223.

Posokhova E.V. *Simvolika cveta v romanah Orhana Pamuka «Belaja krepost'», «Chernaja kniga» i «Menja zovut Krasnyj»* [The Symbolism of Color in Orhan

Pamuk's Novels "The White Fortress", "The Black Book" and "My Name is Red"] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences]. 2016. № 3. Pp. 453–458.

Repenkova M.M. *Postmodernizm v literature Turcii* [Postmodernism in Turkish Literature: abstract dis. ... Doctor of Philological Sciences]. M., 2010. 37 p.

Stepanyan K. *Tema dvojnichestva v ponimanii chelovecheskoj prirody u Dostoevskogo* [The Theme of Duality in Dostoevsky's Understanding of Human Nature] // *XXI vek glazami Dostoevskogo: perspektivy chelovechestv* [The XXI-st Century through the Eyes of Dostoevsky: Perspectives of Humanity]. M.: Graal Press, 2002. Pp. 177–190.

Suleimanova A.S. *Postmodernizm v sovremennom tureckom romane (na primere tvorchestva Orhana Pamuka)* [Postmodernism in the Modern Turkish Novel (Using the Example of Orhan Pamuk's Work): abstract dis. ... Cand. of Philological Sciences. SPb., 2007. 22 p.

Сведения об авторе

Иванова Елена Радифовна – доктор филологических наук, доцент; профессор департамента филологии института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет. Научные интересы: зарубежная литература, немецкая литература XIX века, новейшая зарубежная литература, прецедентные феномены в художественной литературе.

Information about the Author

Elena R. Ivanova – Dr. Sc. (Philology), Associate Professor; Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: foreign literature, German literature of the XIX-th century, modern foreign literature, precedent phenomena in fiction.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ

Научная статья

УДК 821.161.1Достоевский

DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-170-189

РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»: ОТРАЖАЕТ ЛИ ОБРАЗ МАКАРА ДОЛГОРУКОГО ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПЕРСОНАЖА К СЕКТЕ БЕГУНОВ?

Карпачева Татьяна Сергеевна

Московский городской педагогический университет; Москва, Российская Федерация;
karpachevats@mgnu.ru, AuthorID: 338826, <https://orcid.org/0009-0007-6227-4874>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, соответствует ли мировоззрение Макара Ивановича Долгорукого в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» идеологии бегунов и, следовательно, можно ли говорить о принадлежности героя к этой секте. Автор приходит к выводу о том, что имеющееся в литературоведческой науке мнение о таком соотношении ошибочно. Бегуны, стремясь «обособиться», бежали от общества, в то время как итог странствий Макара Ивановича созидательный – он несет в себе мир и гармонию людям. В словах героя нет ничего, что противоречило бы православному богословию. Вобрав в себя мысли из сочинений свт. Тихона Задонского, а также черты, присущие и другим русским святым, Макар Иванович стоит в характерологии Достоевского в одном ряду со старцем Зосимой, епископом Тихоном в «Бесах», но никак не с Миколкой (персонажем, по своему менталитету наиболее близким к бегунам). А размышления Макара Ивановича о самоубийцах и самоубийстве, о сложности человеческой природы, о многообразии причин, могущих повлечь за собой роковой шаг, предвосхищают открытия современной медицинской науки и являются частью художественной антропологии Достоевского.

Ключевые слова: роман «Подросток», Макар Долгорукий, секта бегунов.

Для цитирования: Карпачева Т.С. Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: отражает ли образ Макара Долгорукого принадлежность персонажа к секте бегунов? // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 170–189. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-170-189.

Original article

F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE ADOLESCENT": DOES THE IMAGE OF MAKAR DOLGORUKY REFLECT THE CHARACTER'S BELONGING TO THE SECT OF RUNNERS?

Tatiana S. Karpacheva

Moscow City University; Moscow, Russian Federation;

karpachevats@mgpu.ru, AuthorID: 338826, <https://orcid.org/0009-0007-6227-4874>

Abstract. The article examines whether the worldview of Makar Ivanovich Dolgoruky in F.M. Dostoevsky's novel «The Adolescent» corresponds to the ideology of the runners and, consequently, whether it is possible to speak of the hero's belonging to this sect. The author comes to the conclusion that the opinion about such a relationship that exists in literary criticism is erroneous. The runners fled from society, seeking to «isolate», while the result of Makar Ivanovich's wanderings was creative – he brings peace and harmony to people. There is nothing in the words of the hero that would contradict Orthodox theology. Having absorbed the thoughts from the works of St. Tikhon of Zadonsk, as well as features inherent in other Russian saints, Makar Ivanovich stands in Dostoevsky's characterology in the same row with the elder Zosima, Bishop Tikhon in «Demons», but not with Mikolka (the hero, in his mentality closest to the runners). And Makar Ivanovich's reflections on suicides and suicide, on the complexity of human nature, on the diversity of reasons that can lead to a fatal step, anticipate the discoveries of modern medical science and are part of Dostoevsky's artistic anthropology.

Keywords: novel "The Adolescent", Makar Dolgoruky, sect of runners.

For citation: Karpacheva Tatiana S. F.M. Dostoevsky's Novel "The Adolescent": Does the Image of Makar Dolgoruky Reflect the Character's Belonging to the Sect of Runners? // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2024. Pp. 170–189. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-170-189.

© Карпачева Т.С., 2024

Введение

В настоящее время как в научном сообществе, так и среди широкого круга общественности усилился интерес к осмыслению религиозно-философских проблем в творчестве Ф.М. Достоевского. Немало работ посвящено изучению православной традиции в художественном мире писателя – библейских сюжетов и аллюзий на них, переключек со святоотеческим наследием. Гораздо меньше внимания в достоевсковедении уделено теме сект в творческом опыте писателя. При этом интерес автора к данной теме подтверждается, в том

числе, наличием в его библиотеке книги А.М. Иванцова-Платонова «Ереси и расколы первых трех веков христианства» [Библиотека Достоевского, 2005, с. 117]. К изучению сект и образов сектантов в литературной практике Достоевского обращался целый ряд отечественных и зарубежных ученых и исследователей [Истомин, 1924; Волгин, 1991, с. 262–265; Дилакторская, 1995; Цой, 1995; Ипатова, 2001; Джоунс, 2005; Тусичишный, 2010; Буданова, 2012, с. 195–203; и др.].

В частности, образы Мурина в повести «Хозяйка», старика-старовера в «Записках из Мертвого дома», Миколки Дементьева в «Преступлении и наказании», Хромоножки в романе «Бесы» – все они не могут быть поняты вне религиозной, а точнее псевдорелигиозной составляющей их мировоззрения. Некоторые исследователи, впрочем, на наш взгляд, ошибочно причисляют к образам сектантов Макара Ивановича Долгорукого – героя романа «Подросток» [Боград, 2007, с. 162; Белопольский, 2013, с. 289]. Более того, в достоевсковедении сформировалась своего рода тенденция рассмотрения этого характера как «продолжения» образа старика-старовера из «Записок из Мертвого дома» [Туниманов, 1971, с. 3; Власкин, 1994, с. 51; Мочульский, 1995, с. 312; Ми Сюйян, 2017, с. 139 и др.], выявления в его мировоззрении «еретического элемента» [Семенов, 1979, с. 93; Михнюкевич, 1994, с. 183], причисления его к секте бегунов либо понимания этого образа как «близкого» к бегунам [Белопольский, 2013, с. 289].

На наш взгляд, эта линия восприятия персонажа требует пересмотра.

К примеру, Г.Л. Боград делает вывод о принадлежности образа Макара Ивановича к бегунам лишь на основании его странничества, считая, что «в XIX веке понятие “странник” относилось прежде всего к сектантам-раскольникам – странникам, или бегунам» [Боград, 2007, с. 162]. Между тем слова «странник» («странствовать», «странствие» и т. д.) имели и имеют гораздо более широкое семантическое поле. Значительно чаще они употреблялись и употребляются в значении «паломник» («паломничать» – путешествовать по святым местам). Так, в словаре В.И. Даля отражено в первую очередь именно такое, классическое, понимание данного лексического гнезда: «*Странствовать, странствие, странство, странничанье*, действие по глаг. *Странничанье* бол-ьше> говор<ят> о паломничестве, скитанье по святым местам, по монастырям. <...> *Странник, -ница*, то же, более в знач. *странный, заходящий, человек с чужбины, проезжий, прохожий; гость, ищущий где временного приюта* <...> *У нас на селе странницы, по обету, в Соловки идут...*» [Даль, 2007, т. 4, с. 181]. Дается и значение слова «странник» как «последователь секты бегунов», но не в качестве основного: «*Странники, скитальцы или сопелковщина, изуверский толк беспоповщины, из новейших, утверждающий видимое царенье антихриста, почему всякое повиновение власти есть смертный грех и гибель вечная; должно жить и умереть странником, бродягой и быть зарытым тайно, где-нибудь в лесу*»

[Даль, 2007, т. 4, с. 181]. Чтобы сделать вывод о возможной принадлежности или непринадлежности характера Макара Ивановича к секте бегунов, необходимо обратиться к исследованиям, посвященным непосредственно этому социальному феномену.

Осуществленная *исследовательская методология* опирается на концептуально-аналитические принципы изучения социологически-религиоведческих аспектов литературных феноменов.

Основная часть

Секта бегунов, ее учение и образ жизни последователей неоднократно становились предметом рассмотрения уже современниками Достоевского.

Основание секты относят к концу XVIII века. Ее создателем был беглый солдат Евфимий (1743–1792) [Трефолов, 1866, с. 610]. Он называл царскую власть «апокалиптическим зверем», призывал «порвать всякую связь с обществом и государством, не брать паспортов, не идти на военную службу, не обращаться в суд, не платить налоги, но “достоить таиться и бегать”, то есть не иметь дома, семьи, а только постоянно скрываться и избегать всякой связи с людьми, носящими печать антихриста, в том числе и со старообрядцами» [Варадинов, 1863, с. 530–532; Бахмутов, 2008]. Тогда же представители таких групп стали называться «странниками».

К XIX веку для бегунов значительно важнее оказался переход на нелегальное положение, чем странничество само по себе. При вступлении в секту необходимо было уничтожить документы и жить скрытно, хотя бы и в своей деревне [Варадинов, 1863, с. 532–533; Мальцев, 2003, с. 447]. Как отмечает исследователь раскола, современник Достоевского, юрист, доктор права Н.В. Варадинов (1817–1886), такие «странники» очень почитались в старообрядческой среде и всегда могли рассчитывать на кров и пищу: «звание странника не очень выгодно, но положение их улучшали странноприимцы, жившие в мире в чаянии будущего странничества и допускаявшиеся потому в секту. Эти странноприимцы скрывали странников, хранили их имущество, принимали для них подаяния. Под конец жизни или в случае тяжелой болезни странноприимцы сами уходили в странство или их выносили из домов для того, чтобы зачислить в бегах и дать возможность умереть в этом звании и на чужой стороне <...>. Были примеры, что многие странники, записанные бежавшими, жили в родном селе, только не в своем доме, а у соседа или даже дома, но под “сокрытием”. <...> Для укрывательства странников странноприимцы устраивали в своих домах тайники и подпольные секретные кельи с печами и другими удобствами для покойного жилья» [Варадинов, 1863, с. 533].

И.С. Аксаков, также изучавший идеологию и образ жизни бегунов, приводит примеры совершенно абсурдных случаев, когда дети зажиточных крестьян подавались в розыск, числились «в бегах», однако при этом оставались

дома, «скрываясь в тайниках родительских изб и находя для себя отраду, сколько в исключении себя из общества антихристовых граждан, столько же в “стеснении, скрытии и гонении”, когда никто еще тогда их не преследовал!» [Аксаков, 1866, стлб. 639].

Доктор богословия, профессор Казанской духовной академии Н.И. Ивановский (1840–1913) также как наиболее характерную черту учения бегунов выделяет именно «сокрытие», в т. ч. отказ от документов, и обращает внимание на наличие в той или иной степени организованных групп в их среде: «первичная идея бегунства не могла быть и выдержана в смысле необходимого ее осуществления каждым членом секты. В противном случае распалась бы и самая секта, как общество, и все странствующие превратились бы в нестройную бродячую толпу, без всякой сплоченности и организации» [Ивановский, 1901, с. 2, 25]. Исследователь указывает на резко антисоциальную идеологию бегунов: «православную церковь они исповедуют находящейся под властью антихриста, но и государство со всеми его учреждениями считают антихристианским, почему с последним разрывают всякую связь»; «не подчиняются никаким существующим властям, считая их иконой апокалиптического зверя – антихриста <...> не несут никаких общественных повинностей, живут скрытно, в каком-то особом мире, точно в другом царстве» [Ивановский, 1901, с. 2]. Таким образом, любые представители власти считались среди бегунов «слугами антихриста», и пострадать от властей значило пострадать за Христа [Аксаков, 1866; Трефолов, 1866; Кельсиев, 1868, с. 35–37 и др.].

Краевед и публицист Л.Н. Трефолов (1839–1905), изучавший секты бегунов в родной Ярославской губернии, указывает на их главное отличие от иных сект беспоповцев, состоящее как раз в их непримиримом радикализме: «лжеучение всех беспоповщинских толков об антихристе (который будто бы не только в церкви, но и во всем составе общества, в его властях и подчиненных, в их мыслях и делах царствует невидимо) странники дополнили тем, что антихрист уже явился и царствует видимо, со времен Петра. Таким образом, когда прочие толки, хотя и отвергают власть, но считают нужным скрывать это и по наружности повиноваться, странники, напротив, <...> неповиновение власти поставляют в непреложное условие спасения»; «по их учению, “день Христов” – день брани...» [Трефолов, 1866, с. 611–612].

При вступлении в секту практиковалось перекрещивание («преимущественно в реке» [Варадинов, 1863, с. 532]); православная церковь считалась еретической, поврежденной нововведениями, поэтому не признавался церковный брак («церковный брак странники считают состоянием непрерывного, но бессознательного прелюбодеяния, без покаяния» [Трефолов, 1866, с. 611]). Даже сама смерть последователей секты бегунов регламентировалась своеобразными правилами. Считалось, что лица, придерживающиеся их учения, если и жили в миру (так

называемые «жиловые странники», дававшие в укрытиях своих домов приют для беспаспортных единоверцев), то хотя бы умереть должны были «на чужой стороне»; впрочем, эта «чужая сторона» могла быть хоть «за 100 сажен от родного дома» [Варадинов, 1863, с. 533]; главное, чтобы нахождение могилы никому не было известно – для соблюдения принципа «безвестности погребения» [Ивановский, 1901, с. 25]. Даже самый почитаемый наставник бегунов Никита Семенов, который долгие годы управлял сектой, «вершил суд» над провинившимися и т. д., был погребен в лесу «в безвестности», и, хоть все последователи долгое время носили по нему траур и справляли поминки, на похоронах его присутствовало не более пяти человек [Ивановский, 1901, с. 21]. Практически все исследователи проблемы сект – современники Достоевского – указывают также и на широкое распространение криминала в этой никак не контролируемой среде: укрывательство беглых, грабежи, разбои, случаи мошенничества [Варадинов, 1863, с. 529, 534; Трефолев, 1866, с. 626].

Из героев Достоевского наиболее близок к бегунам красильщик Миколка в романе «Преступление и наказание», до переезда в Петербург принадлежавший к некоей замкнутой, сходной с бегунами религиозной группе: «он из раскольников, да и не то чтоб из раскольников, а просто сектант; у него в роду бегуны бывали, и сам он еще недавно, целых два года, в деревне у некоего старца под духовным началом был. <...> просто в пустыню бежать хотел! Рвение имел, по ночам Богу молился, книги старые, “истинные” читал и зачитывался» [Достоевский, т. VI, с. 347]. Порфирий Петрович очень точно понимает идею бегунов о «принятии страдания» «от властей»: «Это не то чтобы за кого-нибудь, а так просто “пострадать надо”; страдание, значит, принять, а от властей – так тем паче» [Достоевский, т. VI, с. 348].

В судебной практике были известны самооговоры бегунов, сходные с Миколкиным. А.Ф. Кони приводит случай из практики, когда старик, «принадлежавший к секте бегунов или странников так называемого сопелковского согласия, <...> будучи задержан в Казани, возводил на себя разные преступления, с угрюмым упорством отвергая твердо установленные данные, указывающие на его невиновность»; «внизу протоколов своих показаний он писал полууставом: “за истинную православную христианскую веру раб Божий Иона Воробьев руку приложил”» [здесь и ниже: Кони, 1922, с. 320]. Ученый отмечал, что такие случаи были нередки «между последователями крайних и мрачных сектантских учений, вроде морельщиков, самосжигателей, бегунов», считавших, что «Царство Небесное может быть достигнуто только тяжкими и незаслуженными земными испытаниями, и потому ищущ<их> “приятъ страдание”, возводя на себя небывалые преступления или обвиняя себя в совершении преступления, несомненно содеянного другими».

Однако даже о принадлежности Миколки к секте бегунов нельзя говорить

буквально: бегуны бывали, по наблюдению Порфирия Петровича, в его «роду», а сам он лишь жил некоторое время в какой-то общине сектантского толка. Но такая антиобщественная идеология, возводящая в культ страдание, не вступает в диссонанс с его образом.

Что же касается образа Макара Ивановича, одного из «христоликих» [Попович, 2002, с. 179] героев Достоевского, то признаки, характерные для мировоззрения и особенностей жизни бегунов, вступают в прямое противоречие с этим образом. Так, рассказывая о своих странствиях, Макар Иванович постоянно упоминает посещение православных монастырей, что для представителей этой секты было совершенно неприемлемо. По мнению бегунов, церковь «погибла» после переписи крестьян в 1742 году и сохранилась только среди бежавших от ревизии, о чем Достоевский не мог не знать [Щапов, 1906, с. 505–579].

В подготовительных материалах к роману «Подросток» содержится запись о рассказах Макара Ивановича и о монастырских службах: «Макар Иванов рассказывает о вечернях и стояниях, взятъ из Парфения»¹ [Достоевский, т. XVI, с. 150]. Рассказчик замечает, что Макар Иванович «любил <...> говорить о пустынножительстве и ставил “пустыню” [то есть монастырское жительство] несравненно выше “странствий”» [здесь и ниже: Достоевский, т. XIII, с. 310, 312]. Интересно, что буквально сразу же дается «отклик» Версилова на этот мировоззренческий аспект. Версиров будто бы «забывает» о том, что Макар Иванович не может принять монашеский постриг, потому что он женат, а не по причине своей «страсти» к «странствиям»: «Хвалит пустыню с восторгом, но ни в пустыню, ни в монастырь ни за что не пойдет, потому что в высшей степени “бродяга”». Весь рассказ Версилова о Макаре Ивановиче («Макар Иванович прежде всего — не мужик, а дворовый человек <...> до сих пор всего больше интересуется событиями из господской и высшей жизни») пронизан нескрываемым высокомерным тоном: он именно так рассказывает о Макаре Ивановиче, как говорил бы «барин» о «дворовом человеке». И тем не менее рассказу Версилова исследователи, казалось бы, *доверяют* больше, чем рассказу Аркадия, от лица которого ведется всё повествование.

Так, именно на впечатление Версилова ориентируются исследователи для иллюстрации «нецерковности» Макара Ивановича: «Писатель подчеркивает, что народный идеал святости чужд византийской строгости и монашеского аскетизма. Макар паломничает по монастырям, восхваляет пустыню, но, прибавляет автор [устаами Версилова], “ни в пустыню, ни в монастырь ни за что не пойдет”» [Мочульский, 1995, с. 488]. На самом же деле, из рассказа Макара Ивановича (а не Версилова о нем) как раз следует, что он, в отличие от бегунов, не «возводит в принцип» свои скитания,

¹ Речь идет о книге схиигумена Парфения Агеева «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения» (В 4 ч. М.: в тип. Александра Семена, 1855). Достоевский был знаком с этой книгой и даже брал ее с собой за границу [Якубович, 1978, с. 136–143].

а выбирает этот образ жизни, поскольку не может уйти в монастырь, к чему больше всего лежит его душа, во-первых, по причине женитьбы на Софье Андреевне; во-вторых, из-за невозможности заглушить боль от измены жены; и, наконец, в силу христианского молитвенного подвига: в тех святых местах, где он бывает, он везде молится о своей жене, «непутевом» барине-сопернике и о «детках».

На вполне традиционное христианское мировоззрение Макара Ивановича указывает также то, что он является горячим защитником и даже, можно сказать, проповедником науки: «сызмлада науку почитал, и хоть сам не смыслен, на то не ропщу: не мне, так другому досталось» [здесь и ниже: Достоевский, т. XIII, с. 288]. Притом никакого противоречия между наукой и религией он не видит; более того, считает, что именно научное мышление поможет отстоять и сохранить веру: «Все познай, чтобы, когда встретишь безбожника али озорника, чтоб ты мог пред ним ответить, а он чтоб тебя неистовыми словами не забросал и мысли твои незрелые чтоб не смутил», – такой совет дает Макар Иванович Аркадию, «прозревая», вероятно, в нем будущего горячего защитника православия.

Макар Иванович пользуется медицинской помощью, что не только для бегунов, но и для иных, значительно менее радикальных сект и раскольнических общин было практически неприемлемым. Характерной чертой всей раскольничьей среды являлся либо полный отказ от медицинской помощи, либо очень настороженное к ней отношение. Более того, такое отношение к медицинской помощи уже в начале XIX века вызывало обеспокоенность правительства: в 1820 году Александром I был утвержден Указ, содержащий распоряжение местным властям «обратить внимание на больных, оставляемых раскольниками без всякой помощи, и доставлять им нужное пособие посредством помещения их в больницы Приказов Общественного Призрения или употреблением на местах жительства врачей», а «по исцелении же таковых обращать их в места, где они по законам находиться должны» [Халтулари, 1903, с. 59–60]. Макар Иванович, в свою очередь, хвалит мазь, выписанную доктором Лихтенем, и состоит с ним «в теснейших приятельских отношениях» [Достоевский, т. XIII, с. 286, 298].

Макар Долгорукий считает незыблемым таинство брака, поэтому заботится об изменившей ему супруге, для чего и берет деньги («отступные») от Версилова, чтобы сохранить их для Софьи Андреевны. На то, что Макар Иванович больше заботится о Софье Андреевне, чем Версильов, уже неоднократно обращали внимание исследователи [Ракина, 1986, с. 88]. Более того, Макар Иванович обращается в суд (с точки зрения бегунов, самое что ни на есть «антихристовое» учреждение) с тем, чтобы вытребовать обещанную сумму с процентами, чем очень удивляет Версильова: «Не понимаю, зачем страннику столько собственных денег... деньги такая светская вещь» [Достоевский, т. XIII, с. 108]. Очевидно, что все это несовместимо

с идеологией бегунов.

Показательно, что, когда доктор называет Макара «бродягой» («Ну, там религиозный бродяга, ну, набожный, а все-таки бродяга. В хорошем, почтенном смысле, но бродяга»), Аркадий возмущается и возражает ему: «Уверяю вас, <...> что бродяги – скорее мы с вами, и все, сколько здесь ни есть, а не этот старик, у которого нам с вами еще поучиться, потому что у него есть твердое в жизни, а у нас, сколько нас ни есть, ничего твердого в жизни» [Достоевский, т. XIII, с. 300–301]. Удивляется слову «бродяга» по отношению к Макару Ивановичу и Татьяна Павловна, хотя ей прекрасно известен его образ жизни: «Так Макар – бродяга, по-твоему?» [Достоевский, т. XIII, с. 300].

Иными словами, сама по себе любовь к паломничеству еще не делает Макара Ивановича бродягой. «Дорога» Макара Долгорукого закончилась в кругу семейства, пусть и «случайного». Он умирает не в лесу, а в кругу близких, перед смертью дает всем наставления, и его отпевают по православному обряду.

Особую роль в понимании этого образа играет напутствие Макара Ивановича, данное им перед смертью Аркадию, о служении Православной церкви: «Ты, милый, святой церкви ревнуй, и аще позовет время – и умри за нее; да подожди, не пугайся, не сейчас <...> Теперь ты, может быть, о сем и не думаешь, потом, может, подумаешь. Разве что молитву приучайся творить ежедневно и неуклонно» [Достоевский, т. XIII, с. 330]. Исследователи, склонные видеть в образе Макара Ивановича «расхождение» с каноническим православием, стараются обращать лишь незначительное внимание на эти слова (ведь Макар говорит не о «старой вере», а о традиционной, православной, «никонианской»). Так, в этом напутствии Макара Ивановича видят только иллюстрацию его «наставнической роли», в ряду с другими «духовными поучениями», «высказанными» в императивной форме сентенциями» [Михнюкевич, 1994, с. 185] (после цитирования этих высоких слов об исповедании веры исследователем пренебрежительно ставится «и т. д. и т. п.»). Впрочем, на наш взгляд, напутствие Макара Ивановича Аркадию – это вовсе не шаблон и даже не «наставничество», а, можно сказать, «прозрение» или «пророчество» о грядущих большевистских гонениях на церковь: неспроста оно высказано на краю перехода в вечность. (Аркадий же вполне мог бы дожить до Октябрьской революции и начала социальных трансформаций 1918 года, и даже до 1937 года – пика сталинских репрессий.)

Главный аргумент, к которому апеллируют исследователи, считающие, что мировоззрение Макара Ивановича будто бы расходится с православием, – это его призыв молиться за самоубийц. В частности, звучит суждение о «неканоничности» и «нецерковности» веры этого героя: «Признавая, что “самоубийство есть самый великий грех человеческий”, Макар тем не менее советует Аркадию молиться за самоубийц, что церковь безусловно запрещалось» [Михнюкевич, 1994, с. 183]. На деле ничего «безусловного»

в этом вопросе, как и в других дискуссионных церковно-социальных вопросах, нет, тем более что Макара Иванович говорит даже не о церковном поминовении, а о *келейном*: «Каждый раз, как услышишь о таком грехе, то, отходя ко сну, помолись за сего грешника умиленно; хотя бы только воздохни о нем к Богу; даже хотя бы ты не знал о нем вовсе, – тем доходнее твоя молитва будет о нем» [Достоевский, т. XIII, с. 310]. Если вопрос отношения к поминовению самоубийц в церкви прошел определенный путь своего развития [Поселянин, 1913¹; Бондач, 2008], то келейная (домашняя) молитва за кого бы то ни было никогда не запрещалась.

Интересно, что слова Макара Ивановича почти буквально повторяет и старец Зосима: «горе самим истребившим себя на земле, горе самоубийцам! Мыслью, что уже несчастнее сих и не может быть никого. Грех, рекут нам, о сих Бога молить, и церковь наружно их как бы и отвергает, но мыслью в тайне души моей, что можно бы и за них помолиться. За любовь не осердится ведь Христос. О таких я внутренно во всю жизнь молился, исповедуюсь вам в том, отцы и учителя, да и ныне на всяк день молюсь» [Достоевский, т. XIV, с. 293]. Никакая молитва, если она обращена к Богу, не может «расходиться» с православным вероучением.

На создание Достоевским образов святых и праведников повлияли идеи свт. Тихона Задонского [Якубович, 1978; Тихомиров, 2001; Плетнев, 2007; Карпачева, 2015; Саису, 2020 и др.]. Они неоднократно отражены в его молитвенных подвигах: «Обнимая всех с любовью, святитель Тихон говаривал: “Желал бы я, чтобы не только раскольники, но и турки и все противящиеся Богу получили вечное спасение и блаженство”» [Жития святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского, 2007, с. 166]; «<благодать Божия> воспламеняет <...> сердце такой любовью к Богу, что ни на небе, ни на земле, ни к чему он <человек> не стремится, ничего не желает, кроме единого Бога, – воспламеняет и такой любовью к ближним, что хотел бы всех без изъятия вместить в объятия любви своей и всех видеть спасенными» [Тихон Задонский, 2003, т. 1, с. 221–222]. В своем «Келейном молении» свт. Тихон несколько молитвенных обращений к Богу из псалмов озаглавил как «Молитвы об общем спасении» [Тихон Задонский, 2004, с. 30].

Нельзя не отметить, что рассуждения Макара Ивановича о самоубийцах носят не столько религиозный, сколько социально-психологический характер. Его призыв к молитве за них – плод долгих размышлений о человеческой природе. И слова о том, что «судья тут – един лишь Господь, ибо ему

---

¹ Вопрос о поминовении самоубийц в начале XX века будет осмысливаться, в частности, в книге Е. Поселянина (псевдоним Е.А. Погожева, 1870–1931) «Идеалы христианской жизни», очень полюбившейся читателям и снискавшей популярность. В ней содержится рассказ-притча о священнике, страдавшем пьянством, но не забывавшем, однако, усердно молиться обо всех умерших, в том числе и о самоубийцах. В сонном видении они «пришли» к архиерею заступиться за своего молитвенника, когда тот хотел отстранить священника от служения [Поселянин, 1913, с. 175–177].

известно все, всякий предел и всякая мера» [Достоевский, т. XIII, с. 310], – это не только упование на милосердие Божие, но и понимание того, что в психологии самоубийства еще не все открыто. Самоубийца далеко не всегда безбожник, а случаи доведения до самоубийства или склонения к нему не всегда становятся известны, поэтому «всякий предел и всякая мера», по справедливому замечанию старца, действительно известны только Богу, а человека Макар Иванович призывает лишь к проявлению милосердия – к молитве. Неспроста в его рассказах фигурируют два явно необычных суицидента: солдат, повесившийся оттого, что его несправедливо оправдали, то есть лишили возможности понести наказание, и восьмилетний ребенок, совершивший самоубийство из страха перед наказанием [Достоевский, т. XIII, с. 309–310, 318]. Очевидно, что обе эти трагедии иллюстрируют не «безбожие» суицидентов, а нечто иное.

Размышления Макара Ивановича о сложности человеческой природы, о многообразии причин, могущих повлечь за собой этот роковой шаг, фактически, как и многое иное в творчестве Достоевского, предвосхищают открытия современной медицинской науки. Так, известный врач и ученый, основатель российской (советской) суицидологии А.Г. Амбрумова выделяет в своих исследованиях один из мотивов самоубийства – «самонаказание» [Амбрумова, 1994, с. 17]. Этим мотивом и руководствовался, по всей видимости, солдат из рассказа Макара Ивановича, рассчитывавший на справедливое наказание суда, которого его лишили. Детское самоубийство, о котором Макар Долгорукий говорит как о небывалом явлении («И вот на памяти людской не было еще в тех местах, чтобы такой малый робенок на свою жизнь посягнул» [Достоевский, т. XIII, с. 318]), тоже является определенным новым знанием о человеке, которое ужасает, но знать о котором необходимо. Такой феномен детского суицида всего через несколько лет будет отражен Достоевским в «Дневнике писателя» за 1877 год в статье «Именинник» – о повесившемся гимназисте [Достоевский, т. XXV, с. 34–35]. С этим «небывалым» явлением вскоре столкнется всё общество, когда на рубеже XIX–XX веков вспыхнет, как называли ее современники, «эпидемия» подростковых и юношеских суицидов [Лярский, 2017].

Нельзя, таким образом, согласиться и с пониманием образа Макара Ивановича как юродивого, деревенского «чудака», радующегося «Божьему миру» лишь потому, что он мало что в нем смыслит. Такая точка зрения, подразумевающая взгляд на Макара Долгорукого свысока – взгляд «версильский», «барский» (как на «дворянского человека»), – присутствует в науке с середины XX века, когда мировоззрение этого героя Достоевского было определено как «наивный пантеизм», а он сам был представлен «простоватым чудачком»: это «благоговейный восторг» «в растроганных восклицаниях старца <...> перед гармонией мироздания, которую он усматривает в тождестве предмета с присущим ему по природе действием» [Семенов, 1979,

с. 93]. Немецкий же исследователь Р. Опиц видит в Макаре Ивановиче лишь «трогательный образ в духе русского народного христианства», чья «сила заключается в легком отношении к окружающему, в *пассивном* собирании впечатлений, в умении радоваться чуду Божьего мира...» [Опиц, 2003, с. 31] (Курсив мой. – Т.К.). Хотя ученый в целом и положительно относится к герою, но все же такое понимание этого образа представляется недостаточным.

Парадоксально, но именно *странник* Макар Иванович своим появлением дарит *дом* «случайному семейству». Так, на протяжении всего романа Аркадий, если говорит о квартире, где он живет с матерью и сестрой, то большей частью не идентифицирует ее как «свой дом»: он говорит «к маме» или «дал адрес мамы» [Достоевский, т. XIII, с. 278]. А когда в их квартире поселяется Макар Долгорукий, квартира становится уже «домом». Так, в реплике «Ну мог ли я встать и уйти домой... к Макару Ивановичу?» писатель с помощью многоточия обозначил паузу в речи молодого человека, свидетельствующую о новизне в его мировосприятии [Достоевский, т. XIII, с. 338]. Своим присутствием Макар Иванович превращает «беспорядок», «бездомье» в дом [Карпачева, 2013]. Аркадий обретает своего «духовного отца», когда тот уже на пороге смерти: им нужно увидеться здесь, на земле, чтобы Макар Иванович благословил его в новый путь и не оставлял своей молитвенной поддержкой после смерти, ибо «и по смерти любовь» [Достоевский, т. XIII, с. 290]. Смерть Макара Долгорукого становится как бы началом «новой жизни» Аркадия.

На «преображающую», «восстанавливающую», «собирательную», «созидательную» роль Макара Ивановича в «случайном семействе» неоднократно обращали внимание многие ученые. Так, главной отличительной чертой этого образа было названо «непосредственное и живое чувство своей нерасторжимой связи с миром», поскольку в своей «соборной», «собирательной» роли он препятствует «раздробленности», едва не погубившей и Аркадия, и Версилова, и Ахмакову: «Всеобъединяющей и потому “прекрасной” тайне Макара противостоят в “Подростке” всераздробляющие, частные тайны и секреты других героев» [Ракитина, 1986, с. 57, 99]. Было также отмечено, что «категория религиозного преобразования личности [в понимании преобразования Аркадия] определяет жанровую природу и хронотоп романа», а в создании образа Макара Ивановича различаются черты древнерусской святости и традиции жанра хождения (хождения): «Паломник идет крестным путем Христа, желая стяжать Дух Святой» [Гаричева, 2011, с. 201, 204–205].

Выводы

Итак, образ Макара Ивановича Долгорукого в романе «Подросток», восходящий к идеалу святости, вобравший в себя мысли из сочинений свт. Тихона Задонского, а также черты, присущие и другим русским святым, стоит в одном ряду с образами старца Зосимы, епископа Тихона в романе

«Бесы», но никак не с фигурой Миколки (персонажа, по своему менталитету наиболее близкого к секте бегунов). Бегуны уходили от общества, стремясь «обособиться». Итог же странствий Макара Ивановича, напротив, созидательный. Он не отрекается от мира, как бегуны, стремившиеся «закрыться», «спрятаться», чтобы не участвовать в жизни общества, где, по их мнению, воцарился антихрист; напротив, в своих речах и поступках он несет людям гармонию. В словах Макара Ивановича нет ничего, что противоречило бы догматическому богословию традиционного православия: он наделен чертами не только великого молитвенника и наставника, но и философа-богослова.

Источники

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 тт. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990.

Библиотека Ф.М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.

Православная литература

Жития святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 286 с.

Тихон Задонский, свт. Собр. соч.: в 5 тт. М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 2003.

Тихон Задонский, свт. Келейное моление // Святитель Тихон Задонский, свт. Избранные труды, письма, материалы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2004. Приложение (издается отдельной вкладкой). 62 с.

Словарь

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Совмещенная ред. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртене в современном написании. М.: Олма Медиа Групп, 2007.

Литература

Аксаков И.С. Краткая записка о странниках или бегунах (1851) // Русский архив. 1866. № 4. Стлб. 627–644.

Амбрумова А.Г. Психология самоубийства // Медицинская помощь. 1994. № 3. С. 15–19.

Белопольский В.Н. Достоевский и «западный раскол»: генезис и семантика фамилии главного героя романа «Преступление и наказание» (дополнение к комментарию) // Достоевский и мировая культура: альманах. 2013. № 30. Ч. 1. С. 286–291.

Боград Г.Л. Предположения о Смердякове (К вопросу об отношении Достоевского к расколу) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2007. Т. 18. С. 161–169.

Бондач А.Г. Каноны о самоубийствах // Встреча (Студенческий православный журнал Московской духовной академии). 2008. № 1 (26). С. 17–19. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-o-samoubijstvah/>

Бахмутов Е.С. Секта бегунов – радикальный толк раскола // Регионология. 2008. № 1. С. 238–245. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/39>

Буданова Н.Ф. «И свет во тьме светит...» (К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского). СПб.: Петрополис, 2012. 408 с.

Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8, доп. История распоряжений по расколу. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1863. 656 с.

Власкин А.П. Творчество Ф.М. Достоевского и народная религиозная культура. Челябинск: ЧГУ; Магнитогорск: МГПИ, 1994. 204 с.

Волгин И.Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Книга, 1991. 607 с.

Гаричева Е.А. Преображение личности в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 201–215.

Джоунс М. Достоевский, Засецкая и учение лорда Редстока // Достоевский: дополнение к комментарию. М.: Наука, 2005. С. 297–313.

Дилакторская О.Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка») // Philologica: Двухязычный журнал по русской и теоретической филологии. 1995. Т. 2, № 3–4. С. 59–84.

Ивановский Н.И. Внутреннее устройство секты странников или бегунов СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1901. 102 с. (Изд. журнала «Миссионерское обозрение».)

Ипатова С.А. Достоевский, Лесков и Ю.Д. Засецкая: спор о редстокизме (Письма Ю.Д. Засецкой к Достоевскому) // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 16. СПб.: Наука, 2001. С. 409–436.

Истомин К.К. Из жизни и творчества Достоевского в молодости // Творческий путь Достоевского: сб. ст. / Под ред. Н.Л. Бродского. Л.: Сеятель, 1924. С. 3–48.

Иустин (Попович), прп. Достоевский о Европе и славянстве / Пер. с серб. Л.Н. Даниленко. М.; СПб.: изд-во Сретенского монастыря, 2002. 288 с.

Карпачева Т.С. Образ Москвы в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Москва и «московский текст» в русской литературе: Москва в судьбе и творчестве русских писателей: сб. науч. ст. М.: МГПУ, 2013. Вып. 7. С. 39–45.

Карпачева Т.С. Пасхальность творчества свт. Тихона Задонского и Ф.М. Достоевского // Вестник Новгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 84. С. 31–35.

Кельсиев В.И. Пережитое и передуманное: Воспоминания Василия Кельсиева. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. 438 с.

Кони А.Ф. На жизненном пути. Из записок судебного деятеля. 4-е изд.

Ревель; Берлин: Библиофил, 1922. Т. 1. 667 с.

Ляровский А.Б. «Простите, дорогие мама и папа». Родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX – начала XX века. СПб.: Крига, 2017. 600 с.

Мальцев А.И. Об одном из основных аспектов вероучения староверов-странников // Книга и литература в культурном контексте: сб. науч. ст., посвященных 35-летию начала археографической работы в Сибири. 1965–2000. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. С. 447–452.

Ми Суюян. Раскольники в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: взаимодействие художественного текста с публицистикой // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 4 (169). С. 139–146.

Михнюкевич В.А. Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского. Челябинск: ЧГУ, 1994. 320 с.

Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 607 с.

Опиц Р. Эксперимент Достоевского с повседневностью: роман «Подросток» // Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения: сб. ст. Коломна: КГПИ, 2003. С. 28–52.

Плетнев Р.В. Сердцем мудрые: о «старцах» у Достоевского // Вокруг Достоевского: сб. ст. / под ред. А.Л. Бема. В 2 т. Т. 1 [и единственный]. О Достоевском: Прага, 1929 / 1933 / 1936. М.: Русский путь, 2007. С. 251–263.

Поселянин Е.Н. Идеалы христианской жизни: в 4-х кн. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1913. 493 с.

Ракитина Л.М. Сюжетно-композиционное единство романа Ф.М. Достоевского «Подросток»: дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 189 с.

Саису Н. Образ наставника в творчестве Ф.М. Достоевского конца 1860-х – 1870-х гг.: св. Тихон Задонский, К.Е. Голубов: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 194 с.

Семенов Е.И. Роман Достоевского «Подросток»: (проблематика и жанр). Л.: Наука, 1979. 168 с.

Тихомиров Б.Н. Неизвестный набросок Ф.М. Достоевского к неосуществленному публицистическому замыслу «Статьи об отношении России к Европе и об русском верхнем слое» // Статьи о Достоевском. 1971–2001. СПб.: Серебряный век, 2001. С. 19–23.

Трефолов Л.Н. Странники // Русский архив. 1866. № 4. С. 602–627.

Туниманов В.А. Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. Л.: Наука, 1971. С. 33–66.

Тузичишный А.П. Сектанство в романе «Идиот» // Идеиные источники образов Ф.М. Достоевского. М.: МГЭИ, 2010. С. 61–67.

Халтулари Д.В. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб.: Деп-т общ. дел Министерства внутренних

дел, 1903. 340 с.

Цой Л.Н. Проблема раскола и народных ересей в творчестве Достоевского. Якутск: ЯГУ, 1995. 114 с.

Щапов А.П. Земство и раскол. II (Бегуны) // Щапов А.П. Собр. соч.: в 3 тт. СПб.: Изд. М.В. Пирожков, 1906. Т. 1. С. 505–579.

Якубович И.Д. К характеристике стилизации в «Подростке» // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. Вып. 3. С. 136–143.

References

Sources

Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 tt.* [Complete Works and Letters: in 30 vols.]. L.: Nauka Publishing House. Leningrad Branch, 1972–1990.

Biblioteka F.M. Dostoyevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoye opisaniye [The Library of F.M. Dostoevsky: The Experience of Reconstruction. Scientific Description]. SPb.: Nauka Publishing House, 2005. 338 p.

Orthodox Literature

Zhitiya svyatiteley Mitrofana Voronezhskogo i Tikhona Zadonskogo [The Lives of Saints Mitrofan of Voronezh and Tikhon of Zadonsk]. M.: Sretensky Monastery Press, 2007. 286 p.

Tikhon Zadonsky, St. *Sobr. soch.: v 5 tt.* [Collected Works: in 5 vols.]. M.: Printing House Named After St. Ignatius of Stavropol, 2003.

Tikhon Zadonsky, St. *Keleynoye moleniye* [Cell Prayer] // St. Tikhon Zadonsky. *Izbrannyye trudy, pis'ma, materialy* [Selected Works, Letters and Papers]. M.: Orthodox St. Tikhon University for the Humanities Press, 2004. The Application (published in a separate tab). 62 p.

Dictionary

Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 tt.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. *Sovmeshhennaya red. V.I. Dalja i I.A. Bodujena de Kurtene v sovremennom napisanii* [Combined Edited by V.I. Dahl and I.A. Baudouin de Courtenay in Modern Spelling]. M.: Olma Media Group Press, 2007.

Literature

Aksakov I.S. *Kratkaya zapiska o strannikakh ili begunakh (1851)* [The Short Note about Wanderers or Runners] (1851) // Russian Archive. 1866. № 4. Col. 627–644.

Ambrumova A.G. *Psikhologiya samoubiystva* [Psychology of Suicide] // *Medicinskaja pomoshh'* [Medical Aid]. 1994. № 3. Col. 15–19.

Belopolsky V.N. *Dostoyevskiy i «zapadnyy raskol»: genezis i semantika familii glavnogo geroya romana «Prestupleniye i nakazaniye» (dopolneniye k kommentariyu)* [Dostoevsky and the «Western Schism»: the Genesis and Semantics

of the Surname of the Main Character of the Novel “Crime and Punishment” (Supplement to the Commentary)] // *Dostoevskij i mirovaja kul'tura: Al'manah* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. 2013. № 30. Part 1. Pp. 286–291.

Bograd G.L. *Predpolozheniya o Smerdyakove (K voprosu ob otnoshenii Dostoyevskogo k raskolu)* [Assumptions about Smerdyakov (On the Question of Dostoevsky's Attitude to the Schism)] // *Dostoevskij. Materialy i issledovanija* [Dostoevsky: Materials and Research]. SPb.: Nauka Publishing House, 2007. V. 18. Pp. 161–169.

Bondach A.G. *Kanony o samoubiystvakh* [The Canons of Suicide] // *Vstrecha (Studencheskij pravoslavnyj zhurnal Moskovskoj duhovnoj akademii)* [Meeting (Student Orthodox Journal of the Moscow Theological Academy)]. 2008. № 1 (26). Pp. 17–19. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-o-samoubijstvah/>

Bakhmustov E.S. *Sekta begunov – radikal'nyy tolk raskola* [The Sect of Runners – a Radical Interpretation of the Schism] // *Regionology*. 2008. № 1. Pp. 238–245. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/39>

Budanova N.F. “*I svet vo t'me svetit...*” (*K harakteristike mirovozzrenija i tvorcestva pozdnego Dostoyevskogo*). [“And the Light Shines in the Darkness...” (On the Characteristics of the Worldview and Creativity of the Late Dostoevsky)]. SPb.: Petropolis Press, 2012. 408 p.

Varadinov N.V. *Istoriya Ministerstva vnutrennikh del. Kn. 8, dop. Istoriya rasporyazheniy po raskolu* [History of the Ministry of Internal Affairs. Book 8, add. The History of Schism Orders]. SPb.: Ministry of Internal Affairs Press, 1863. 656 p.

Vlaskin A.P. *Tvorcestvo F.M. Dostoyevskogo i narodnaya religioznaya kul'tura* [The Work of F.M. Dostoevsky and Folk Religious Culture]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press; Magnitogorsk: Magnitogorsk State Pedagogical Institute Press, 1994. 204 p.

Volgin I.L. *Rodit'sya v Rossii. Dostoyevskiy i sovremenniki: zhizn' v dokumentakh* [Born in Russia. Dostoevsky and His Contemporaries: Life in Documents]. M.: Kniga Press, 1991. 607 p.

Garicheva E.A. *Preobrazheniye lichnosti v romane F.M. Dostoyevskogo «Podrostok»* [The Transformation of Personality in F.M. Dostoevsky's Novel “The Adolescent”] // *Problemy istoricheskoy pojetiki* [Problems of Historical Poetics]. 2011. № 9. Pp. 201–215.

Jones M. *Dostoyevskiy, Zasetskaya i ucheniye lorda Redstoka* [Dostoevsky, Zasetskaya and the Teachings of Lord Redstock] // *Dostoevskij: dopolnenie k kommentariju* [Dostoevsky. Supplement to the Commentary]. M.: Nauka Publishing House, 2005. Pp. 297–313.

Dilaktorskaya O.G. *Skoptsy i skopchestvo v izobrazhenii Dostoyevskogo (Kistolkovaniyupovesti «Khozyayka»)* [The Eunuchs and the Eunuch in Dostoevsky's Image (To Interpret the Story “The Hostess”)] // *Philologica: Dvujazychnyj zhurnal po russkoj i teoreticheskoy filologii* [Philologica: The Bilingual Magazine of Russian

and Theoretical Philology]. 1995. V. 2, № 3–4. Pp. 59–84.

Ivanovsky N.I. *Vnutrenneye ustroystvo sekty strannikov ili begunov* [The Internal Structure of the Sect of Wanderers or Runners] // *Izd. zhurnala «Missionerskoe obozrenie»* ["Missionary Review" Magazine Press]. SPb.: Typo-lithography by V.V. Komarov, 1901. 102 p.

Ipatova S.A. *Dostoyevskiy, Leskov i Yu.D. Zasetskaya: spor o redstokizme (Pis'ma Yu.D. Zasetskoy k Dostoyevskomu)* [Dostoevsky, Leskov and Yu.D. Zasetskaya: the Dispute about Redstockism (Letters from Yu.D. Zasetskaya to Dostoevsky)] // *Dostoyevskij. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. V. 16. SPb.: Nauka Publishing House, 2001. V. 16. Pp. 409–436.

Istomin K.K. *Iz zhizni i tvorchestva Dostoyevskogo v molodosti* [From the Life and Work of Dostoevsky in His Youth] // *Tvorcheskij put' Dostoyevskogo: sb. st. / Pod red. N.L. Brodskogo* [Dostoevsky's Creative Path: Collection of Articles / Edited by N.L. Brodsky]. L.: Sejatel Press, 1924. Pp. 3–48.

Iustin Popovich, St. *Dostoyevskiy o Yevrope i slavyanstve* [Dostoevsky on Europe and the Slavs] / Translated from Serbian by L.N. Danilenko. M.; SPb.: Sretensky Monastery Press, 2002. 288 p.

Karpacheva T.S. *Obraz Moskvy v romane F.M. Dostoyevskogo «Podrostok»* [The Image of Moscow in F.M. Dostoevsky's Novel "The Adolescent"] // *Moskva i «moskovskij tekst» v russkoj literature: Moskva v sud'be i tvorchestve russkih pisatelej: sb. nauch. st.* [Moscow and the "Moscow Text" in Russian Literature: Moscow in the Fate and Work of Russian Writers: Collection of Scientific Articles]. M.: Moscow City Pedagogical University Press, 2013. Issue 7. Pp. 39–45.

Karpacheva T.S. *Paskhal'nost' tvorchestva svt. Tikhona Zadonskogo i F.M. Dostoyevskogo* [The Paschal Nature of Tikhon Zadonsky and F.M. Dostoevsky] // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Novgorod State University. Ser.: Humanities]. 2015. № 84. Pp. 31–35.

Kelsiev V.I. *Perezhitoye i peredumannoye. Vospominaniya Vasiliya Kel'siyeva* [The Experienced and the Changed: Memoirs of Vasily Kelsiev]. SPb.: Printing House of V. Golovin, 1868. 438 p.

Koni A.F. *Na zhiznennom puti. Iz zapisok sudebnogo deyatelya* [On the Path of Life. From the Notes of the Judicial Figure]. Ed. 4. Revel; Berlin: Bibliofil Press, 1922. Vol. 1. 667 p.

Lyarsky A.B. *«Prostitute, dorogiye mama i papa». Roditeli, deti i bor'ba s podrostkovymi samoubiystvami v Rossii kontsa XIX — nachala XX veka* [I'm Sorry, Dear Mom and Dad». Parents, Children and the Fight Against Teenage Suicide in Russia at the End of the XIX-th – beginning of the XX-th Century]. SPb.: Kriga Press, 2017. 600 p.

Maltsev A.I. *Ob odnom iz osnovnykh aspektov veroucheniya staroverov-strannikov* [On One of the Main Aspects of the Faith of the Old Believers-wanderers] // *Kniga i literatura v kul'turnom kontekste: sb. nauch. st.*,

posvjashhennyh 35-letiju nachala arheograficheskoj raboty v Sibiri. 1965–2000. [Book and Literature in a Cultural Context: Scientific Collection of Articles Dedicated to the 35th Anniversary of the Beginning of Archaeological Work in Siberia. 1965–2000]. Novosibirsk: Gosudarstvennaja publichnaja nauchno-tehnicheskaja biblioteka Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk [Printing House of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2003. Pp. 447–452.

Mi Suyan. *Raskol'niki v «Zapiskakh iz Mertvogo doma» F.M. Dostoevskogo: vzaimodeystviye khudozhestvennogo teksta s publitsistikoy* [Schismatics in “Notes from the Dead House” by F.M. Dostoevsky: the Interaction of Literary Text with Journalism] // *Izvestija UrFU. Ser. 2. Gumanitarnye nauki* [News of the Ural Federal University. Ser. 2. Humanities]. 2017. V. 19, № 4 (169). Pp. 139–146.

Mikhnyukevich V.A. *Russkiy fol'klor v khudozhestvennoy sisteme F.M. Dostoyevskogo* [Russian Folklore in the Artistic System of F.M. Dostoevsky]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press, 1994. 320 p.

Mochulsky K.V. *Gogol'. Solov'yev. Dostoyevskiy* [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. M.: Republic Press, 1995. 607 p.

Opitz R. *Eksperiment Dostoyevskogo s povsednevnost'yu: roman «Podrostok»* [Dostoevsky's Experiment with Everyday Life: The Novel “The Adolescent”] // *Roman F.M. Dostoyevskogo «Podrostok»: vozmozhnosti prochtenija* [The Novel by F.M. Dostoevsky “The Adolescent”. Possibilities of Reading]: Collection of Articles. Kolomna: Kolomna State Pedagogical Institute Press, 2003. Pp. 28–52.

Pletnev R.V. *Serdsem mudryye. O «startsakh» u Dostoyevskogo* [Wise in Heart. About the “Elders” in Dostoevsky] // *Vokrug Dostoyevskogo: sb. st.: v 2 tt. / pod red. A.L. Bema. T. 1 [i edinstvennyj]. O Dostoyevskom: Praga, 1929 / 1933 / 1936* [Around Dostoevsky: in 2 vols. Collection of Articles / Edited by A.L. Boehm. V. 1 [and the only one]. About Dostoevsky. Prague, 1929 / 1933 / 1936]. M.: Russian Way Press, 2007. Pp. 251–263.

Poselyanin E.N. *Idealy hristianskoj zhizni* [Ideals of Christian Life]: in 4 books. SPb.: Printing House by P.P. Soikin, 1913. 493 p.

Rakitina L.M. *Syuzhetno-kompozitsionnoye yedinstvo romana F.M. Dostoyevskogo «Podrostok»* [The Plot and the Compositional Unity of F.M. Dostoevsky's Novel “The Adolescent”]: dis. ... Cand. of Philological Sciences. M., 1986. 189 p.

Saisu N. *Obraz nastavnika v tvorchestve F.M. Dostoyevskogo kontsa 1860-kh – 1870-kh gg.: sv. Tikhon Zadonskiy, K.Ye. Golubov* [The Image of the Mentor in the Works of F.M. Dostoevsky in the Late 1860s – 1870s: St. Tikhon of Zadonsk, K.E. Golubov]: dis. ... Cand. of Philological Sciences. SPb., 2020. 194 p.

Semenov E.I. *Roman Dostoyevskogo «Podrostok»: (problematika i zhanr)* [Dostoevsky's Novel “The Adolescent”: (Problems and Genre)]. L.: Nauka Publishing House, 1979. 168 p.

Tikhomirov B.N. *Neizvestnyy nabrosok F.M. Dostoyevskogo*

k neosushchestvlenному publitsisticheskomu zamyslu «Stat'i ob otnoshenii Rossii k Yevrope i ob russkom verkhnem sloye» [Unknown Sketch of F.M. Dostoevsky for the Unrealized Journalistic Plan “Articles on Russia’s Attitude to Europe and on the Russian Upper Class”] // *Stat'i o Dostoyevskom. 1971–2001* [Articles on Dostoevsky. 1971–2001]. SPb.: *Silver Age Press*, 2001. Pp. 19–23.

Trefolev L.N. *Stranniki* [Wanderers] // *Russkij arhiv* [Russian Archive]. 1866. № 4. Pp. 602–627.

Tunimanov V.A. *Dostoyevskiy i Nekrasov* [Dostoevsky and Nekrasov] // *Dostoyevskiy i ego vremya* [Dostoevsky and His Time]. L.: *Nauka Publishing House*, 1971. Pp. 33–66.

Tusichishny A.P. *Sektantstvo v romane «Idiot»* [Sectarianism in the Novel “The Idiot”] // *Idejnye istochniki obrazov F.M. Dostoyevskogo* [Ideological Sources of F.M. Dostoevsky’s Images]. M.: Moscow Humanities and Economics Institute Press, 2010. Pp. 61–67.

Khaltulari D.V. *Obzor meropriyatij Ministerstva Vnutrennikh del po raskolu s 1802 po 1881 god* [Review of the Activities of the Ministry of Internal Affairs on the Schism from 1802 to 1881]. SPb.: Department of General Affairs of the Ministry of Internal Affairs], 1903. 340 p.

Tsoi L.N. *Problema raskola i narodnykh yeresey v tvorchestve Dostoyevskogo* [The Problem of Schism and Popular Heresies in the Works of Dostoevsky]. Yakutsk: Yakutsk State University Press, 1995. 114 p.

Shchapov A.P. *Zemstvo i raskol. II (Beguny)* [Zemstvo and Schism. II (Runners)] // Shchapov A.P. *Sobr. soch.: v 3 tt.* [Shchapov A.P. Collected Works: in 3 vols.]. SPb.: Printing House of M.V. Pirozhkov], 1906. V. 1. Pp. 505–579.

Yakubovich I.D. *K kharakteristike stilizatsii v «Podrostke»* [On the Characteristics of Stylization in “The Adolescent”] // *Dostoyevskij: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. L.: *Nauka Publishing House*, 1978. № 3. Pp. 136–143.

Сведения об авторе

Карпачева Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: русская литература XIX века, творчество Ф.М. Достоевского.

XXXXX

Information about the Author

Tatiana S. Karpacheva – PhD (Philology), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: Russian Literature of the XIX-th century, F.M. Dostoevsky’s works.

РУСИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА

Сборник научных статей

Выпуск XVIII

ИКД «Зерцало-М»
Московский городской педагогический университет

Подписано в печать 16.09.2024
Формат 60×90/16. Печ. л. 12,125
Тираж 300 экз.
Заказ № 1974